

М.Б. Гимбатова

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ НОГАЙЦЕВ
В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский научный центр РАН

М.Б. Гимбатова

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ НОГАЙЦЕВ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Монография

instituteofhistory.ru

Махачкала - 2018

УДК 39 (470. 67)
ББК 63.5 (2 Р – 6 Д)
Г–48

*Рекомендовано к изданию ученым советом
Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.*

Ответственный редактор
Алимова Б.М. – доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки РД.

Рецензенты:
Магомедсалихов Х.Г. – доктор исторических наук;
Мусаева М.К. – кандидат исторических наук.

Гимбатова М.Б.

Г-48 **Общественный быт ногайцев в XIX – начале XX века.** – Махачкала: АЛЕФ, 2018. – 174 с.

ISBN 978-5-4447-0056-3

Монография является первым специальным исследованием, посвященным общественному быту ногайцев в XIX – начале XX века.

В книге на основе архивных, литературных источников и полевого этнографического материала представлены институты традиционного общественного быта ногайцев. Автор знакомит читателей с органами управления и судопроизводства, нормами общественного поведения, обычаями гостеприимства и куначества, взаимопомощи, кровной мести, общественными праздниками и развлечениями, детскими играми.

Проведены широкие культурно-исторические параллели с тюркоязычными народами Дагестана, Северного Кавказа, России, Средней Азии и Казахстана.

Расчитана на этнологов, историков, культурологов и широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой ногайцев.

ISBN 978-5-4447-0056-3

© Гимбатова М.Б., 2018
© Издательство «АЛЕФ», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Органы управления и судопроизводство	25
Глава 2. Нормы общественного поведения	61
Глава 3. Обычаи гостеприимства и куначества	91
Глава 4. Обычай взаимопомощи.....	112
Глава 5. Кровная месть	120
Глава 6. Общественные праздники и развлечения, детские игры ...	129
Заключение	149
Литература.....	152
Список информаторов.....	166
Список сокращений	171

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших задач этнографической науки является всестороннее изучение традиционно-бытовой культуры этносов. В условиях стирания этноспецифических особенностей больших и малых по численности народов, ее изучение является одной из актуальных задач современной этнологии. Особый интерес к проблеме явно наметился в наши дни, характеризующиеся подъемом национального самосознания и заметно повышенным вниманием ко всему, что, так или иначе, относится к национально-культурной традиции.

Весьма важное место в совокупности указанных проблем занимают вопросы общественного быта ногайцев в XIX – начале XX века, которые имеют большое научное и познавательное значение не только потому, что характеризуют социально-экономическое и политическое положение ногайского общества, они дают четкое представление о культурном развитии народа в исследуемый период. Кроме того, данная тема до сих пор не была объектом специального изучения в отечественном ногаеведении, хотя отдельные ее аспекты освещались в трудах¹ северокавказских ученых, в которых представлены и некоторые стороны общественного быта ногайцев XIX – начала XX века: общественный строй, обычаи гостеприимства и куначества, взаимопомощи, кровной мести.

Все это и определило выбор исследования, целью которого является изучение общественного быта ногайцев в XIX – начале XX века.

Объектом исследования послужили этнические группы ногайцев, проживающие в Дагестане (караногайцы, тарковские, аксаевские и костековские ногайцы), Чечне (терские ногайцы), Ставропольском крае (ачикулаские и кумские ногайцы) и в Карачаево-Черкесии (кубанские ногайцы).

Для достижения поставленной цели следовало решить ряд задач, а именно:

– изучить социально-экономическое и политическое состояние ногайского общества в исследуемый период;

– исследовать институты общественного быта ногайцев в XIX – начале XX века (органы управления и судопроизводство; обычаи гостеприимства и куначества, взаимопомощи, кровной мести; нормы общественного поведения; общественные праздники);

---

¹ См.: Калмыков И. Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.

- выявить всеобщее, повсеместное и этноспецифическое в общественном быту ногайцев;
- показать взаимовлияние в сфере общественного быта ногайцев и дагестанских, северокавказских народов;
- выявить общие закономерности в развитии традиционных институтов общественного быта ногайцев и других тюркоязычных народов России, Средней Азии и Казахстана.

Для решения поставленных задач мы придерживались утвердившегося в отечественной этнографии положения о преемственности и взаимопроникновении культур разных народов, о взаимосвязанных процессах исторического развития народов в рамках всеобщей истории. И поэтому предпочтение отдано системно-структурному, комплексному типу исследования с использованием историко-сравнительного и историко-типологического методов.

Источниковой базой исследования послужил полевой этнографический материал, собранный в районах компактного проживания ногайцев в Дагестане и на Северном Кавказе (в Ногайском районе РД, Шелковском районе ЧР, Ставропольском крае, КЧР), а также письменные и литературные источники, архивные материалы ГАРД, ГАСК, РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.

При обращении к источникам и литературе обнаружено, что первые сведения о ногайцах встречаются в трудах польского историка XVI века Матвея Меховского¹, Сегизмунда Герберштейна², московского купца Федота Котова³. Следует отметить их особую ценность как одних из первых достоверных сведений о ногайцах, их верованиях, месторасположении и быте.

Разносторонний материал по интересующей нас проблеме содержат работы иностранных и русских путешественников, посетивших в течение XVII века Россию и Северо-Восточный Кавказ с различными целями. Это советник голштинского посольства Адам Олеарий⁴, турецкий путешественник Эвлия Челеби⁵, голландец Ян Стрейс⁶, доми-

---

¹Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936.

²Герберштейн С. Записки о Московии /Под ред. В.Л. Янина. М., 1988.

³Котов Ф.А. Хождения купца Федота Котова в Персию // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992.

⁴Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1906.

⁵Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). М., 1979. Вып. 2.

⁶Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935.

никанец Дортелли Д'Асколи¹, И.Г. Гербер², И.И. Гильденштедт³, С.Г. Гмелин⁴, И.Г. Георги⁵. В их трудах имеется много ценного этнографического материала, они достаточно подробно описали местность, занимаемую ногайцами в XVII – XVIII вв., зафиксировали ногайские тамги, детально описали юрту, одежду, промыслы и быт ногайцев.

От простого жизнеописания народа русские историки⁶ перешли к изучению политической истории ногайцев, их традиции продолжили советские и российские ученые.

В XIX в. изучением быта малочисленных кочевых народов России занялись С. Броневский¹, А. Павлов², П. Небольсин³, К.Ф. Сталь⁴,

¹Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмилио Дортелли Д'Асколи, префектом Кафы, Татарии и пр., в 1634 г. // ЗИООИД. Одесса, 1902. Т. 13.

²Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х-М. Хашаева. М., 1958.

³Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествия акад. Гильденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770-1773 гг. // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. / Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992.

⁴Гмелин С.Г. Путешествие по России. Ч. 2. СПб., 1777.

⁵Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав. О народах татарского племени. СПб., 1799. Т. 2.

⁶Татищев В.Н. История российская. М., 1962. Т. 1; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 1; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 1. Т. 2; Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 годы. СПб., 1793; Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб., 1877. Ч. II; Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489-1508 гг. М., 1984.

⁷Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. ЗРАНОИФ. Т. XIII, № 6. Пгр., 1922; Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов-Москва, 1923; Новосельский А.Н. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948; Сафаргалиев М.Г. Ногайская орда во 2-й половине XVI в. // Сб. научных работ. Саранск, 1949; Кочкаев Б.-А.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Черкесск, 1973; Он же. Ногайско-русские отношения в XV – XVIII вв. Алма-Ата, 1988; Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974; Кужелева Л.Н. Ногайцы (из истории ногайцев XVIII – нач. XX в.) // УЗ ИИЯЛ им. Г. Цадасы. Т. 13., сер. истор. Махачкала, 1964; Кидирнязов Д.С. Ногайцы XV – XVIII вв. Махачкала, 2000; Он же. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII в. Махачкала, 2000; Он же. Взаимоотношения ногайцев с Россией в XVIII в. Махачкала, 2000; Он же. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. Махачкала, 2003; Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2002 и др.

Н. Дубровин⁵, Г. Малявкин⁶, оставившие подробные описания образа жизни и быта ногайцев, которые чрезвычайно важны для нашего исследования.

Ценный фактический материал по интересующей нас теме содержится и в трудах А.И. Якобия⁷ и И.Л. Щеглова⁸, в которых систематизирован и обобщен богатый этнографический материал по ногайцам.

Непосредственное отношение к нашей теме имеет работа Н. Семенова⁹, в которой нашли отражение вопросы общественного быта, образа жизни и духовного наследия ногайцев.

Разносторонний материал по ногайцам, представляющий для нас огромный интерес, сосредоточен в труде Ф.О. Капельгородского¹⁰, ему удалось детально исследовать социально-экономическую ситуацию в Караногае в конце XIX – начале XX века, а также изучить вопросы судопроизводства, народного образования, обычаи, верования, игры, развлечения и др.

Особую ценность для нашего исследования представляют и работы А. Рудановского¹¹, Г. Ананьева¹², С.В. Фарфоровского¹³.

Первым профессиональным собирателем фольклора ногайцев стал А.-Х.Ш. Джанибеков. В его очерке по истории ногайцев, написанном на рубеже XIX – XX веков, содержится много достоверных

---

¹Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2.

²Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842.

³Небольсин П. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // ВИРГО на 1851 г. СПб., 1851. Т. 2. Кн. 2.

⁴Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. (1852) // КС. Тифлис, 1900. Т. 21.

⁵Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.

⁶Малявкин Г. Караногайцы // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 г. /Под ред. Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2.

⁷Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.

⁸Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. В 4-х тт. Ставрополь, 1910. Т.1.

⁹Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Ногайцы. СПб., 1895.

¹⁰Капельгородский Ф.О. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 68.

¹¹Рудановский А. О Караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. 1863. № 51.

¹²Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни // СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып. 20.

¹³Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // ЗКОРГО. Тифлис, 1909. Кн. XXVI. Вып.7.

сведений о быте и образе жизни ногайцев¹, которые являются для нас ценным источником.

В советский период появились первые специальные исследования по этнографии ногайцев, в которых получили освещение многие вопросы традиционно-бытовой культуры. Особо следует отметить труды, изданные крупным ученым-кавказоведом С.Ш. Гаджиевой², которые стали первыми серьезными научными работами по истории и этнографии ногайцев.

Для нашего исследования большой интерес представляют те работы, в которых отражены различные вопросы общественного быта ногайцев. Отдельные стороны общественного быта ногайцев, такие как календарные праздники, игры и развлечения, описаны в работах И.Х. Калмыкова³ и известного ногайского писателя С.И. Капаева⁴.

Большое значение для освещения тех или иных вопросов общественного быта ногайцев в XIX – начале XX века имеют труды видного ногайского ученого Р.Х. Керейтова⁵.

Неоценимый вклад в исследование социально-экономического и политического развития ногайского общества в XIX – начале XX века внес известный ученый Б.Б. Кочекаев. В его труде⁶ на основе огромного количества архивных документов, большинство из которых благодаря Б.Б. Кочекаеву впервые были введены в научный оборот, дана история развития ногайского общества, начиная с образования Ногайской орды и присоединения ногайцев к России и заканчивая первым десятилетием XX века.

---

¹Джанибеков А. Очерк по истории ногайцев // РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1.

²Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976; Она же. Очерки истории семьи и брака у ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1979.

³Калмыков И.Х. Традиционные виды игр у ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии, 1980; Она же. Самобытные физические упражнения и игры у тюркских народов // Половецкая луна. 1994. № 1/8.

⁴Капаев С.И. Ногайский дом. Повесть, статья. Черкесск, 1995.

⁵Керейтов Р.Х. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // СЭ. 1980. №2; Она же. Весенний праздник «Сабантой» у ногайцев // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982-1983 гг. Черновцы, 1984; Она же. Два сюжета из мусульманского месяца «Ораза» у ногайцев // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1988; Она же. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989 и др.

⁶Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма-Ата, 1973.

Весомый вклад в ногаеведение внес и Е.А. Поноженко. В его работах¹ исследуется общественный строй ногайцев в XV – середине XVII в., а также впервые рассматривается тема маслаатного суда и судебного процесса у ногайцев в XVIII – начале XIX века, которая никем прежде не изучалась. Исследования в области обычного права ногайцев были продолжены известным историком В.М. Викториным².

Большое значение для нашего исследования имеет труд Д.С. Кидирниязова «Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – начале XX в. (Исследование экономического и социально-политического устройства)» (Махачкала, 2005), в котором на основе архивных документов рассматриваются вопросы административного управления и политического положения ногайцев Северо-Восточного Кавказа в изучаемый период, дается объективная оценка царской политики в отношении ногайцев.

Для всестороннего и полного понимания данной проблемы нами использованы труды видных дагестанских этнографов, в которых рассматриваются вопросы общественного быта народов Дагестана. Так, например, общественный быт отдельных народов Дагестана рассматривался в трудах А.И. Исламмагомедова³, С.А. Лугуева⁴.

Одному из важных вопросов общественного быта – сельской общине, посвящен труд проф. М.А. Агларова⁵. В нем анализируются хо-

---

¹Поноженко Е.А. Маслагатный суд и судебный процесс у ногайцев в XVIII – XIX вв. // Вестник МГУ. 1976. № 3. Сер. XII. Право. С. 70-77; *Он же*. Общественный строй ногайцев в XV – середине XVII в. // Вестник МГУ. 1977. № 4. Сер. XI. Право. С.92-96.

²Викторин В.М. Обычно-правовая этническая и исламская (шариатная) традиции в общественном устройстве астраханских ногайцев XVIII – нач. XX вв. // Традиционная этническая культура и народные знания. Материалы международной конференции. М., 1994. С.24-25.

³Исламмагомедов А.И. Общественный быт лезгин в XIX в.: Нормы общественного поведения // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 685; *Он же*. Общественный быт кумыков и ногайцев в XIX – нач. XX в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 705; *Он же*. Общественный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 717.

⁴См.: Лугуев С.А. Гостеприимство и куначество у лакцев (вторая половина XIX – нач. XX в.) // Семейный быт народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1980. С.67-74; *Он же*. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX – нач. XX в. // Семейный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1980. С. 75-88; *Он же*. Общественный быт лакцев во второй половине XIX – начале XX века // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 3. Д. 549.

⁵Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988.

зайственно-экономические и социальные основы, политический строй дагестанской общины и союзов общин – «вольных обществ».

Отдельные стороны общественного быта народов Дагестана рассматривались и в работах В.П. Егоровой¹, М.К. Мусаевой², А.Ш. Гамзатовой³.

Проблеме регламентации межобщинных и внутриобщинных конфликтов, формам примирения в традиционном аварском обществе, которые входят в перечень исследуемых нами вопросов, посвящена монография Х.Г. Магомедсалихова⁴.

В рамках историко-этнографических исследований по народам Дагестана общественный быт рассматривался и в работах других дагестанских этнографов⁵.

В качестве сравнительного материала привлечены материалы по общественному быту северокавказских народов. Так, например, общественному строю адыгских народов в XVIII – первой половине XIX века посвящен труд крупного северокавказского ученого

instituteofhistory.ru

---

¹Егорова В.П. О состоянии кровомщения в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. // ВИЭД. 1976. Вып. 7.

²Мусаева М.К. Взаимопомощь и ее формы у хваршин // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1987; *Она же*. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995.

³Гамзатова А.Ш. Куначество в системе общественного быта народов Дагестана (XIX – начало XX века) // Вестник ДНЦ. 2006. № 24; *Она же*. Гостеприимство и куначество у горцев Центрального и Западного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2008.

⁴Магомедсалихов Х.Г. Традиционные формы разрешения конфликтов у аварцев в XIX-нач. XX в. Махачкала, 2003.

⁵См.: Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992; *Она же*. Ботлихцы. XIX-начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993 (в соавтор. с Д.М. Магомедовым); *Она же*. Кайтаги. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998; *Она же*. Годоберинцы. XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997 (в соавтор. с С.А. Лугуевым); Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2000; Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2000; Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001; *Она же*. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005; *Она же*. Гинухцы. XIX – начало XX века. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006; Агларов М. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002; Исламмагомедов А. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XVIII – нач. XX в. Махачкала, 2002; Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И. Быт и культура табасаранцев в XIX – XX вв. Махачкала, 2004; Курбанов М.-З. Ю. Сюргинцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2007.

В.К. Гарданова¹, в котором освещаются феодальные отношения у адыгов, институты общественного быта – адаты, кровная месть, обычаи гостеприимства и куначества, аталычества. Эти же вопросы получили освещение в исследованиях и других северокавказских ученых².

Народным традициям в общественном быту кабардинцев посвящен труд И.Л. Бабич³.

Для проведения культурно-исторических параллелей с тюркоязычными народами Дагестана, Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана использованы работы М. Алибекова⁴, проф. С.Ш. Гаджиевой⁵, Г.Н. Симакова⁶, а также коллективная монография северокавказских ученых, посвященная карачаевцам⁷.

Таков основной круг источников и литературы по теме нашего исследования «Общественный быт ногайцев в XIX – начале XX века».

Ногайцы – один из тюркоязычных народов, издревле населяющий нашу страну. Самоназвание ногайцев – «ногай» (ногайлар). Под этим этническим названием ногайцы еще в XIV – XV вв. были известны народам Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Крыма. Формирование ногайской народности началось еще в VI веке. Согласно выдвинутой Р.Х. Керейтовым периодизации формирования ногайской народности выделяются пять этапов: I (VI – VIII вв.) связан с тюркскими племенами; II (IX – XI вв.) печенежский; III (XI – XIII вв.) кипчакский; IV (XII – XV вв.) золотоордынский; V (XIV – XVII вв.) ногайский, связан с появлением Ногайской орды⁸.

Становление ногайцев завершилось в XVII веке, и связано оно с окончательным утверждением Ногайской орды как самостоятельного государства. Ногайцы подразделяют друг друга на группы, названия

---

¹ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967.

² Калоев Б.А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). Изд. 2. М., 1971; Калмыков И.Х. Черкесы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974; Унежеев К.Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003.

³ Бабич И.Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995.

⁴ Алибеков М. Адаты кумыков. Махачкала, 1927.

⁵ Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекменцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1985; Она же. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1999; Она же. Кумыки: Историческое прошлое, культура и быт. Кн. 2. Махачкала, 2005.

⁶ Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Л., 1984.

⁷ Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.

⁸ Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь, 1999. С. 19.

которых подчас совпадают с названием территории их проживания. Ногайцев, живущих на р. Кубани, называют «къобан ногайлар» – кубанскими ногайцами; живущих на р. Кума – кумскими ногайцами – «куьми ногайлар», «Бестав (пять гор – с ногайского) ногайлар» – бештовскими ногайцами; живущими на Пятигорье. Также ногайцы делятся на крымских ногайцев – «Крым ногайлар», волжских или астраханских ногайцев – «Эдиль (старое тюркское название р. Волги) ногайлар» или «астрахан ногайлар», ембойлуковцев – «ембойлуклар», «етишкуьллер» – етишкульцев, етисанцев – «етисанлар», караногайцев «тюмен ногай», таркинских «таргъу», аксайских «яхсай», костековских «костек» ногайцев (дагестанские ногайцы).

В Российской Федерации, по переписи 2010г., насчитывалось 103,7 тыс. ногайцев. Большинство их проживает на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане – 40407 человек, в Чечне – 3444, в Ставропольском крае – 22006, в Карачаево-Черкесии – 15654, в Астраханской области – 7589¹. Отмечены компактные группы проживания ногайцев в Сибири.

В ближнем зарубежье ногайцы проживают в Белоруссии и Литве, в дальнем – в Турции, Румынии, Польше². Так, например, в Румынии ногайцев насчитывается около 30 тыс. человек, в Болгарии – около 5 тыс. В Турции ногайцев насчитывается, по разным оценкам, от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч. Компактно ногайцы живут здесь в основном в окрестностях города Конья. Включая отуреченных ногайцев, их общая численность может составлять 1 млн человек³. Одним из основных путей распространения ногайского этноса за пределы бывшей Российской империи было широко известное «мухаджирство», ориентировавшее переселенцев на страны мусульманского Востока. Однако еще раньше, начиная с эпохи расцвета Великого Княжества Литовского в период позднего средневековья, ногайцы проникали и в европейские страны, где составили группу западных ногайцев, или «литовских татар», внутри шляхетского сословия. К 1939 г. ногайцы Западной Белоруссии, Польши, Литвы были объединены в 19 религиозных общин, имели 17 мечетей, музей, архив, издавали журналы. В годы сталинских репрессий многие из этих ногайцев бежали в Польшу, затем в Америку, Австралию, страны За-

---

¹ Материалы из Википедии (Ногайцы) – свободной энциклопедии (дата обращения 6. 03. 2013 г.)

² Народы Кавказа. Т.1. М., 1960. С. 301.

³ Ярлыканов А. Ногайцы // Живописная Россия. 2007. № 3. С. 4.

падной Европы. В настоящее время ногайцев в Белоруссии, например, насчитывается, по разным источникам, от 10 до 15 тысяч человек¹.

В современной России ногайцы проживают как в сельской местности, так и в городах. Ногайцы живут в таких городах, как Махачкала, Грозный, Черкесск, Ставрополь, Кизляр, Нефтекумск, Пятигорск, Минеральные Воды, Владикавказ, Тюмень, Якутск, Уренгой.

В 1929 г. в Дагестане был образован Ногайский район. Он включает в себя Терекли-Мектеб (районный центр) и аулы Батыр-Мурза, Бажиган, Боранчи, Карагас, Карасув, Кумли, Кунбатар, им. Ленина, Нариман, Табтли Булак (бывш. им. Калинина), Сулу-Тюбе, Орта-Тюбе, Уйсалган, Червленые Буруны (племзавод), Эдиге-аул (бывш. Янъгы-аул).

Помимо Ногайского района ногайцы проживают в Бабаюртовском (в сс. Бабаюрт, Тамаза-Тюбе, Новая Коса, Токсанак, Геме-тюбе, Мужукай, Люксембург, Хамамаг-юрт), Кизлярском (аулы Боранбай, Ново-Владимировка, Крайновка, Макараул, Сангиши, Огузер, Урицкого, Крестьяновка (Ямантенаул), Рассвет, Черняевка, Степной), Тарумовском (с. А. Невская, Новогеоргиевск, Выше-Таловка, Ново-Дмитриевка) районах, в аулах Асаул, Мейтаул, Кумаул, а также в поселке Главсулак Кировского района г. Махачкалы.

В Ставропольском крае ногайцы проживают в Нефтекумском районе в аулах Абрам-Тюбе, Артезиан-Мангыт, Ачикулак, Бейсей, Бияш, Ильяс-Кишлау, Кара-Тюбе, Каясула, Нукус-Артезиан, Махмуд-Мектеб, Тукуй-Мектеб, Ямангой. В Степновском районе того же Ставропольского края они населяют аулы Ыргаклы, сел. Степное; в Минераловодском районе – аул Канглы, в Кочубеевском районе – аул Карамурзинский, частично селение Балахоновское, в райцентре.

В Чеченской республике ногайцы проживают, в основном, в Шелковском районе в сс. Сары-су, Воскресенское, Мирный, Каршыга-аул, 6-й совхоз, Коби, Красный Ударник, Червленая, Старогладовка, Курдюковская, Каргалинская, Гребенская, Дубовская, в райцентре Шелковская.

Проживают ногайцы и в Астраханской области: в ауле Лапас (Харабалинского района), в Красноярском районе – в аулах Сеитовка, Айсапай, Кояылы, Ланчуг, Хожетай, Джанай, Ясын-Соккан, Белячное, Иодшалык, Малый Арал; в пригороде областного центра в поселках Киркиле и Свободное². В Астрахани этих ногайцев называют карагашами. В Володарском районе Астраханской области и в основ-

¹Кидирнязов Д.С. Западные ногайцы // Половецкая луна. 1993. №№ 3-7. С. 35.

²Керейтов Р.Х. Указ. соч. С. 7.

ном в селе Тулугановка проживают кундровские ногайцы¹. Кроме того, под Астраханью живет также этническая группа ногайского происхождения с татарским самоназванием – юртовцы².

На Северном Кавказе ногайцы проживают в Адыге-Хабльском районе Карачаево-Черкесии: в сс. Адыге-Хабль (районный центр), Адиль-Халк, Икон-Халк, Кобан-Халк, Кызыл-Тогай, Эркин-Юрт, Эркин-Халк, Кызыл-Юрт (Хабезского района), в ауле Ильичевском (Прикубанского района), в поселке Московском (Усть-Джегутинского района), в городах Черкесске и Карачаевске.

Часть ногайцев обосновалась в Калмыкии – это ногайцы утары Каспийского района. Потомки ногайцев – «нагайбаки» проживают и в Нагайбакском районе Челябинской области.

В свете антропологической характеристики ногайцев необходимо отметить, что ногайцы расово неоднородны. Они принадлежат к южносибирской (туранской) переходной расе (промежуточной между европеоидной и монголоидной расами). При этом некоторые группы ногайцев вследствие сильного смешения с местными кавказскими народами включают в себя и чисто европеоидные типы (кубанские и кумские ногайцы)³.

Ногайский язык относится к кипчакской группе тюркских языков, внутри которой вместе с каракалпакским и казахским образует кипчакско-ногайскую подгруппу⁴. Сегодня выделяются два основных диалекта: караногайский и кубанский, а также говоры ачикулакских и астраханских ногайцев⁵.

Кочевое общество ногайцев в XIX веке было патриархально-феодалным. Социальная структура ногайского общества была довольно сложной. В нем прослеживалось два основных класса: господствующий класс феодалов в лице султанов, князей, мурз и баев (к нему причисляются также представители духовенства – кадии, эфенди, муллы и уздени) и эксплуатируемый в лице полузависимых кочевых бедняков, простых ногайцев и патриархальных рабов (ясырей), байгушей, тарханов, чагаров.

К высшему дворянству у ногайцев относились султаны, которые были потомками переселившихся в свое время на Северный Кавказ

---

¹Арсланов Л.Ш. К вопросу о карагашском языке // СТ. 1977. № 4. С. 73-74; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Указ. соч. С. 102.

²Ярлыкапов А. Указ. соч. С. 4.

³Там же.

⁴Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960. С. 165.

⁵Ярлыкапов А. Указ. соч. С. 4.

крымских ханов. Однако, несмотря на то, что они пользовались большим почетом, а царским правительством были даже признаны более высоким сословием, чем мурзы (они утверждены в потомственные дворяне), экономически часть из них была несостоятельна. Султанское потомство среди ногайцев было весьма незначительным¹.

Мурзами назывались крупные представители родовой знати, занимавшие в обществе место ступенькой ниже сословия султанов (князей). «Мурз можно считать потомками тех лиц, которые некогда управляли народом; они составляют теперь высший класс, из которого преимущественно выбираются аульные старшины и табунные головы. Все последние ведут род свой от Эдигея»².

Ногайские мурзы считались собственниками всех земель, на которых жили подвластные им аулы. Население аулов... как крепостное... платит мурзе поземельную ренту. Характерно, что вся земля и все живущие на ней население считалось подвластным какому-нибудь феодалу (средневековая формула: нет земли без сеньора)³.

В XIX веке влияние мурз очень понизилось, так как многие из них сильно обеднели. Н.Н. Забудский писал: «Кроме почтения и весьма небольших подарков, мурзы не пользуются никакою особенною властью», а в последнее время они сильно начали падать в народном мнении от того, что некоторые из них по бедности нанимаются в надсмотрщики табунов простых ногайцев»⁴.

Отдельную группу сословия патриархальных феодалов, среднюю прослойку его, составляли так называемые уздени. В отличие от закубанских султанов эта категория не имела земельной собственности. Будучи служилым сословием, уздени жили в аулах мурз и несли в основном военную службу. Уздени составляли конвой владельца и в случае надобности, по первому же требованию мурз, они давали им лошадь и конвойных⁵.

По мнению В. Линдена, уздени «состояли у мурз приблизительно в такой же зависимости, как кабардинские урки у пши»⁶.

В первой половине XIX века обязанности узденей, кроме военной службы, состояли главным образом в том, что они помогали кочевым

---

¹Кочекаев Б.-А.Б. Указ. соч. С. 138.

²Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 263.

³Невская В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Черкесск, Вып.3. Сер. истор. С. 114.

⁴Забудский Н.Н. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. СПб., 1851. С. 181.

⁵Кочекаев Б.А.-Б. Указ. соч. С. 143.

⁶Цит. по: Кочекаев Б.А.-Б. Указ. соч. С. 143.

патриархальным феодалам осуществлять власть над зависимым ногайским населением, иными словами, уздени составляли аппарат, принуждающий выполнять волю феодальной верхушки.

Уздени наравне с азатами, то есть простыми ногайцами, выполняли в пользу мурз ряд повинностей. Причем феодальная рента взималась с подвластных ногайцев в натуральном виде.

Со временем обязанности узденей значительно изменились, что было связано с окончательным вхождением ногайского народа в подданство России и потерей всякого веса и влияния мурз.

Таким образом, с падением власти и влияния мурз уздени обычно ничем не стали отличаться от свободных ногайцев-азатов, которые составляли большинство ногайского общества¹.

Следующую группу представителей господствующего класса составляли баи. Байство как продукт феодальных отношений подразделялось на наследственных, имеющих пожалованные титулы (султаны, князья, мурзы), и ненаследственных баев, то есть выходцев из зажиточных слоев населения, не пользующихся наследственными званиями.

В XIX веке в связи с гибелью поголовья скота от бескормицы, морозов, периодически возникающей эпизоотии, проживанием ногайцев в бесплодных и безводных степях Ставрополя, многие баи разорились и перешли в разряд «простых ногайцев». Но байство как социальная категория, хотя и немногочисленная, существовала и жестоко эксплуатировала бедняков.

К господствующему классу примыкало и духовенство. Н.Ф. Дубровин в свое время отмечал, что «после мурз второе место занимает духовенство: ахуны, кадий или казий, эфендий и сохта (собственно ученик) или помощник эфендиев»².

Аристократическую верхушку духовенства в ногайских степях представляли кади, которые имели широкие права и полномочия. Обязанности кади состояли в том, что он разбирал семейно-наследственные дела, связанные с распределением наследства и исполнением завещаний³.

К высшему духовенству относились и наибы. Обязанности наиба были аналогичны обязанностям кади, но в пределах своего куба. Действия же кади не ограничивались одним кубом, а распространялись на весь ногайский народ.

---

¹ Там же. С. 144.

² Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 263.

³ Кочекаев Б.А.-Б. Указ. соч. С. 148.

Другую группу духовенства составляли ахуны. Ахуны – потомки лиц духовного звания, но правами духовенства они не пользовались, а составляли средний класс между мурзами и простыми ногайцами. Ахуны обычно присутствовали при сватовстве, сговорах и свадьбах, принимали участие в шариатском суде. Содержались ахуны за счет подношений населения.

Самую многочисленную группу духовенства составляли муллы и эфенди. Эфенди и мулла избирались для каждого аула. Обычно они учили детей арабской грамоте, совершали религиозные обряды. Наряду с ахунами, эфенди и муллы постепенно стали участвовать в рассмотрении споров и жалоб в области семейно-брачных и имущественных отношений¹.

Основную массу ногайцев составляли рядовые кочевники-скотоводы – «азаты». В свою очередь азаты делились на простых ногайцев, более или менее обеспеченных скотом, кедеев – менее обеспеченных крестьян и байгушей – бедняков. Последнюю категорию зависимого населения составляли рабы – кулы².

«Простые ногайцы» имели скот на правах частной собственности и были экономически независимыми, но несмотря на это, всеми делами в ногайской степи заправляли баи.

Следующую социальную группу в ногайском обществе составляли «кедейлер», они были значительной частью населения. Кедейлер имели в своем личном хозяйстве несколько голов скота, что не могло полностью удовлетворить потребностей семьи. В поисках дополнительного заработка они вынуждены были заниматься извозным промыслом, земледелием, сезонными разовыми работами на виноградниках и в садах у русских и казаков. Несмотря на свою бедность, кедейлер все же старались сохранить свое личное хозяйство и не попасть в личную зависимость к местным богатым.

Следующую категорию зависимого населения у ногайцев составляли байгуши. Байгушами назывались крестьяне, лишённые средств производства, главным образом скота, и в силу этого они были экономически и политически бесправные. Байгуши несли всевозможные повинности, выполняя тяжелые строительные работы, массами нанимались в работники для уборки хлеба, сена, винограда и вообще делали «всякую черную работу»³.

---

¹Там же. С. 150.

²Там же. С.151.

³Там же. С. 154.

Другую категорию подвластного населения составляли тарханы. По определению Н.Ф. Дубровина, тарханы – это лица, избавленные от повинностей за различного рода заслуги¹. Другими словами, тарханы – это рабы, отпущенные хозяевами на свободу. Тарханы даже после освобождения из крепостной неволи не могли полностью оторваться от своих бывших хозяев, они продолжали служить у них, выполняя различные работы по хозяйству. Была и другая категория тарханов. Царское правительство тарханские звания присваивало наиболее преданным и влиятельным людям из местного населения, ставшим на сторону России или могущим быть полезными для нее в дальнейшем. Звание тархана было почетным и считалось личным, а не наследственным.

Ногайские тарханы царской милостью освобождались от податей и несения службы, они не могли быть подвергнуты телесным наказаниям. После принятия в 1827 году «Устава для управления ногайцев и других магометан», положение тарханов резко ухудшилось. Царское правительство, укрепив свои позиции среди ногайцев, более не нуждалось в поддержке тарханов и решило уничтожить это сословие. К концу третьей четверти XIX века тарханство, как сословие, полностью исчезло².

Следующую категорию зависимых крестьян составляли чагары. М.Б. Лобанов-Ростовский писал о чагарах: «Они (чагары. – М.Г.) те же холопы, избавленные от домашней службы»³.

Чагары могли принадлежать как султанам, князьям, так и узденям. Основным источником пополнения чагарского сословия были рабы и разорившиеся крестьяне.

Последнюю категорию зависимого населения составляли рабы. Хозяин имел неограниченную власть над своими рабами, он мог продавать их, дарить, отчуждать. Рабы были полностью бесправными. Дети рабов также становились рабами. Если один из родителей был свободным, то их дети не могли формально считаться рабами, но хозяева всячески старались закабалить их.

Главным источником рабства были войны и набеги феодалов в соседние районы, что давало большое число пленных, обращаемых в домашнюю прислугу и пастухов. Наряду с превращением пленных в

---

¹Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 264.

²Кочекаев Б. А.-Б. Указ. соч. С.157.

³Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы //«Кавказ». 1846. № 37.

рабов, их приобретали также, покупая у армян и даже представителей военной администрации Кавказа.

Большинство рабов было иноземного происхождения, так как обычное право запрещало обращать своих соплеменников в рабство. «Ясыри – это холопы или рабы, которыми владеют издавна ногайцы. Они, большею частью, пленные черкесы, осетины и абазины, приобретенные в прежнее время куплею, меною или просто разбоем», – писал А.О. Рудановский в Санкт-Петербургских ведомостях¹.

Особенностью ногайского рабовладения было то, что каждый ногаец имел право владеть ясырями, между тем как в России это было привилегией дворян.

Царское правительство всячески старалось искоренить работорговлю на Северном Кавказе, им было издано ряд распоряжений. Так, еще в 1697 году было издано законоположение, запрещающее куплю и продажу ясырей на Тереке среди народов Северного Кавказа. В 1804 году было издано распоряжение царского правительства о запрещении торговли закубанскими невольниками, а в 1808 году оно приказало «всех ясырей считать свободными от рабства и предоставить им род жизни по собственному желанию каждого»².

17 мая 1835 года Государственным Советом было принято специальное постановление «об отношениях кавказских ясырей или холопов к их владельцам», в котором всем российским подданным... дозволялось выкупать у горцев ясырей или невольников. За выкуп ясыря выкупающему, в качестве вознаграждения, предоставлялось право пользоваться их услугами определенное время, после чего ясыри освобождались полностью. Если выкупаемый был пятилетнего возраста, то должен был прослужить у своего «благодетеля» 25 лет, десятилетнего возраста – 20 лет, от десяти до пятнадцати лет – 15 лет, от пятнадцати до двадцати лет – 12 лет, от двадцати до тридцати – 10 лет, от тридцати до сорока – 8 лет, от сорока до пятидесяти – 5 лет.

По истечении указанных сроков ясыри объявлялись свободными. Кроме того, положение предусматривало право досрочного ухода ясыря от своего владельца при условии, что «вознаграждение за выкуп из неволи» ясырь «внесет наперед хозяину своему 100 рублей серебром»³.

По мере укреплений своих позиций на Северном Кавказе царское правительство принимает более решительные меры по ограничению и

---

¹Цит по: *Кочекаев Б.А.-Б.* Указ. соч. С. 160.

²Там же. С. 161.

³Там же. С. 161- 162.

полному запрещению рабства¹. Однако конец рабовладению на Кавказе был положен только после принятия Манифеста от 19 февраля 1861 года, отменявшего крепостное право в России.

В исследуемый период практиковались различные способы присвоения феодалами прибавочного продукта ногайских крестьян. В одних случаях прибавочный продукт присваивался в форме помощи феодалу в его хозяйстве, ухода за его скотом (отработочная рента). Так, с трех семей взималось два воза сена и два воза дров или кизяка и с каждой семьи – по две мерки проса в пользу мурз. Взимался также «зекят» – десятая часть урожая по сбору урожая. Кроме этого, ногайские крестьяне платили подати в пользу царской власти. Археологические этнографические материалы для перевоза казенного провианта, востановление конных миль «онеров» для кордонных постов, прямом налоге на скот, воинском налоге, подводной, конной, почтовой повинности². Так, например, каждая ногайская семья платила в государственную казну налоги за свой пахотный надел, за содержание скота. Ачикулакские ногайцы за одного верблюда в казну платили 1 рубль, за голову крупного рогатого скота или лошадь по 40 коп., овцу или козу по 5 коп., а также воинский налог общей суммой 1379 руб. Только за 1908г по этим видам налога они внесли в государственную казну 15125 руб.³.

С караногайцев взимались повинности на содержание управления Кизлярского отдела 5000 рублей, на содержание судебного следователя Кизлярского отдела 2500 рублей. На 1916 год сумма общественных повинностей равнялась 37 845 руб. 05 коп., причем взималось с каждого верблюда по 1 рублю, с головы крупного рогатого скота – 50 коп., мелкого – 5 коп.

По закону караногайцы не служили в войсках, а вместо этого выплачивали 60 коп. воинского налога с каждого рубля общественных повинностей. Со временем налоги стали увеличиваться: с верблюда взималось 1 руб. 60 коп., с крупного рогатого скота – 80 коп. и мелкого – 8 коп. Но зато больше никаких земских и государственных повинностей караногайцы не знали. В общем, на бедняцкое хозяйство падало всех налогов от 80 коп. до 4 руб., на середняцкое – от 40 руб. до 80 руб. и на кулацкое – до 500 руб.; четыре хозяйства платили от

¹Там же. С. 162.

²Там же. С. 173-174.

³Мутенин И.Т. Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67. Л. 24.

600 до 800 рублей¹. Кроме того, с 1828 по 1862 год караногай-едишкульский народ нес особую повинность в виде доставки провианта с пристаней в продовольственные магазины².

Таким образом, только в Караногайском приставстве на 1916 год сумма общественных повинностей равнялась 37 845 руб. 05 коп.³

Основой хозяйства ногайцев являлось скотоводство. Разводили овец и коз, крупный рогатый скот, лошадей и верблюдов. Одной из ведущих отраслей хозяйства ногайцев было скотоводство, приносящее немалый доход. Разведение скота для многих кочевников было единственным средством для существования. Скот обеспечивал продуктами питания и сырьем для изготовления одежды, обуви и т.д.

У ногайцев Ачикулакского приставства в разные годы насчитывалось скота:

Годы	Крупный рогатый скот	Овцы
1829	15259	8452
1879	19187	55545
1902	23298	43302 ⁴

Более высоких результатов в разведении скота добились караногайцы. С середины XIX в. поголовье скота у них неуклонно росло:

Годы	Верблюды	Крупный рогатый скот	Овцы и козы
1862	–	39347	130000
1864	328	44726	158299
1876	461	28180	101960
1886	1200	23000	166000
1896	2112	23854	111000
1906	1061	36471	178669
1916	1259	38299	227000 ⁵

В основном скот был сосредоточен в руках зажиточных ногайцев. Так, из 6000 кибитководовладельцев 255 человек, т.е. около 4%, имели 900 верблюдов (99%), 10000 лошадей (70%), 13400 крупного рогатого скота (40%), 90530 овец (55%). На долю же остальных 5700 хозяйств

¹Капельгородский Ф. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп.1 .Л. 187-188.

²Там же. Л. 199.

³Там же. Указ. соч. Л. 169.

⁴Кочекаев Б-А.Б. Указ. соч. С. 67-68.

⁵Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 191.

приходилось 34 % всего скота, хотя они составляли 76% всех кибитковладельцев. При этом 540 хозяйств, т.е. 9%, совершенно были бесскотными¹.

Значительное место отводилось коневодству. Оно было одним из наиболее развитых отраслей хозяйства. На количество лошадей влияли различные социально-экономические и политические процессы, происходившие в России, а также погодные условия (чрезмерная засуха, холод). Так, в начале XIX века погибло три четверти лошадей у ногайцев Мелитопольского уезда. Резко упала численность табунов и у закубанских ногайцев от частых набегов русских экспедиционных войск². Количество лошадей падало и у джембойлуковцев. В 1824 году у них насчитывалось 7749 лошадей³, в 1885 году – 842⁴. И только в середине XIX в. численность их увеличилась до 3 240⁵. У караногайцев и едишкульцев в 1812 году насчитывалось 22698 лошадей⁶, в 1850г. – 15 557, в 1892г. – 18773⁷, а в 1914г. – 16600⁸.

Другой отраслью хозяйства у ногайцев являлось земледелие. Земледелием преимущественно занимались оседлые калаусо-джембойлуковские и калаусо-саблинские ногайцы, проживающие по левому берегу р. Кубань, где земли были более плодородны, что способствовало занятию хлебопашеством. Поля засевали пшеницей, ячменем, просом, кукурузой, полбой. Так, калаусо-джембойлуковскими ногайцами в 1880г. было засеяно различными злаковыми культурами 1855 четвертей земли, а в 1850г. – 3265; калаусо-саблинские и баштово-кумские ногайцы в 1885г. засеяли 1250 и в 1850г. – 3070 четвертей земли. Хлебопашеством отчасти занимались и полуоседлые ногайцы Ачикулакского приставства. В 1855г. ими было засеяно 111 четвертей земли, а в 1850г. – 278, в 1880г. – 726. Даже аксайские и костековские ногайцы Дагестана с населением в 850 семей высевали в год около 250 чувалов пшеницы и до 150 чувалов проса⁹. К концу XIX в. землю начали обрабатывать и караногайцы. В 1906г. в Караногае было засе-

---

¹Там же. Л. 52.

²Кочкаев Б.-А.Б. Указ. соч.. С. 65.

³ГАСК. Ф. 249. ОП. 3. Д. 167.Л. 45-48.

⁴Там же. Д. 2385.Л. 3.

⁵Архипов А. Ногайцы //«Кавказ». 1852. № 4.

⁶АКАК. V. 1873. С. 877-878.

⁷Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 190.

⁸Там же.

⁹Кочкаев Б.-А.Б. Указ. соч. С. 83.

яно 60 дес. озимой пшеницы и 162 дес. проса, а в 1916г. просом было засеяно 655 дес., а озимой пшеницей 5016 дес. земли¹.

В 1845г. кочующими народами Кавказской области было посеяно озимых хлебов 3272 четверти, снята 7151 четверть; урожайность была самая низкая, ниже, чем у государственных крестьян, у которых урожайность озимых составила у ставропольцев сам – 5, пятигорцев сам – 8,5 и кизлярцев сам – 5².

Караногайцы же собирали урожай от 25 до 60 пудов с десятины³. Низкие урожаи объясняются несколькими причинами: непригодностью земель для занятия земледелием, отсутствием опыта и навыков в хлебопашестве, примитивностью земледельческих орудий и многими другими.

Подсобными отраслями хозяйства являлись рыболовство и охота. Все добытое во время рыбной ловли и охоты шло на удовлетворение семейных нужд. Значительное место в экономике ногойцев занимали домашние промыслы. Хозяйственная специализация ногойцев и ее полунатуральный характер способствовали развитию таких промыслов, как обработка шерсти, кожи, шкур, которые шли на изготовление сукна, полостей, войлока, шерстяных чулков, обуви и т.д. Изделия домашнего производства шли на удовлетворение собственных нужд и частично на продажу. Торговали обычно кожей, овечьей и верблюжьей шерстью, войлоками. Так, караногайцы сбывали шерсть в порты Каспийского моря, в Астрахань и выручали ежегодно от продажи шерсти – 108 000 руб., кож и овчин – 50 000 рублей⁴. Калаусоджембойлуковцы продавали шерсть в Ставрополе, Пятигорске и на линии до 5000 пудов. При средней цене шерсти от 50 до 75 коп. за пуд, ногойцы могли получать доход до 30 тыс. рублей серебром⁵.

Самый большой доход ногойцы получали от продажи лошадей и скота. В первой половине XIX в. средняя цена за одну голову скота составила: на лошадь от 15 до 30 руб., крупный рогатый скот от 10 до 15 руб., овец от 1 до 1,50 рубля и на верблюдов от 75 до 100 и более рублей серебром⁶. Караногайцы ежегодно выручали от продажи лошадей около 168 000 руб., крупного рогатого скота – 360 000 руб., овец – 420 000 рублей⁷.

---

¹Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 202.

²Кочекаев Б-А.Б. Указ. соч. С. 83.

³Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 205.

⁴Там же. Л. 206.

⁵Забудский Н.Н. Указ. соч. С. 178.

⁶Кочекаев Б-А.Б. Указ. соч. С. 116.

⁷Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 206.

В целом ногайцы Северного Кавказа ежегодно продавали около 2000 лошадей, до 6000 крупного рогатого скота и до 15 000 овец. Верблюды поступали на продажу только на меновые дворы, главным образом в Тбилиси. В среднем же ногайцы от продажи разного скота получали в год дохода от 100 до 175 тыс. руб. серебром¹.

Еще одной доходной статьей ногайцев являлся кизяк, который использовался в качестве топлива, от его продажи ногайцы ежегодно получали около 1000 руб. серебром.

Караногайцы и туркмены занимались и добычей соды. В год выжигали до 10 тыс. пудов соды, от продажи которой получали от 7 до 10 тыс. рублей серебром в год. Продавали в большом количестве корень «кермекь», поставляемый на кожевенные заводы².

На вырученные деньги состоятельные ногайцы приобретали мануфактурные и бакалейные товары в мануфактурных и мелких торговых лавках, которых в начале XX века среди ногайцев насчитывалось до 41³.

Но основная масса простых ногайцев не знала денег и приобретала необходимые товары у армян путем обмена на скот, шерсть, животноводческие продукты. По примеру армян, которым принадлежала почти вся внутренняя торговля в Ногайской степи, ногайцы начали постепенно приобщаться к торговле. Но количество торговцев из числа ногайского населения было весьма незначительным. Только к концу XIX века ногайцы стали приобщаться к торговому делу и открывать собственные лавки.

Ногайцы, имевшие подводы (арбы) и лошадей, занимались перевозкой грузов из Кизляра в Астрахань, в Ставрополь, Моздок и др. районы Северного Кавказа. Большинство ногайцев нанимались в пастухи к богатым ногайцам, батраками на виноградники к армянам в Кизляре и т.д.

Такова в целом картина социально-экономического и политического развития ногайского общества в XIX – начале XX века.

instituteofhistory.ru

---

¹Кочекаев Б-А.Б. Указ. соч. С.116.

²Забудский Н.Н. Указ. соч. С. 178.

³Фарфоровский С.В. Народное образование среди ногайцев Северного Кавказа в связи с современным их бытом //Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1909. № 2 Ч. 24. С. 196.

ГЛАВА 1. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

После окончательного присоединения ногайцев к России царское правительство установило над ними новое военно-административное управление. В начале XIX в. вся высшая власть в ногайском обществе была сосредоточена в руках русских военачальников.

Первым законодательным актом, определившим территорию кочевий ногайцев, был закон от 19 мая 1806 г. «В законе этом заключаются следующие, относящиеся для инородцев-магометан положения: 1) р. Кума положена границею между калмыками и инородцами магометанского исповедания; 2) поражения земли, лежащая в Кизлярском и Моздокском уездах, определялись для кочевых народов магометанского исповедания; 3) этим же народам было предназначено отвести пространства, могущие оказаться в излишестве при г. Моздоке; 4) караногайцам и трухменам разрешалось отдать для зимних кочевок приморския земли, могущия поступить из владения помещицы Всеволожской»¹.

Таким образом, в законе были четко определены границы кочевий ногайцев, туркмен и калмыков. Российское правительство не ставило своей целью изменить образ номадов (кочевников), но определяло территории кочевий каждого народа. Подобная политика имела своей целью избежать конфликтов между номадами, а в случае их возникновения решать их мирными, законодательными методами (мерами)².

Тем не менее, закон этот по целому ряду обстоятельств не полностью был приведен в исполнение. Так, из владений помещицы Всеволожской «земли магометанам не были переданы; излишния земли при городе Моздоке, согласно Высочайше утвержденному Положению 14 февраля 1845 г., были переданы Кавказскому линейному казачьему войску и даже из тех земель, которыми магометане уже пользовались, отошло разновременно в казачье и частное ведомство до 400 тыс. десятин»³.

Таким образом, проведение земельной политики российского правительства было неразрывно связано с утверждением русского правления на Кавказе. Территории кочевий уменьшались и освобож-

---

¹ГАСК. Ф. 249. Оп.2. Д. 1619 а. Л. 97.

²*Кидирнязов Д.С.* Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – нач. XX в. (Исследование экономического развития и социально-политического устройства). Махачкала, 2005. С. 87.

³ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1619 а. Л. 98.

денные быстро заселялись русскими крестьянами и казаками. В 1830-1832 гг. в пользовании караногайцев, едишкульцев и туркмен находилось 1 111 579 десятин, джембойлуковцев и едисанцев – 181 317 десятин¹, «но размежевание этих степей между инородческими племенами не было произведено, и они находились в общем пользовании»².

Следует отметить, что районы кочевания ногайцев не были четко определены, из-за чего возникали частые конфликты между ногайцами и калмыками, и тем и другим приходилось неоднократно обращаться с жалобами к русскому правительству.

В XIX в. система управления ногайцами Северо-Восточного Кавказа менялась несколько раз. В начале XIX века управление ногайцами было передано в ведение кавказского генерал-губернатора, затем, с 1802 г., ими ведала Государственная коллегия иностранных дел, а с 1841 г. ногайцы региона были отданы под попечительство Министерства государственных имуществ. Непосредственное управление ногайцами, согласно инструкции, утвержденной 28 мая 1802 г., возлагалось на Главного пристава и трех частных приставов³.

15 ноября 1802 г. была создана Кавказская губерния с центром в г. Георгиевске в составе 5 уездов: Александровского, Кизлярского, Моздокского, Георгиевского и Ставропольского. Основная масса ногайцев региона проживала в Кизлярском и Моздокском уездах.

В 1822 г. Кавказская губерния была преобразована в область с центром в г. Ставрополь. Главное же управление областью возлагалось на командующего войсками на Кавказской линии, в Черноморском крае и Астрахани.

К 1838 г. относится учреждение на Кавказе Палаты государственных имуществ. 2 мая 1847 г. Кавказская область была переименована в Ставропольскую губернию. Наконец, 20 мая 1860 г. были созданы 2 новые области: Терская и Кубанская⁴. Во вновь созданную Терскую область вошли ногайцы Кумыкского округа. В 1883 г. главное управление Кавказа представило военному министру проект о присоединении Караногайской степи к Терско-Казачьей области, ранее входившей в Ставропольскую губернию, что и было сделано в 1888 году⁵.

---

¹Кидирниязов Д.С. Указ. соч. С. 88.

²ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1619 а. Л.98.

³ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. Л. 65-70.

⁴Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма-Ата, 1973.С. 119.

⁵Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901. С. 21.

В XIX в. ногайцы степных районов Северного Кавказа в административном отношении были распределены на 4 приставства:

Караногай-Едишкульское приставство располагалось на территории Кизлярского и Моздокского уездов. Кочевали здесь также две крупные ногайские этнические группы: караногайцы и едишкульцы. Караногайцы состояли из 4-х кубов: найман (14 аулов), кипчак (19 аулов), терек (28 аулов) и мин или костамгалы (15 аулов)¹. Следует отметить, что у караногайцев в каждый куб входили определенные тухумы (роды): 1. Найманов куб делился на 13 родовых аулов: Мойнапа, Казан-улу, Кел-аул, Кадреш, Казан-аджи, Карналык, Ус-кюбе, Уйсун, Окреш, Джанатар-улу, Шурша, Бакай-улу, Калимерден, – всего 775 семейств; 2. Терек куб имел 28 родовых аулов – Татар, Казы, Мажар, Келей, Шимбай, Эльгазы, Каратаяк, Тогалы, Буйрабас, Чижувит, Югар-томгазы, Канглы, Уйсун, Келенши, Шимбай 2-й, Бодрак, Куюш-канглы, Айтамгалы, Телек, Еди-сан-битев, Ашамайлы, Найман, Хасай-улу, Туркмен, Алаш, Костамгалы, Сабанчи, Коясу-улу, – всего 805 семейств; 3. В кипчаковом кубе считалось 12 родовых аулов – Тезен-чекли, Курама, Кипчак, Туркмен, Казан-кулак, Шира, Аювчи, Бошум, Ку-дур, Орак, Отекайлы, Курама 2-й, – всего 750 семейств; 4. Ас-костамгалы куб (позже Мин) состоял из 15 родовых аулов – Ас, Костамгалы, Тогыншы, Эльгазы, Каратаяк, Ма-жар-удаут, Алибек-улу, Карагыз-улу, Абезек-улу, Солтан-Али-улу, Буйрабас, Ягыйбайлы, Шавжели, Казан-кулак, Татар, – всего 750 семейств².

Едишкульцы были представлены тухумом ас-костамгалы (27 аулов), который в 1862 г. был переведен в состав Ачикулак-Джембойлуковского приставства³. Кроме того, в состав едишкульцев входили следующие кубы: конгыр, сарай, мин, терек (терик), найман, кипчак, алаш⁴.

Территория Ачикулак-Джембойлуковского приставства простиралась между г. Моздоком и рекой Кумой и входила в состав Моздокского округа. Кочевали здесь в основном две этнические группы ногайцев - едисанцы и джембойлуковцы. В состав едисанцев входили такие кубы, как буркут (4 аула), кенегес (4 аула) и мангит (3 аула).

---

¹Кидирниязов Д.С. Сельская община караногайцев в XIX в. //Сельская община Дагестана и Северного Кавказа. (Материалы регион. науч. конференции). Махачкала, 2003. С. 88.

²Капельгородский Ф. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5.Оп.1. Д.68. Л. 63-64.

³ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 23. Л. 147; Оп. 3. Д. 2737. Л. 12-14.

⁴Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940. С. 137.

Джембойлуковцы состояли из трех кубов: канглы (14 аулов), карарюм (5 аулов) и месит (4 аула)¹.

В 1847 г. Кавказская область, куда входили все 4 приставства, была преобразована в Ставропольскую губернию. Позднее в 1888 году Караногайское приставство с Кизлярским уездом было передано Терской области.

В середине XIX в. калаусо-джембойлуковские ногайцы численностью 14538 человек занимали около 87 тыс. дес. земли. На юго-западе от них проживали калаусо-саблинские ногайцы численностью 12245 человек, занимая 39 тыс. дес. земли. Ачикулак-джембойлуковцы и едисанцы кочевали по Ачикулак-Джембойлуковскому приставству, составлявшему в общей сложности 184 тыс. дес. земли. Самым крупным приставством считалось Караногайское. Его территория занимала 1 млн дес. с численностью 3 8450 человек караногайцев и едишкульцев. Так обстояло дело до переселения ногайцев в Турцию. В результате двух эмиграционных потоков (1859, 1860 гг.) из 4 приставств сохранилось лишь два – Караногайское и Ачикулакское. Последнее было образовано в 1880г., с общей площадью 82 4807 дес. земли. К юго-востоку от Ачикулакского находилось Караногайское приставство. По территории и по численности жителей последнее значительно превосходило Ачикулакское. По данным переписи 1828 года, в Караногое насчитывалось 3060 дворов с 19634 душами².

Организация приставств имела как отрицательное, так и положительное значение для ногайского общества. Она ввела административную определенность, способствовала искоренению родовых и феодалных междоусобиц, постепенно изнутри ломала остатки родовых институтов и представлений³.

В 1803 г. главным ногайским приставом был назначен ногаец, генерал-майор Султан Менгли-Гирей, которого по представлению князя Цицианова в этой должности утвердил сам император Александр I⁴. И.В. Бентковский положительно отзывался об этом факте. «Назначение Султана Менгли-Гирея начальником ногайцев было для них великим и желанным событием, а с нашей стороны большим политическим актом. Значение этой меры вызывает нас на объяснение в не-

---

¹ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2737. Л.12-14.

²Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 63.

³Кочекаев Б.-А.Б. Указ. соч. С.123.

⁴АКАК. Тифлис, 1868. Т.2. С. 986, 994.

скольких словах положения в то время наших дел на Кавказе»¹. Назначение Султана Менгли-Гирея на должность пристава ногайского народа явилось важным шагом для укрепления русских позиций среди ногайцев, так как он пользовался доверием правительства и уважением своего народа². В этой должности Султан Менгли-Гирей прослужил около 20 лет, после чего был освобожден от обязанностей ногайского пристава. Освобождение было связано с тем, что Султан Менгли-Гирей оказался не способным прекратить постоянные столкновения ногайцев с казаками, разрешить внутренние противоречия ногайского общества и как следствие частый переход их в пределы турецких владений³. После отстранения от должности главного ногайского пристава Султан Менгли-Гирея особым императорским рескриптом от 24 июля 1822г. генералу А.П. Ермолову поручалось «по местному усмотрению» постепенно принять следующие меры:

1. «Управление ногайцами соединить в лице единого главного пристава, коего выбор и определение вам предоставляется;

2. Сложить все по сему предмету обязанности с Султан Менгли-Гирея и нынешнего главного пристава;

3. Предоставить Султан Менгли-Гирею свободу жить, где пожелает; в вознаграждение же оказанных Российскому правительству заслуг, сверх получаемого им ныне пенсионна по 4800 рублей ежегодно, отвести в вечное и потомственное владение 5 тыс. десятин земли;

4. Определение к другой должности нынешнего ногайского пристава предоставляется вашему усмотрению;

5. Определить к ногайцам и тухменцам потребное число частных приставов по распоряжению вашему;

6. Предоставляется вам снабдить главного и частных приставов для отправления их должностей временным наказом;

7. Об отпращивании ногайцами повинностей возложить на областного начальника, при содействии главного пристава составить проект особенного устава и внести оный к Вам на утверждение;

8. Поручить областному начальнику составить проект Устава о линейных карантиннах и внести оный на рассмотрение ваше»⁴.

---

¹*Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан. Ногайцы. Ч. 1. Ставрополь, 1883. С. 51-52.

²*Кидирниязов Д.С.* Указ. соч. С. 90.

³*Кочекаев Б.Б.* Указ. соч. С. 121.

⁴ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д.167. Л.7-15.

В 1822 г. генерал А.П. Ермолов подписал «Наказ для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области впредь до издания Устава»¹.

Согласно «Наказу», ногайцы, жившие по рекам Калаусу, Большому и Малому Янкулям и Сабле, ранее принадлежавшие ведомству генерал-майора Султан Менгли-Гирея, были переданы в ведение главного караногайского и тухменского пристава Балуева. Ногайцы же, жившие около Бештовых гор и по реке Куме, ниже песчаного рудута, остались под личным управлением генерал-майора Султана Менгли-Гирея². Однако в 1827г. и эти ногайцы были причислены ведомству главного пристава³.

6 февраля 1827г. «Наказ» был утвержден как «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области»⁴.

В преамбуле к «Уставу» отмечалось, что «кочующие инородцы, как-то: ногайцы и других наименований, Магометане, управляются особенным начальством, на основании их степных обычаев и обрядов и на основании особенных об них правил»⁴.

До принятия же «Устава» 1827г. в основе административного деления населения лежали родовые (тухумные) принципы. Главной единицей было объединение в тухум. Каждый тухум в пределах территории имел определенный район кочевания. Административное объединение ногайцев в приказы не уничтожило родоплеменное деление среди ногайцев. Племенные связи были еще сильны, и царская администрация вынуждена была с этим считаться. Так, например, перепись населения и скота производилась по кубам, по кубам распределялась и натуральная повинность, а также территория для перекочевков. Пристав караногайского народа начала XIX в. Ф. Капельгородский писал, что «каждый куб подразделяется для удобства сборов повинностей на 4 аксакальства, а каждое аксакальство – на несколько аулов, однако это деление отнюдь не административное, а родовое; к определенному кубу или аулу приписаны караногайцы, родственные между собою, но все они кочуют по степи смешанно небольшими группами от 3-х до 15-ти кибиток, причем в такие группы соединяются кочевники различных кубов и различных родовых аулов. Да и самый состав кочевых аулов не постоянен: они часто распа-

¹Там же.

²Там же. Л. 1-5.

³Там же. Л. 7.

⁴АКАК. 1896. Т. 7. С. 933.

даются, соединяются с другими аулами, а иногда к ним прикочевывают новые лица»¹. По сведениям ногайского пристава, найманов куб, состоявший из 14 аулов, в 1839 г. размещался в караногайском и едишкульском пристастве. В то же время аулы «найманов» находились среди тереков, кипчаков и т.д.²

В составлении «Наказа» и проекта «Устава» имело большое значение изучение А.П. Ермоловым и его командой быта и обычаев ногайцев. Так, в § 28 «Устава» было сказано, что «в особенную обязанность главного пристава вменяется собрание сведений о законах и обычаях сих степных народов, расположение оных в приличном порядке, обнаружение и охранение». «Устав», естественно, не был дарован ногайцам как «попечение об улучшении благосостояния их» со стороны российского правительства. Этот документ по своей цели и содержанию был направлен на окончательное подчинение ногайцев и превращение территории их расселения в колонию.

Согласно «Уставу» 1827 года ногайцы, как и другие народы Кавказа, находились под властью генерал-губернатора. Каково же было положение северокавказских народов, находившихся под властью генерал-губернатора? Сохранились многочисленные свидетельства о бесчинствах и злоупотреблениях российской местной администрации того времени. Особенно прославился своей необыкновенной жестокостью командующий русскими войсками на Кавказской линии Портнягин, пристав Корнилов и др. Жестоко угнетались не только кочующие народы, но и русское население³. Часто ногайцы жаловались, что «справедливые их протесты оставляются начальством в пренебрежении»⁴.

В такой обстановке для деятельности наместника Кавказа А.П. Ермолова, поддерживаемого российским правительством, в регионе характерны были два направления: во-первых, попытки искоренить злоупотребления местной русской администрации, получившие столь широкое распоряжение; во-вторых, реорганизация управления с целью активного приобщения к Российской империи кавказских народов. Следует отметить, что в своей деятельности в этих направлениях наместник Кавказа Ермолов добился ощутимых результатов. Так, многие чиновники были преданы суду или сняты с должностей⁵.

---

¹Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 49.

²ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2737. Л. 12-14.

³Там же. С.122-123.

⁴АКАК. 1873. Т. 5. С. 857.

⁵Кочкаев Б.Б. Указ. соч. С. 123.

На первом месте в «Уставе» стоял вопрос об организации приставств на всей территории расселения ногайцев, представляющих местную власть среди ногайского населения. Во главе ногайцев и туркмен ставился главный пристав магометанских народов, который подчинялся областному начальству. К ногайцам было назначено 4 частных пристава. Следует отметить, что частными приставами во всех без исключения приставствах назначались военные чиновники. Осуществление этих мер приводило: во-первых, к удержанию ногайцев в пределах определенной административной единицы, так как ногайцам не разрешалось «делать отлучек из своего ведомства без билетов» (§ 48), во-вторых, к распространению влияния власти на все ногайские подразделения, наконец, в-третьих, к организации устойчивого управления, дающего возможность «в отношении раскладки повинностей нарядам подвод или сбором сумм с общества» (§ 44), «действовать и побуждать как посредством голов и старшин, так и через посылку, в случае мешкотности, нарочных с подтверждением, дабы повинности, или сбор каждым родом или аулом исправлены и выполнены были в назначенное время» (§ 45)¹. Одним словом, на частного пристава возлагались те же обязанности, что и на управляющего земством одной из российских губернии.

Учреждение приставств должно было помочь царскому правительству отслеживать передвижение ногайцев и удерживать их в пределах определенного административного района, распространять свою власть на все ногайские тамги, организовывать сбор денег с каждого общества и принуждать к выполнению различных повинностей.

Красной нитью по «Уставу» проходит идея поддержки и союза с аристократической верхушкой ногайской знати. Могущество биев и мурз давно уже пало, они почти не играли никакой роли в политической жизни ногайского общества. Но тем не менее «Устав» возлагал на главного пристава «собрать достаточные сведения относительно податей, или иного рода повинностей, отбываемых простыми ногайцами, в пользу мурз, где оные по древнему введению отправляются, и не изменяя свойства их, сообразить с существующими в народах сих обычаями, и определить с точностью, в чем именно и в какой мере должна состоять обязанность ногайцев в отношении повинностей, мурзам принадлежащих» (§ 25).

---

¹Там же. С. 123.

«Устав» вменял в обязанности приставов развитие земледелия и оседлости среди ногайцев. На приставов возлагалась задача без мер принуждения проводить «внушение преимуществ постоянного жительства, как средства благонадежного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее» (§ 17, 35).

Частный пристав распоряжался всеми способами к «сохранению благочиния, порядка и тишины во всех аулах ведомства его мерами предупреждения и пресечения» (§ 33)¹. Кроме того, на частного пристава возлагалась задача проявления бдительности, «дабы в народе его ведомства не были укрываемые беглые и другие подозрительные, и к аулам тем не принадлежащие люди, равно и подведомые ему, не делали бы самовольных отлучек вне своего ведомства, а паче за границу линии. Он внимательно надзирает над людьми неблагонадежного поведения, над их образом жизни, связей и сношений» (§ 34).

Приставы не имели права вмешиваться в распределение общественных денег, но, пользуясь незнанием языка и русской грамоты ногайцев, они часто злоупотребляли своим положением и присваивали себе огромную часть этих денег.

Частный пристав выдавал билеты ногайцам на отлучку по Кавказской области, за реку Терек на один месяц, а для отлучек в другие регионы – сроком от одного до четырех месяцев. По «Уставу» частные приставы не имели постоянного места жительства и должны были находиться в кочевьях своего ведомства².

«Устав» 1827 г. провозгласил выборность местной администрации - старшин в аулах и голов, возглавляющих управление кубами (народом)³.

По данным 1812 г. главного пристава Ахвердова, в караногайском народе было избрано обществом 6 голов, 26 старшин и столько же помощников. У едисанцев и джембойлуковцев было голов по 2, старшин по 4 и столько же помощников⁴.

Разумеется, нельзя полагать, что выборы проходили в обстановке полной демократии. В условиях царизма и местной аристократической власти, у ногайцев Северо-Восточного Кавказа не могло быть и речи о всенародных выборах в местные органы. «В каждом ногайском роде или ведомстве (род волости) для наблюдения благочиния и порядка, и для действий по части полиции, находится один голова, 2

---

¹АКАК. Т. 7. С. 933.

²Кочекаев Б.Б. Указ. соч. С. 126.

³Там же. С. 123-124.

⁴АКАК. Т. 5. С. 877-878.

старшины и казначей по ежегодному выбору обществом; в ведомстве караногайцев и едишкульцев по многочисленности их, допускается иметь 2-х голов, 4-х старшин и одного казначея, число коих по необходимости может быть увеличено или уменьшено и в других родах по разрешению главноуправляющего», - отмечается в § 6 «Устава». Такая неопределенность в формулировке, возможно, была допущена сознательно. Этой статьей были узаконены порядки, при которых в избрании старшин и голов участвовало не все взрослое население аула, а только представители семей, т.е. богатые и влиятельные лица¹. В конце XIX в. А.И. Якобий отмечал, что «должностные лица получают от правительства вознаграждение за труды в виде льготы от податей со скота. Плата небольшая, но она дает нам более зажиточных людей в должностные лица»².

Выборы должностных лиц производились ранней весной до начала перекочевков. Каждый куб избирал голову, двух старшин и одного казначея, а каждый аул – старосту (аксакала) и десятника (если аул имел более 10 казанов)³. В Кипчаковом кубе вместо старшины выбирали голову⁴. Дату проведения выборов определял пристав. К назначенному приставом времени собирались лица, обладающие правом голоса при избрании голов народа, его кандидата, старшин кубов или аулов, аксакалов, десятников и казначеев народа. Перед проведением выборов в местные органы управления предполагаемые кандидатуры предварительно обсуждались.

Выборы должностных лиц в различных приставствах производились неодинаково. Например, у караногайцев при ставке Терекли ставились четыре кибитки для четырех кубов. В каждой кибитке выставлялись два ящика – один белого цвета, другой черного. Ящики покрывались крышками, связывались накрест веревочками и опечатывались. Ящик имел круглое отверстие, куда выборщики опускали баллотировавшие орехи. «В каждую должность, - сообщал А. Якобий, - выбираются два лица и начальство одного утверждает, а другой остается кандидатом. Выбор головы – весь народ выбирает двоих из выбранных старшин; начальство утверждает одного, а второй остается кандидатом. Казначей выбирается всем народом. Аксакалы выби-

---

¹Кочекаев Б.Б. Указ. соч. С. 124.

²Якобий А.И. Указ. соч. С. 27.

³Кужелева Л.Н. Ногайцы (Из истории ногайцев XVIII – нач. XX в.) // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. 13. Сер. истор. С. 204.

⁴Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 50.

раются аксакальством, которое за них и отвечает»¹. После всенародных выборов лица, избранные в органы местной власти согласно «Уставу» от 1827 года, должны были быть утверждены главным приставом.

Таким образом, несмотря на назначение на должности главных и частных приставов русских чиновников, сами ногайцы не отстранялись от управления своим народом. Следует отметить, что еще в XVIII в. частными приставами были из среды ногайцев подполковник Баязет-бий, поручик Наврузали Иманкулов².

В избрание должностных лиц частные приставы не вмешивались. Главному приставу давались указания «строго подтвердить всем частным приставам, чтобы они отнюдь не вмешивались в выборы старшин, предоставленных на волю общества...»³.

Таким образом, инициатива избрания должностных лиц находилась в руках самих ногайцев. Главный пристав только подтверждал общественные приговоры, касавшиеся выбора должностных лиц. Вступающий в должность давал клятвенное обещание служить его императорскому величеству. Так, например, за верную службу в 1853 г. серебряной медалью был награжден караногайский голова Дайр Мустафаев⁴.

«Уставом» определялась компетенция каждого из местных органов. Основной задачей всех звеньев местного управления было наблюдение за порядком, принятие мер по установлению спокойствия и исполнению предписаний царского правительства.

Главной обязанностью головы было «охранять мир и спокойствие в степи и весь строй своего народа». Он исполнял поручение пристава: созывал народные совещания, собирал сведения о происшествиях, принимал меры против степных пожаров и пр. Кандидат головы был его официальным заместителем.

Казначей являлся хранителем денежных сумм своего народа. Кроме того, он выполнял еще и другие важные обязанности: «Весной, перед кочевкой осматривал степи летних кочевков, состояние трав, свободна ли от посторонних людей, в порядке ли ее воды и копани и пр. И принимал надлежащие меры при помощи служилых казаков ставки. Осенью, казначей исполнял те же обязанности по степям зимних кочевков. Ему же принадлежала практически и охрана прав своего

¹Якобий А.И. Указ. соч. С. 26.

²Кидирниязов Д.С. Указ. соч. С. 100.

³ГАСК. Ф. 407. Оп. 1. Д. 309. Л. 12.

⁴Кидирниязов Д.С. Указ. соч. С. 101.

народа по выпасам скота, сенокосам, распашкам, вторжениям и захватам степи»¹.

Самым крупным приставством считалось Караногайское. Караногай управлялся на основании «Положения об инородцах» и особой инструкции, утвержденной наместником кавказским. В административном отношении он числился в военном ведомстве и всеми правами по управлению этим приставством, как в равной степени и другие области Северного Кавказа, обладал начальник Терской области, а атаман кизлярского отдела пользовался правами «главного пристава» кочующих народов². Непосредственно же Караногаем управлял начальник караногайского участка. Штаб его располагался в ставке Терекли-Мектеб. Начальнику участка вменялся надзор за общественным управлением и хозяйственной жизнью караногайцев. Согласно «Положению об инородцах» на начальника участка возлагались следующие обязанности:

«1. ограждение и защищение пользы и выгод народа, направление оного к трудолюбию и промышленности;

2. внушение преимуществу постоянного (оседлого) жительства, как средства благонадежного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее;

3. попечение о введении и умножении в обществах ведомства его доходов от таких статей, как для пользы общества могут быть изобретены;

4. наблюдение за расходами, за правильностью судопроизводства в местных судах, составление смет и представление их на рассмотрение общества;

5. по желанию обеих сторон он сам мог выступать в качестве судьи на основании местных адатов»³.

Помимо начальника участка в Караногое имелся административный аппарат с целым штатом работников: два помощника, народный казначей, кассир вспомогательной кассы, народный голова, 4 кубных и 3 аульных старшины, 13 десятников при старшинах, 19 дуванщиков (посыльных-переводчиков), 17 аксакалов (сборщиков податей), писарь с двумя помощниками и переводчик с помощником. Кроме того, в Караногое существовал полицейский участок, в котором было 2 урядника и 10 казаков-охранников⁴.

---

¹Якобий А.И. Указ. соч. С. 26.

²Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 148.

³Там же. Л. 149.

⁴Там же. Л. 146.

В 1910-1916 гг. был введен новый порядок общественного самоуправления. С этого времени все общественные должности в Караногае становились выборными. Выборы проводили 1 раз в три года на всенародном низаме. Выбирали народного голову, казначея, кассира вспомогательной кассы. Затем каждый куб, а их было 4 (найманов, терков, кипчаков, минов), выбирал себе старшину, кадия, помощника казначея. И, наконец, каждое аксакальство (всего их было 17) выбирало себе аксакала (сборщик податей) и ахуна (духовное лицо). Выбирали также кадиев, имамов, наибов, ахунов, эфендиев. Ф. Капельгородский отмечал, что «в одном только Караногайском народе было – 1 кадий, 1 мухтезин, 8 наибов, 38 имамов, 32 ахуна и 16 мазимов, не считая аульных мулл»¹. Таким образом, одновременно с должностными лицами баллотировалось и духовенство.

Народный голова руководил общественным хозяйством, выпасами, покосами, распашками земель, собирал сходы. Народный казначей принимал от аксакалов и разъездных казначеев деньги. Старшины находились в подчинении у народного головы. Они следили за порядком, за сбором налогов, возглавляли маслаатный суд. Кстати, подобными полномочиями был наделен сельский старшина и у других тюркоязычных народов Дагестана. Он имел право подвергнуть наказанию членов сельского общества в виде отправки на работу до двух дней или ареста на такой же срок и денежному штрафу до 1 рубля².

Таким образом, аулом у ногайцев в исследуемое время управлял старшина – аулбай, принадлежащий обычно к роду князей, мурз, знатных узденей. Аулбая обычно «избирали» на сельском сходе – ямагате (джамаат). Его положение и возраст, влияние, определяемое опытом и связями, превращали выборы в формальность, ямагат подтверждал правомерность сложившегося положения. В должности аулбая утверждал частный царский пристав. Нередко аулбай выполнял и обязанности муллы. Если аул был многосемейным, большим, состоял из представителей различных родственных групп, то в помощь старшине избирали на сходе 3-5 старейшин – «ясы уйкен маслаатчи», «аксакалов», «картов»³. Следует отметить, что подобные советы старейшин существовали и у других тюркоязычных народов Да-

---

¹ Там же. Л. 59.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 148-149; Она же. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1999. С. 227.

³ Исламмагомедов А.И. Общественный быт кумыков и ногайцев в XIX – нач. XX в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 3. Д. 705. Л. 21-22.

гестана, у кумыков они назывались – «*тамазалар*», «*акъсакъллар*», «*къартлар*», у дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев – «*гожалар*», «*агсакаллар*»¹.

Для кочевых ногайцев были характерны социальные объединения, имевшие определенные признаки территориального и экономического единства, т.е. кочевые (аульные) общины².

У караногайцев в общинном собрании «*йыйын*» участвовали все взрослые мужчины. В летнее время у караногайцев йыйыны проходили на воздухе, а в зимнее время – в помещении.

У кубанских ногайцев, которые жили оседло, аул делился на кварталы, в каждом из них имелась мечеть, где и проходили собрания квартала. Своеобразным координационным центром являлась юмамечеть (букв. пятничная мечеть) – главная мечеть аула, куда созывали всех мужчин аула для решения наиболее важных вопросов.

Общие собрания членов аула с участием царских приставов в мечети не проводились, так как, по мнению ногайцев, присутствие в мечети иноверцев осквернило бы ее. Такие собрания проходили в специальном помещении, называемом «*батага*».

Представители ямагатов, во главе со старейшиной аула, составляли совет аула. В сходе, как правило, участвовали только мужчины. Иногда, в виде исключения, общинное собрание могли посетить несколько женщин преклонного возраста, известных в округе своим умом³. Эту отличительную особенность общественной жизни ногайцев можно отнести к отголоскам кочевого мира, в котором женщины обладали определенными правами и свободами, такими как участие в военных походах (в некоторых обществах), управление домашним хозяйством и руководство аулами в отсутствие мужчин. Немало примеров того, когда степная политика в значительной степени определялась присутствием в ней женщин. Влияние женщин на мужчин подчеркивает и Табари. В частности, он писал: «У тюрков всего можно добиться через женщину»⁴. Надо отметить, что таким же правом пользовались уважаемые женщины и в горных обществах Дагестана⁵. В отличие от горцев, у жителей равнинного Дагестана, в частности, у

---

¹ Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана. (XIX – начало XX века). Махачкала, 2014. С. 143.

²Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 151.

³Там же.

⁴Цит. по: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Tabari. Chronique II. P.302.

⁵Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XX в. Махачкала, 2002. С.353.

кумыков, дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев женщины на сельском сходе не присутствовали ни при каких обстоятельствах¹. Не принимали участие в сходе кулы (рабы) и лица, подвергшиеся общественному осуждению и лишенные права голоса.

Все общинные дела решались по обычному праву (аьдет). Вопросы, касающиеся семейно-правовых отношений общинников и уголовных дел, были прерогативой шариатского суда и представителей царской администрации.

Вопросы, обсуждаемые на сходе, были в основном хозяйственного плана. Сельский сход определял время начала сельхозработ, стрижки овец, заготовки сена, перекочевки скота, распределения пахотных участков, пастбищных и сенокосных угодий между членами общины и т.д. Подобное распределение полномочий между сельским сходом и духовенством было распространено в Дагестане повсеместно.

В отличие от пастбищных угодий, считавшихся общими, сенокосные и пахотные земли подлежали дележу. У степных ногайцев количество десятин земли, выделяемое на мужскую душу, зависело от земельного фонда аула. Землю распределяли осенью, после сбора урожая, по жребью «чопь». У кубанских ногайцев передел земли проходил каждые 5-9 лет. Землю делили по кварталам. Например, в ауле Икон-халк землю делили на три части, по количеству кварталов, которые составляли три самых крупных рода Баисовых, Карасовых и Кумуковых. Затем каждую часть делили внутри рода по количеству мужских душ в каждой семье с помощью жребия «сивага». Если в какой-либо семье сын рождался после раздела семьи, то его долю семья получала только при следующем разделе. В ауле Тохтамыс при разделе земли интересы семьи представлял ее глава или же старший сын.

Проф. С.Ш. Гаджиева в свое время отмечала, что у кубанских ногайцев «сельский ямагат распределял землю с помощью жребия по кварталам, затем полученную землю по жребью распределяли между десятью дворами, а они в свою очередь распределяли между собой»². Необходимо отметить, что похожая система распределения общинной земли существовала у кумыков, дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев³.

Так постепенно русская администрация старалась приобщить ногайцев к российским законам, образу жизни оседлых земледельцев.

---

¹ См.: Гимбатова М.Б. Указ. соч. С. 138-140.

² Гаджиева С.Ш. Ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 97.

³ Гимбатова М.Б. Указ. соч. С.144.

В законах подчеркивалась важность приобщения ногайцев к оседлости. Однако чиновничье засилье усугубляло бедственное положение основной массы ногайского населения. Часто от ногайцев поступали жалобы на притеснения их чиновниками приставства. В начале 1836 г. поверенные от караногайского и едишкульского обществ в своей жалобе начальнику Кавказской области писали, что «по управлению ногайцами употребляется большое число казаков, называемых дуванщиками, кои посылаются по делам и вообще ездят на ногайских лошадях, выбирая из табуна самых лучших и скорою ездой портят оных, так что хозяева, которые имели по 2 и по 3 лошади, теперь остаются совсем пешими»¹. В связи с этим ногайцы просили «ограничить число казаков, определив на каждую часть по одному»². Подобные факты были не единичны.

Колониальная политика царского правительства не могла не вызывать известного сопротивления со стороны ногайского народа. Изъятие лучших пастбищных угодий, произвол бюрократического аппарата чиновников и военных отрядов, открытая колониальная тенденция со стороны части русских переселенцев и многое другое вызывало законное возмущение ногайцев. Это выражалось в различной форме: отказе от уплаты податей, подаче податных и других жалоб и т.д. Это была закономерная реакция на колониальную политику русского царизма³.

«Устав» 1827 г. с небольшими изменениями действовал до 1917 г. Его значение в проведении колониальной политики и влияние на ногайское общество оказалось огромным⁴. Несмотря на многие минусы, организация приставств все же имела положительное значение для дальнейшего развития ногайского общества. Она ввела административную определенность, способствовала искоренению междухумных и феодальных междоусобиц, постепенно изнутри ломала остатки родовых институтов и представлений⁵.

До 1917 г. в ногайском обществе действовало два местных суда: шариатский (духовный) и маслаатный (гражданский).

Судебная система ногайцев в своем развитии прошла несколько этапов. Так, в Ногайской орде, являвшейся правопреемницей Золотой орды, в сфере осуществления правосудия руководствовались Великой Ясой Чингисхана. С распадом Ногайской орды и в связи с дальней-

¹ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2369. Л. 1-4.

² Там же. Л. 4.

³ Кочекаев Б.Б. Указ. соч. С. 127.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Там же. С. 123.

шим развитием феодальных отношений в ногайских улусах стали разрабатываться собственные своды законов, действовавшие в пределах данной территории. К сожалению, до нас дошел лишь один из них - Свод законов жителей ногайского улуса Касайаул, именуемый «Кануном». Данный документ, хранящийся в Рукописном фонде ИЯЛ ДНЦ РАН в фонде А.-Х.Ш. Джанибекова, обнаружен Джанибековым в 1922 г. в одной из экспедиций по Краснодарскому краю, в библиотеке ногайского арабиста муллы Ахмеда, жившего в ауле Карамурзинский Армавирского района. Текст, как явствует из записей А.-Х. Ш. Джанибекова, написан на арабском языке. А.-Х. Ш. Джанибековым переведено с арабского языка на русский лишь 14 статей Свода. Статьи посвящены различным вопросам уголовного, семейно-наследственного права.

Судебные функции в улусах принадлежали ногайским мурзам, при которых имелись дуваны, состоящие из представителей родовой знати. По всей вероятности, мурзы и их приближенные являлись авторами многих законодательных актов, в которых ощущается отсутствие законодательского опыта в написании важных юридических документов. Примером тому служит «Канун», в котором вообще не представлено обязательственное право, а об уголовном праве сведения весьма скудные.

«Канун» главным образом предусматривал регулирование гражданско-правовых отношений. Субъектами преступлений, то есть лицами, способными отвечать за правонарушение, считались почти все жители улуса, за исключением рабов. Любое преступление предусматривало выплату штрафа в виде имущественного взыскания, что подразумевало наличие собственности. Рабы, будучи сами разновидностью собственности, имущественной ответственности не несли. По всей вероятности, за преступления рабов отвечали их хозяева.

«Канун» ничего не говорит о возрасте преступников. В нем четко отражено только два вида преступлений: должностные и против собственности.

Под должностным преступлением понималось уличение во взяточничестве. За взяточничество должностное лицо наказывалось общественным порицанием и взиманием двойного штрафа. «Воспрещается пользование взяткой. За это штраф был один бык. Служилый человек за взятку штрафуется в двойном размере, т.е. два быка и объявляется публичное порицание», - гласит статья 12 данного «Кануна»¹.

---

¹Джанибеков А.-Х.Ш. Конституция одного ногайского рода Касаевского // РФ ИЯЛ ДНЦ РАН. Ф. 28. Оп.1. Д.1. Л.41-43.

С помощью этой статьи феодальная верхушка стремилась пресечь попытки использования чиновниками своего положения в целях личной наживы.

Преступлением также считалось и пользование процентным заработком. Статья 2 «Кануна» гласит: «Воспрещается (барымта) пользование процентным заработком. За это штраф один бык»¹.

Большое внимание в «Кануне» уделяется воровству и его предупреждению. Так, ст. 12 гласит: «Знающий о возможности случая ограбления касаевца, кем бы он ни был или ногаец, или черкес, или русский должен предупредить. В противном случае он получит порицание»².

«Канун» защищал частную собственность независимо от сословного статуса и положения субъекта. Закон строго запрещал воровство. Статья 1 гласит: «Не воровать»³.

Убийство вора на месте преступления не считалось преступлением и наказания не влекло. «Убийство за воровство оставляется без последствий (т.е. если убит вор)» (ст. 1)⁴.

Для поимки вора прилагались все силы. Уклонение от участия в погоне за вором каралось по закону. Помощь ограбленному односельчанину была обязательна. «Сейчас же организовать погоню верхом за грабителями, угнавшим скот. Отказавшийся от погони наказывается штрафом на две лошади, если ограбление сопровождалось убийством, отказавшийся от погони наказывается смертной казнью» (ст. 9)⁵. Задержанного вора закон обязывал вернуть краденое потерпевшему (ст.1)⁶.

«Канун» регулировал и семейно-наследственные отношения. В «Кануне» не указывается возраст возможного вступления в брак, но отмечается обязательная уплата калыма за девушку. Калым выплачивается отцу девушки, при отсутствии отца калым мог взять его наследник при условии, если он содержал девушку на своем иждивении до ее замужества (ст. 3)⁷.

Строго наказывалось по закону и осуждалось соплеменниками прелюбодеяние. «Воспрещается (Зина) незаконное сношение женщины и мужчины. По доказанности небрачного сношения, мужчина

---

¹Там же.

²Там же.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶Там же.

⁷Там же.

оштрафовывается на 50 голов рогатого скота и 2 лошади, он лишается гражданского права. Скот, взятый по штрафу, передается законному мужу обвиняемой женщины» (ст. 4)¹.

Наказание за прелюбодеяние нес не только мужчина, но и женщина. Оно выражалось не столько в материальном виде, сколько в общественном порицании, презрении. «Она разводится, на ее лицо кладут позорное клеймо и сажают верхом на черную корову» (ст. 4)². Иначе обстояло дело с незамужними девицами. «Если обвиняемая девица – то мужчина должен жениться на ней, уплатив калым в двойном размере. Если он не в состоянии дать большого калыма, то он предается суду. Судом он наказывается или розгой телесным наказанием, или высылкой, а преступная девица выдается замуж за бедного человека другой земли, т.е. удела, без калыма» (ст.4)³.

В «Кануне» наследованию посвящена лишь одна статья, которая относится к имуществу аталыка. Согласно ст. 14 «богатство аталыка не используется»⁴. Следовательно, имущество, полученное аталыком от князя, использовалось лишь при жизни аталыка. Такое имущество не завещалось и не передавалось по наследству. В остальных же вопросах наследования ногайцы руководствовались установлениями шариата.

Система наказаний за преступления была сложной. В «Кануне» доминируют штрафы, хотя на практике арсенал уголовных наказаний был достаточно велик. На практике применялись следующие их виды: смертная казнь, штрафы, телесные наказания, высылка, общественное порицание. Смертная казнь назначалась редко (неоказание помощи в крайних случаях, неподчинение мурзе) и за обычные преступления не применялась. Штрафы были ведущим и основным видом наказания по «Кануну» и назначались почти за все виды преступлений. Отсутствие денег у ногайцев предусматривало выплату штрафа не в денежном эквиваленте, а в виде скота. Штраф передавался потерпевшему для возмещения как материального, так и морального ущерба.

Телесные наказания назначались в основном за незначительные преступления. В основе их применения лежали болевые наказания (розги). В особых случаях, когда преступление шло вразрез с моральными устоями общества, преступника высылали за пределы улуса.

---

¹Там же.

²Там же.

³Там же.

⁴*Джанибеков А.-Х.Ш.* Указ. раб. Л. 43.

Особым видом наказания было общественное порицание. Преобладание патриархально-родового уклада в общественном строе ногайцев делало этот вид наказания довольно действенным.

«Канун» умалчивает о лишении свободы. Специальных тюрем в ногайских улусах не было. Правда, известны случаи, когда мурза мог заточить неугодных ему людей, прямо выступавших против существующих феодальных порядков, в яму¹. Но эта мера являлась временным ограничением свободы до принятия определенного решения в отношении задержанного.

Судебный процесс носил состязательный характер. Начинался он по заявлению истца. Преступник должен был доказать свою правоту клятвой. При недостаточности оправдательных аргументов в свою защиту преступник должен был выставить двух свидетелей (ст.5)².

Помимо состязательного характера судебный процесс был еще и розыскным. Он предполагал поимку преступника и предание его суду. Специальной службы по розыску преступника не существовало. Розыск преступника возлагался на потерпевшего, его родственников, могли быть привлечены и другие жители улуса, если в этом была необходимость.

Уже в конце XVII в. маслаатный суд становится преобладающей формой судебного разбирательства. Появление маслаатного суда у ногайцев связано с принятием ими ислама, он был призван урегулировать споры, возникавшие между общинниками. Его основой являлось третейское разбирательство. Решения, выносимые маслаатным судом, были обязательны для спорящих сторон³.

Термин «маслаат» употребляется в нескольких значениях, в переводе с арабского языка это слово означает общее благо, выгода в интересах сторон⁴, а в переводе с ногайского – совет; наставление; рекомендация⁵. У ногайцев существует выражение: «*Маслаат этуьв*» (букв. установить между ними маслаат), что означает буквально помирить, привести стороны к обоюдному согласию. Примирение сторон допускалось на любой стадии маслаатного разбирательства.

Большинство дореволюционных исследователей считали маслаатный суд справедливым, истинно народным. Так, А.И. Якобий

---

¹Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С.112.

²Джанибеков А.-Х. III. Указ. соч. Л. 42.

³Поноженко Е.А. Маслагатный суд и судебный процесс у ногайцев в XVII – XIX вв. // Вестник МГУ. № 3. Сер.12.Право. 1976. С.71.

⁴Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1989. С. 443.

⁵Ногайско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1963. С. 217.

назвал маслаатный суд «народным, направленным к добру и справедливости»¹. Маслоатное разбирательство в действительности являлось таковым в бесклассовом обществе. С возникновением классового неравенства маслаатный суд стал послушным орудием в руках господствующего класса. В XVIII – нач. XIX вв. маслаатные суды ногайцев носили ярко выраженный классовый характер. Своей, народной оставалась лишь внешняя патриархальная оболочка этих судов². Следует отметить, что мурзы не подлежали аульному маслаату. Споры, возникавшие между мурзами, разрешались с помощью силы либо на специальном маслаатном суде мурз, где в качестве посредников выступали «посторонние» мурзы и уздени (представители мелкого служилого дворянства).

На этом маслаатном суде мурзы сами устанавливали порядок разбирательства между собой. Решения маслаатных судов мурз зачастую зависели от количества вооруженных узденей, которых мог выставить тот или иной мурза в случаях разрешения конфликта силой оружия³. Одним словом, здесь действовали согласно феодальному праву, по которому побеждает наиболее сильный.

Дела рядовых ногайцев рассматривались на аульном маслаате. Как мы уже отмечали, решение маслаатного суда полностью зависело от мурзы, так как он оказывал влияние на лиц, участников судебного разбирательства, находившихся в его подчинении. Маслоат состоял, как правило, «из одинакового числа мурз и народа. Каждая сторона, имея равные голоса, наблюдала свои выгоды; в случае же несогласия призывались в посредство духовные»⁴. При таком составе суда «воля мурз служила единственным законом, которого опровергнуть невозможно было»⁵. Тем более что духовенство, являясь представителем господствующего класса, всегда поддерживало волю мурз. А если народ отказывался подчиняться такому разбирательству, его усмиряли силой.

Зачастую своеволие того или иного мурзы вызывало возмущение целого тухума (рода). В такой ситуации мурза не всегда мог подавить недовольство своими собственными силами. В этих случаях феодалы объединяли свои силы перед лицом народных волнений. Эта консо-

---

¹Якобий А.И. Указ. соч. С.18.

²Поноженко Е.А. Указ. соч. С.72.

³Там же.

⁴Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные с 1816 по 1826. СПб., 1829. С. 143.

⁵Там же.

лидация сил соседних мурз принимала форму маслаатного суда. «В случае возникновения каких-либо недоразумений между князьями и их подвластными, дело обычно разбирали третейские суды, которые состояли из посторонних князей, узденей и народных старшин»¹. Здесь исполнение решений маслаатного суда обеспечивалось не только и не столько «авторитетом» посторонних мурз, а в основном наличием у мурз, участников такого маслаата, отрядов вооруженных узденей, которые при необходимости могли быть объединены для подавления выступлений недовольных решением маслаата².

К XIX в. мурзы «в экономическом отношении перестали отличаться от простых ногайцев»³. Значительно снизился и их политический вес в обществе. Мурзы перестали вмешиваться в какие-либо разбирательства и влиять на решение маслаатного суда.

Возглавлял маслаатный суд старшина, ему помогало несколько авторитетных стариков. Этому суду подлежали: 1) иски на сумму до 30 и свыше рублей; 2) разбирательство неблагоприятных поступков, дела о кражах, грабежах на сумму до 30 руб. Дела о более тяжких преступлениях передавались на рассмотрение в окружной суд.

Маслаатный суд рассматривал не только гражданские дела, но и мелкие уголовные, такие как «дурное поведение в поступках мало-важных и покражи до 100 рублей включительно» (§71), причем претензия предъявлялась первоначально местному приставу, который «вызывает ответчика и назначает разбирательство, действуя через аульного голову. «Решение маслаатного суда принимало законную силу, если обе стороны довольны решением, иск не превышает 100 рублей и если в течение года не поступило жалобы в окружной суд» (§60)⁴.

Однако эти новшества не изменили сути маслаатного суда, он по-прежнему отстаивал интересы имущих слоев ногайского общества. Старшина и почетные старики были из зажиточных ногайцев и представляли интересы своего круга. Отличительной особенностью маслаатного суда изучаемого периода было то, что в состав суда мулла входил лишь как один из его членов, и его голос имел ту же силу,

---

¹Броневский С.П. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.2. М., 1823. С. 118.

²Поноженко Е.А. Указ. соч. С. 73.

³Кочкаев Б.-А. Б. Указ. соч. С. 13.

⁴Поноженко Е.А. Указ. соч. С. 77.

что и голос любого другого члена суда. Однако при этом соблюдались религиозные ритуалы, и в мечети оформлялся протокол¹.

Таким образом, маслаатный суд ногайцев на протяжении всего исследуемого периода последовательно защищал интересы имущих классов².

Маслаатный процесс носил состязательный характер. Инициатива судебного разбирательства исходила от спорящих сторон. Каждая сторона выбирала себе в качестве посредников не менее двух почетных стариков. Максимальное число посредников обычаем не устанавливалось и зависело от важности дела³. Определившись с составом судей, стороны давали клятву, что будут согласны с решением суда.

В маслаатном суде существовал институт отвода судей. Он заключался в отказе от произнесения клятвы, что означало несогласие с данным судебным составом, и замене судьи, подозреваемого в предвзятости. «Этим юридический обычай предоставлял спорящим право отвода кого-либо из судей»⁴. Если отводов составу суда не последовало, то все участники процесса «салятся в кружок (большей частью на открытом воздухе, а иногда, если не позволяет погода, и в кибитке)»⁵, и истец с ответчиком излагают суть спора.

Выслушав обе стороны, суд предлагает им примирение. Для этого обе стороны удаляются на достаточное расстояние друг от друга для совещания со своими посредниками. Посредники прилагали все усилия к тому, чтобы склонить свою сторону к примирению с противной стороной. Через 1-2 часа все участники процесса вновь сходились на прежнее место, и если примирение было достигнуто, то стороны обменивались рукопожатиями, и процесс на этом заканчивался⁶. В таких случаях считалось, что стороны «установили между собой маслаат», т. е. помирились, не прибегая к рассмотрению дела по существу.

---

¹Викторин В.М. Обычно-правовая этническая и исламская (шариатная) традиции в общественном устройстве астраханских ногайцев XVII – нач. XX вв. // Традиционная этническая культура и народные знания. Материалы международной конференции. М., 1994. С. 25.

²Поноженко Е.А. Указ. соч. С. 74.

³Самойлов Ф. Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии, собранные главным приставом подполковником Самойловым. Ставрополь, 1881. Прилож. Б. С. 3.

⁴Бентковский Г.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1. Ногайцы. Ставрополь, 1883. С. 83.

⁵ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 25.

⁶Якобий А.И. Указ. соч. С. 18-19.

Если помирить стороны не удавалось, начиналась следующая стадия маслаатного процесса. Для этого посредники обеих сторон (сами стороны при этом удалялись) объединялись для общего совещания, на котором обсуждались обстоятельства дела, личности истца и ответчика, оценивались предоставленные сторонами доказательства, и, если суд признавал их достаточными, выносилось окончательное решение. Если суд находил доказательства недостаточными, то вызывался истец, на котором лежало все бремя доказывания справедливости своих требований (либо обвинения). Ему разъяснялось, какие именно доказательства он должен представить суду дополнительно. После оценки этих доказательств суд объявлял окончательное решение¹.

Самым лучшим видом доказательств считалось чистосердечное признание обвиняемого, а неопровержимым доказательством вины – задержание вора на месте преступления, желательно при свидетелях. Если похищенное обнаруживали у обвиняемого, то вина считалась доказанной. «Во всяком случае, истец получает обратно свою вещь, где ее найдет и докажет, что она ему принадлежит, и не была кому-либо продана или подарена; ответчик же ищет свои издержки от того, кто ему такую вещь передал или продал»².

Похищение скота обвиняемым считалось доказанным, если следы похищенного скота доходили до его кибитки либо этот скот находился вместе со скотом обвиняемого³. Если следы приводили к аулу, то жители его должны были «отвести след в сторону» либо «выставить из своей среды похитителя», ибо в противном случае за похищение отвечали все жители аула. «Отвести след в сторону» было невозможно, если эти следы были основательно затоптаны аульным скотом. В этом случае жителям аула предоставлялась возможность «очистить себя присягою в том, что они не знают, кем такое похищение учинено. При этом истцу было дано право назначать поименно тех, кто из аула должен присягнуть»⁴.

При отсутствии перечисленных выше доказательств истец должен был представить суду двух свидетелей, знакомых с обстоятельствами дела, которые могли бы подтвердить обоснованность его требований. Свидетелями могли выступать лица, достигшие 15-летнего возраста, а также ближайшие родственники и родные братья, при

---

¹Самойлов Ф. Указ. соч. С. 6.

²Там же.

³Поноженко Е.А. Указ. соч. С.75.

⁴Самойлов Ф. Указ. соч. С. 7.

условии, если они имеют собственное хозяйство и не живут в одной кибитке с истцом. Не могли выступать в качестве свидетелей лица, ранее уличенные в неблагоприятных проступках, развратные, бывшие в бегах (очевидно, абреки), а также малолетние, не достигшие 15-летнего возраста, и женщины. Сын не мог свидетельствовать за отца, а отец - за сына¹. Свидетели в присутствии кадия целовали Коран и клялись тремя священными книгами: Инжиллом (Евангелием), Тавратом (Библией) и Забуром (Псалтырью), написанными великими пророками – Исой, Мусой и Даутом².

Если у истца не было прямых доказательств вины ответчика и он не мог подтвердить справедливость своих требований свидетельскими показаниями, то он мог в свое оправдание сослаться на соседей, «двух с правой и одного с левой стороны живущих». Они должны были присягнуть перед судом в том, что ответчик – «хороший человек и не мог совершить поступка, в котором его обвиняют». Если соседи не согласятся, то «заседающие указывают на кого-либо из посторонних людей, и если последние примут присягу за неучастие обвиняемого в преступлении, о котором идет речь, тогда обвиняемый оправдывается»³. Здесь соседи либо посторонние люди выступали в качестве соприсяжников, т.е. свидетелей доброй славы ответчика. Своей присягой они принимали на себя полную ответственность за добросовестность сославшегося на них ответчика. Соприсяжничество представляло собой явный пережиток родовых отношений, когда жизнь каждого протекала на глазах у всех, и весь род ручался за сородича и был ответствен за его поступки⁴. Этот вид доказательства постепенно изживал себя, и маслаатный суд в большинстве случаев предлагал ответчику, не прибегая к посторонней помощи, самому очистить себя присягой. Присяга совершалась весьма коротко, без религиозных обрядов. Ответчик клялся именем Аллаха, что невиновен в преступлении, в котором его обвиняют. Дающий показание в собственное оправдание говорил с выразительной расстановкой: «В-Алла!» («Ей-богу!») или же: «Ашь-хаду!» («Я свидетельствую!»). И после этих слов излагал все, что видел или слышал, или что может сказать в свое оправдание⁵. Так как «последствия несоблюдения присяги важны по большей степени морально», то оправдаться ею ответ-

---

¹ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 26; Д. 2584. ЛЛ. 49-51; *Самойлов Ф.* Указ. соч. С. 7.

² *Капельгородский Ф.* Указ. соч. Л. 166.

³ *Бентковский Г.В.* Указ. соч. С. 83.

⁴ *Поноженко Е.А.* Указ. соч. С. 75.

⁵ *Капельгородский Ф.* Указ. соч. Л. 166.

чику «было весьма нетрудно, в особенности, если он уважается народом и имеет многочисленную родню»¹. К присяге не допускались лица, «которые порочным своим поведением наносили чувствительный вред обществу, закоренелые воры и укрыватели их шалостей»².

Таким образом, оправдаться с помощью присяги не могли как преступники, так и лица, выступающие против зажиточной верхушки ногайского общества.

Система наказаний была довольно проста. В основном наказывали за кражи. «По магометанским законам правоверный, уличенный в краже какой-либо вещи, лишался правой руки, а за второе воровство — левой ноги»³. Но отсечение руки или ноги, как правило, не происходило. «Вместо такого действительного наказания находчивые судьи приговаривали воров, так сказать, к нравственному отсечению руки: время от времени признавали какого-нибудь молодца достойным отсечения»⁴.

Как правило, за кражу наказывали розгами и приговаривали к отсечению руки, но руку обычно не отсекали. Почти каждый маслаатный суд по уголовному делу выносил примерно такое решение: «Приговорили взыскать с него 50 рублей за быка, а чтобы и впредь ему неповадно было воровать, дать ему 50 розог»⁵.

Наш информатор из станицы Старогладовской Шелковского района Чеченской республики Нурмамбетов Абдулла (1925 г.р.) вспоминает, что в старину ногайцы, жившие по соседству с гребенскими казаками, за преступления, совершенные против казаков, в основном это были кражи лошадей и скота, могли быть подвергнуты казачьему суду. В большинстве случаев таких преступников передавали в руки местным властям для рассмотрения данного преступления в маслаатном суде. Но случалось и так, что казаки сами устраивали суд над ногайцем, неоднократно уличенным в краже лошадей и скота у станичных казаков.

Даже после установления советской власти были известны случаи применения обычно-правовых способов наказания. Так, в 1923 году муллу конокрада посадили на лошадь задом наперед, повесили на грудь котелок с сажей (мус. тазир) и водили так по селу, заставляя

---

¹ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 27.

²Там же.

³Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 167.

⁴Там же. Л. 168.

⁵Там же.

кричать «мен – урлак», т.е. «я – вор». Воспринималось это уже как народное средство воздействия и весьма эффективное¹.

Наши информаторы помнят случаи, как еще в первые годы советской власти люди сами без помощи официальных властей разбирались с преступниками и нарушителями порядка. Так, наш информатор вспоминает, что у ее отца, Насирова Денува, украли все сбережения и как он при этом поступил с вором. «Мой отец с семьей, – рассказывает информатор, – отправился на летнюю кочевку, дома в качестве охраны оставили наемного работника по имени Гаджи – выходца из одного дагестанского селения. По возвращении домой отец обнаружил пропажу денег и исчезновение работника. Все подозрения пали на Гаджи. Родственники бросились на поиски преступника, они довольно быстро его разыскали, обнаружили у него пропажу, скрутили и привезли обратно в аул. Недолго думая, отец вывел Гаджи на середину села - «арман», объявил о совершенном им преступлении, а потом посадил Гаджи на осла задом наперед и возил по улицам. Люди выходили из своих домов и бросали в него камни, навоз, плевали ему вслед. После чего Гаджи был изгнан из аула»². Подобное наказание было весьма действенным, позор и изгнание из родных мест многих останавливало от совершения преступления.

В большинстве же случаев маслаатный суд заканчивался примирением сторон. Для того чтобы прийти к обоюдному согласию, одна из сторон должна была уступить. «Но иногда стороны не желали уступать и поднимали спор. В этом случае то истец, то ответчик попеременно вызывали из круга старшину или кого-либо из влиятельных стариков, садились вдвоем где-нибудь в сторонке и начинали секретные переговоры об условиях благоприятного исхода. Давались всякие обещания, вносились задатки, - все это вошло в обычай и никого не смущало»³.

После примирения стороны устраивали обильное угощение для всех лиц, участвовавших в процессе. Угощение входило в статьи решения. «Один из тяжущихся должен был зарезать жеребенка, барана или другую скотину и угостить в знак примирения своего противника, приглася, само собой разумеется, к тому и самих судей»⁴.

Выигравшая сторона была обязана отблагодарить старшину. Помимо этого обе стороны платили судебные пошлины. В исследуемое

---

¹Викторин В.М. Указ. соч. С. 25.

²Инф. Алпысова Лайлихан, 1924 г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.

³Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 167.

⁴ГАСК. Ф.249. Оп. 3. Д. 708. Л. 25.

время маслаатные суды были самой доходной статьей старшин. Помимо угощения «выигравший дело обязан был поблагодарить судью каким-нибудь подарком. Кроме того, старшина брал с обоих тяжущихся «на овес лошади»: она тоже хотела кушать»¹.

Большинство бедняков предпочитали не обращаться в маслаатный суд, понимая, что принятое решение будет явно не в их пользу, а материальные расходы, связанные с перемирием, приведут к окончательному разорению. Маслоатные суды, как мы уже отмечали, находились в ведении начальника участка. В случае неудовлетворительного приговора сторона могла подать апелляционную жалобу начальнику участка для пересмотра решения суда, а тот в свою очередь мог назначить новый суд в составе уже не одного, а нескольких старшин.

Таким образом, до присоединения ногайцев к России маслаатному суду были подведомственны все уголовные и гражданские дела, за исключением семейных и наследственных, а также «преступлений, преимущественно до веры касаемых», которые рассматривались шариатскими судами.

Сторона, недовольная решением маслаатного суда, могла передать дело на рассмотрение шариатского суда, осуществляемого единолично кадием.

Шариатские суды рассматривали более широкий круг вопросов. Рассматриваемые дела, в основном, были связаны с регулированием семейно-правовых отношений и в большинстве случаев с вопросами наследства. Шариатский суд состоял из одного или двух кадиев. При разборе дела кадий «руководствовался «Аль-Кораном» пророка Магомета и разными шариатными книгами («Дрор», «Мультана», «Казхан»), написанными разными имамами. В этих законоположениях довольно подробно указаны все роды и степени преступлений, исков, распрей и тяжей, определены меры наказаний, способы и образ решений»². Бывало, что в адатах давались некоторые рекомендации, касающиеся судебной деятельности кадия. Так, в народных юридических обычаях кочевых мусульман Ставропольской губернии, которыми руководствовались засулакские кумыки и ногайцы, записано: «Муж и жена должны жить в добром согласии и любви; жена повинуется мужу, а муж должен признавать ее как подругу, но не как рабыню. В случае жалобы жены за неправильное ее содержание или

---

¹Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 171.

²Там же. Л. 177-178.

напрасные истязания, кадий обязан защищать ее и доставить должное удовлетворение с содействия местного начальства»¹.

Главной обязанностью кадия, а равно и основной статьей его доходов было рассмотрение вопросов, касающихся наследования. По шариату каждый караногаетц распоряжался всем своим имуществом лично. Так, например, «его младшие братья и сыновья находились в его полной воле и не смели без его разрешения сделать что-либо самостоятельно. Еще при жизни своей он мог отделить им часть имущества и дать особую кибитку, но мог удалить их без всякой части и подарить все свое имущество посторонним лицам. Если же он делал это перед смертью в болезненном и раздражительном состоянии, то кадий имел право, против воли покойника, выделить указанному завещателем постороннему лицу только третью часть имущества, а остальное разделить между прямыми наследниками. Точно так же он делил, согласно шариату, всякое наследство, если только в числе наследников находилось хотя бы одно несовершеннолетнее лицо. Такому он назначал опекуна. За свое участие в разделе кадий получал

2 ½ % со всего имущества, деньгами или скотом, но, конечно, заинтересованные лица уплачивали ему гораздо больше»². Иначе дело обстояло, если не было совершеннолетних наследников. Тогда «описавший имущество кадий мог поручить его любому опекуну, даже совершенно постороннему лицу. А по адату опекун в Караногаете являлся полным хозяином всего сиротского добра и обязан был только по достижении сиротой совершеннолетия выплатить ему законную часть согласно оценке, сделанной в свое время кадием во время описи»³. Дабы избежать подобной несправедливости, старики заранее ездили в Кизляр составлять нотариально заверенные завещания. Обычно со смертью хозяина дома начинались тяжбы, разбираемые шариатским судом. Вдовы, как правило, выходили замуж за своих деверей со всем имуществом и детьми. Если вдова пожелает уйти к своим родственникам, то согласно шариату детей у матери отбирали. Впрочем, кадий мог оставить временно при матери малолетних детей при условии, что она не изъявит желания вторично выйти замуж. В этом случае наследники ее умершего мужа нередко, по приговору шариатского суда, отбирали у нее даже грудных детей⁴.

---

¹Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках. Приложение. Народные юридические обычаи у кочевых мусульман Ставропольской губернии. Махачкала, 1993. С.126 - 127.

²Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 178.

³Там же. Л. 179.

⁴Там же. Л. 183-184.

В вопросах наследования кадий мог обратиться и к народным обычаям кочевых мусульман Ставропольской губернии, согласно которым «после смерти кого-либо имение делится между наследниками под наблюдением кадия. Если после умершего остаются отец, мать, жена и дети, в таком случае из имения выделяется отцу шестая часть, матери – шестая, жене – восьмая, а все остальное – детям»¹.

Несмотря на то, что шариатский суд рассматривал дела, касающиеся семейно-правовых отношений, решения, которые он выносил, были слишком суровые. Так, например, за употребление запретных напитков и продуктов, неотправление молитв в установленное время, прелюбодеяние неженатых и за иные незначительные проступки виновных подвергали наказанию розгами. А если женатый мужчина совершал «прелюбодеяние» с женою другого, то обоих их убивали публично «каменьями»². Кстати, прелюбодеев убивали и у кумыков, дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев. Муж, застигший жену с любовником на месте преступления, обязан был убить обоих. «Если муж заметит жену свою в нарушении супружеской верности, как то: найдет жену свою наедине с мужчиною, в объятиях с ним и поцелуях или прелюбодейственной связи, то он имеет право безвозмездно умертвить обоих на месте преступления», – гласит один из адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского³. Согласно другому адату, сбежавшие с места преступления прелюбодеи преследовались мужем и его родственниками как кровные враги: «Если же прелюбодействующие успеют убежать и после того будет найдена в доме мужа вещь, принадлежавшая жене его, прелюбодеице, и свидетельствующая об их преступлении, то оба они считаются кровными врагами: муж и родственники его имеют право убить их, где бы ни встретили»⁴.

Аналогичное наказание за подобное преступление предусматривалось и адатами Кайтаго-Табасаранского округа, в котором наряду с другими народами проживали южные кумыки, дагестанские азербайджанцы и дагестанские терекеменцы. Так, один из них гласит: «Кто, заставши жену свою с любовником, убьет их обоих на месте, тот не

---

¹Шихалиев Д.-М.М. Указ. соч. С. 131-132.

²ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 25.

³Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Законы вольных обществ Дагестана XVII – XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаева; отв. ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала, 2007. С. 242.

⁴Там же.

отвечает за убийство»¹. Если обманутый муж оставлял кого-либо живым, то он подвергался кровомщению со стороны родственников убитого, как и за всякое другое убийство. «Если он (муж. – М.Г.) убьет одного любовника, а жену оставит у себя, то обязан удовлетворить родственников убитого за кровь и заплатить обществу штраф», – сказано в другом адате².

Уголовную ответственность за прелюбодеяние несли даже лица, не связанные между собой и ни с кем другим брачными узами. «Холостой мужчина и девушка, избалованные в прелюбодеянии, наказываются по приговору кадия до 100 ударов розгами», – сказано в адатах Ставропольской губернии³. Необходимо отметить, что случаи применения этих статей ни где не зафиксированы, скорее всего, они носили назидательный, устрашающий характер. Более того, есть многочисленные свидетельства о целомудренности и высокой нравственности ногайских женщин. Так, анонимный автор XIX века сообщает: «Супружеская нравственность народа стоит на высокой ступени: незаконнорожденных детей почти нет между ногайцами, и в особенности между караногайцами»⁴.

Шариатские суды не были популярны среди ногайцев вследствие «мздоимства кадия в посылке к суду и в кадре на Коран, как на мертвую букву, не в состоянии извлечь из него никакой пользы»⁵. Так, в конце XIX в. из 35 жалоб, рассмотренных в течение одного года в караногайском обществе, 23 жалобы были рассмотрены маслаатским судом, а 12 – шариатским судом⁶.

Маслаатный и шариатский суды вполне удовлетворяли потребности общества в судопроизводстве и регулировали все стороны общественно-политической жизни того времени.

Отличительной особенностью судебной системы ногайцев в исследуемый период было сочетание двух традиций – собственной, обычно-правовой (адат и маслаат) и воспринятой через религию – магометанство – суннизм ханафитского толка (шариат).

Действительно, исходная этничность ислама (арабская) содержала в себе кочевой бедуинский хозяйственно-культурный компонент,

¹Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Сост. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис, 1899. С.546.

²Там же. С. 546.

³ Шихалиев Д.-М.М. Указ. соч. С.128.

⁴Народы России: Ногайцы. Характер и народный быт. Оттиск «Природа и люди». 1879. С. 5.

⁵Цит по: Поноженко Е.А. Указ. соч. С. 76.

⁶Якобий А.И. Указ. соч. С. 18.

типологически близкий тюркскому. С другой стороны, именно ханафитский мазхаб допускал широкое использование местных обычаев. Взаимодействие двух традиций происходило по нескольким линиям вплоть до переплетения. При этом объективно базовой являлась ногайская этническая традиция, но идеологически ведущей осознавалась исламская, религиозная¹.

После включения ногайцев в состав Российской империи царская администрация не могла сразу же распространить на новых подданных действие общеимперского законодательства. Поэтому правительство вынуждено было пойти по пути использования ногайской судебной организации, приспособив ее к общим нуждам колониального правления, с тенденцией постепенного распространения на ногайцев общих законов Российской империи. Для этих целей из ведения маслаатных судов была изъята значительная категория дел, а сам суд был поставлен под контроль чиновников царской администрации.

Так, согласно «Уставу для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» от 6 февраля 1827 г. судебные дела, возникавшие среди ногайцев, подразделялись на три категории: 1) уголовные; 2) исковые; 3) по жалобам на управление².

Все уголовные дела подразделялись на две степени (§ 66)³. К первой категории относились государственные преступления: «измена, возмущение в народе, побег за границу со злым умыслом, подвод хищников заграничных» (§67)⁴. По этой категории дел велось обязательное предварительное следствие, осуществляемое приставом и военным чиновником, назначенным начальником области (§69)⁵. После окончания предварительного следствия эти дела рассматривались военно-полевыми судами на основании общих законов Российской империи.

Вторая категория дел охватывала «убийства, грабежи и насилия, поджоги, делание фальшивой монеты, кражи и угон лошадей и скота на сумму свыше 100 рублей или в третий раз» (§68)⁶. Предварительное следствие по этим делам велось приставом совместно с аульными головами и старшинами. Материалы предварительного следствия и виновный направлялись в окружной суд «для разрешения по законам гражданским» (§70)⁷.

---

¹Викторин В.М. Указ. соч. С. 24-25.

²Кидирнязов Д.С. Указ. соч. С. 104.

³АКАК. Т. 7. С. 933.

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶Там же.

⁷Там же.

Окружной суд являлся судом первой инстанции для уголовных дел второй категории и апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных маслаатными судами. Из каждого ногайского приставства избирался один заседатель или депутат для присутствия в окружном суде. Ногайские представители должны были присутствовать на заседаниях окружных судов, когда разбирались уголовные и исковые дела ногайцев. Избранные депутаты утверждались главным приставом (§ 11)¹. Несмотря на то, что на заседаниях окружного суда присутствовали ногайские депутаты от каждого приставства, этот суд прославился формальным подходом к делам и волокитой².

Такое положение в сфере отправления правосудия существовало у ногайцев вплоть до 1917 года.

Итак, управление ногайцами стало более организованным и упорядоченным. Царское правительство предпринимало меры по обустройству быта кочевников и прикрепления их к земле. С одной стороны, политика царского правительства освободила простых ногайцев от произвола и междоусобных войн ногайских мурз, приносивших разорения основной массе крестьян, а с другой – еще более закабалила их, ограничило пастбища для выпаса скота, облагало новыми повинностями, что приводило к обнищанию основной массы рядовых ногайцев.

В области судопроизводства также произошли существенные изменения – ногайцы были освобождены от судебного произвола ногайских султанов, князей и мурз. В исследуемый период все ногайцы были подсудны законам Российской империи и имели право обжаловать приговор суда в вышестоящей инстанции. Вместе с тем ногайцы еще долго продолжали обращаться в маслаатный и шариатский суды, доверяя общественному мнению и духовенству.

Таким образом, XIX – начало XX века для ногайского общества были ознаменованы огромными переменами в области управления и судопроизводства, которые внесли определенные изменения в общественный быт ногайцев.

Административное управление ногайским населением осуществлялось согласно разработанному в 1827 году «Положению о кочующих инородцах» через богатых и знатных ногайцев (мурз, султанов, князей, биев, баев и др.).

Аулом у ногайцев управлял аулбай, принадлежавшим обычно к роду князей, мурз, знатных узденей, он же выступал как старшина,

---

¹Там же.

²Карганов Н.А. О горских словесных судах на Северном Кавказе. Пг., 1914. С. 3-9.

«избираемый» на сельском сходе – ямагате (джамаат). Его положение и возраст, влияние, определяемое опытом и связями, превращали выборы в формальность, ямагат подтверждал правомерность сложившегося положения. В должности аулбая утверждал частный царский пристав. Нередко аулбай выполнял и обязанности муллы. Если аул был многосемейным, большим, состоял из представителей различных родственных групп, то в помощь старшине избирали на сходе 3-5 старейшин – «ясы уыйкен маслаатчи», «аксакалов», «картов»¹.

Для кочевых ногайцев были характерны социальные объединения, имевшие определенные признаки территориального и экономического единства, т.е. кочевые (аульные) общины².

У караногайцев в общинном собрании «йыйын» участвовали все взрослые мужчины. В летнее время у караногайцев «йыйыны» проходили на воздухе, в зимнее время – в помещении.

У кубанских ногайцев, которые жили оседло, аул делился на кварталы, в каждом из них имелась мечеть, где и проходили собрания квартала. Своеобразным координационным центром являлась юма-мечеть (букв. пятничная мечеть) – главная мечеть аула, куда созывали всех мужчин для решения наиболее важных вопросов.

Общие собрания членов аула с участием царских приставов в мечети не проводились, так как, по мнению ногайцев, присутствие в мечети иноверцев осквернило бы ее. Такие собрания проходили в специальном помещении, называемом «батага».

Представители ямагатов во главе со старейшиной аула составляли совет аула. В сходе, как правило, участвовали только мужчины. Иногда, в виде исключения, общинное собрание могли посетить несколько женщин преклонного возраста, известных в округе своим умом³. Надо отметить, что таким же правом пользовались уважаемые женщины и в горных обществах Дагестана⁴. Кстати, в отличие от горных районов Дагестана, у жителей равнинной зоны, в частности у кумыков, дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев, женщины общинные собрания никогда не посещали. Не принимали участия в сходе и лица, подвергшиеся общественному осуждению и лишенные права голоса, и кулы (рабы), не имевшие никаких имущественных и социальных прав.

---

¹Исламмагомедов А.И. Общественный быт кумыков и ногайцев в XIX – нач. XX в. Л. 21-22.

²Калмыков И.Х. Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Указ. соч. С. 151.

³Там же.

⁴Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. (XVIII – нач. XX в.). С.353.

Все общинные дела решались по обычному праву (аьдет). Вопросы, касающиеся семейно-правовых отношений общинников и уголовных дел, были прерогативой шариатского суда и представителей царской администрации. В основном же общество руководствовалось проверенными не одним столетием адатными нормами. Они не только регулировали правовые стороны семейной и общественной жизни общинников, но и являлись одним из регуляторов общественного поведения, благодаря которым в коллективе сохранялись относительный порядок, мир и согласие. Каждый ногоец понимал, что нарушение адатов ведет к неминуемому наказанию, согласно им он выстраивал свои взаимоотношения в обществе. Адаты дают наиболее полное представление о нормах общественного поведения, нравственных установках, о понятии «преступление» и «наказание». Как верно отмечал А.И. Исламмагомедов, «нормы адата являются важным историческим источником, особенно они ценны, когда исследуются вопросы общественной жизни»¹. Действительно, адаты – это не только свод законов, предусматривающий определенные формы наказаний за отдельные виды преступлений, но одновременно и нормы общественного поведения, не позволяющие нарушать установленные порядок и правила.

Адаты несли огромную нравственную нагрузку. В основе многих из них лежали моральные принципы, нарушение которых влекло за собой как уголовное наказание, так и общественное порицание. В них отражены такие виды преступлений, подрывающие моральные устои, как ростовщичество. Так, у кубанских ногойцев Касаевского улуса в статье 2 Свода законов обычного права, названного «Кануном», о ростовщичестве говорится следующее: «Воспрещается (барымта) пользование процентным заработком. За это штраф один бык»².

Тяжким преступлением с точки зрения уголовного права и морали считалось и взяточничество, за которое должностное лицо наказывалось общественным порицанием и взиманием двойного штрафа, нежели за то же преступление, совершенное простолюдином³. Статья 2 «Кануна» гласит: «Воспрещается пользование взяткой. За это штраф был один бык. Служилый человек за взятку штрафуются в двойном размере, т.е. два быка и объявляется публичное порицание»⁴. С по-

---

¹Исламмагомедов А.И. Общественный быт лезгин в XIX в.: Нормы общественного поведения // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Л. 8.

²Джанибеков А.-Х.Ш. Указ. соч. Л. 41-43.

³Гимбатова М.Б. Из истории обычного права ногойцев (XVII – начало XIX в.) // Вестник ДНЦ. 2001. № 10. С. 111.

⁴Джанибеков А.Х.-Ш. Указ. соч. Л. 41-43.

мощью этой статьи феодальная верхушка и общество стремились пресечь попытки использования служебного положения в целях личной наживы.

Уголовным преступлением у ногайцев считался и такой нравственный проступок, как уклонение от участия в погоне за вором. Помощь ограбленному односельчанину носила обязательный характер. «Сейчас же организовать погоню верхом за грабителями, угнавшими скот. Отказавшийся от погони наказывается штрафом на две лошади, если ограбление сопровождалось убийством, отказавшийся от погони наказывается смертной казнью» – гласит статья 9 «Кануна»¹.

Преследовались по закону и лица, не выступившие по тревоге. Так, в адатах ногайцев, проживавших в кумыкских владениях, мы находим следующее: «Штраф на того, кто не выходил на тревогу (кугын) и уклонялся от казенной службы...– деньгами в размере трех рублей»².

В адатах ногайцев нашло отражение и такое деяние - неоказание помощи соплеменнику. В «Кануне» четко оговорено, что помощь соплеменникам должна оказываться обязательно и безвозмездно. Согласно «Кануну» все касаевцы *обязаны* (курсив наш. – М.Г.) были поддерживать друг друга» (статья 13)³. «Полезному делу дается помощь, чтобы его закончить» - гласит статья 11. «Плохое дело (вредное) прекращается» (статья 12)⁴. В статье 10 мы находим следующее: «Враг одного касаевца является врагом всех касаевцев и наоборот»⁵. То же самое, но в более жесткой форме наблюдалось и у монголов. «И на охоте, и в дни спокойствия и безопасности оно (монгольское войско. – М.Г.) – как овцы, что приносят молоко, шерсть и многие выгоды; но и в пору трудностей и несчастий оно не ведает расхождений и противоречий. Каждый человек действует слаженно (с другими), независимо от богатства или покровительства»⁶.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века у ногайцев сложилась вполне четкая система управления и судопроизводства, которая решала все насущные проблемы общества.

---

¹Там же.

²Оразаев Г. М.-Р. Указ. соч. С. 218.

³Джанибеков А.Х.-Ш. Указ. соч. Л. 43.

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни. История покровителя Вселенной /Пер. В.В. Трепавлова // Родина. 1997. № 3-4. С. 46.

ГЛАВА 2. НОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

В XIX – начале XX века на жизнь ногайцев огромное влияние оказывало общество, которое регламентировало все стороны жизнедеятельности общинников, в том числе и общественную жизнь.

Нормы общественного поведения, выработанные ногайским обществом и поддерживаемые силой общественного мнения, позволяли сохранять в коллективе относительный порядок, мир и согласие.

Система моральных ценностей у ногайцев, как и у большинства народов Дагестана и Северного Кавказа, называлась «намыс». Намыс включает в себя честь, совесть, достоинство. По определению Б.Х. Бгажнокова, намыс – это своего рода моральная цензура поведения, охватывающая такие ценности, как стыд, совесть, честь, стало быть, нарушать этикет стыдно, бессовестно, бесчестно. В таком виде намыс предстает в сознании многих тюркоязычных народов Кавказа: карачаевцев, балкарцев, ногайцев, азербайджанцев, кумыков¹.

У горцев Дагестана слово «намыс» произносится как «намус», «ламус». У большинства народов Дагестана для обозначения понятий «этикет», «мораль», «воспитанность», «учтивость» используются слова «намус» («ламус»), «адаб» («адав»), «эдеб», «тарбия»². Помимо намуса, для горцев Дагестана свойствен кодекс чести, именуемый словом «ях». Понятие ях – это система моральных установок, своеобразный этический народный кодекс соревнования в благородстве, чести, стыде и совести. Не обладающего «яхом» окружающие не считали полноценным мужчиной. Собственно «ях» – это не просто соблюдение норм обычая, нравственности и этикета, это стремление их превзойти так, чтобы при этом не выглядеть хвастуном, наглецом и не нанести никому незаслуженной обиды³.

Проявление намыса в различных ситуациях является показателем хорошего воспитания. Ногайская мудрость гласит: «*Намысы бардынъ наьсиби бар*» (У кого есть намыс, у того есть счастье) или «*Намыс оттан куышли*» (Намыс сильнее огня), «*Атты камышы оьлтирер, эрди намыс оьлтирер*» (Кнут убьет лошадь, а намыс – мужчине). Похожие выражения существуют и у других тюркоязычных народов Дагестана, в частности у кумыков. Они говорят: «*Намусунгну*

---

¹Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 62.

²Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). Махачкала, 2006. С. 60.

³Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России (XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 122.

яшлайын сакъла, опурагъынгны – янгылайын» (Береги честь с молодую, а платье – с нову), *«Намуссуз яшагъынча, намуслу оьлген яхшы»* (Чем жить без чести, лучше умереть с честью). Подобные высказывания встречаются и у других народов Дагестана и Северного Кавказа, что подтверждает существование общей для всех народов системы морально-этических ценностей.

Для проявления морально-этических установок требуется определенная этикетная ситуация, и как человек себя проявит в той или иной ситуации, во многом зависит от его воспитания и «иерархии ценностей, культивируемых или поддерживаемых в обществе»¹. Человека, нарушившего своим поступком морально-этические установки, правила поведения, этикет, общество осуждало. У ногайцев такого человека называли *«намыссыз»*, т.е. не имеющий намыса. Так же отзываются о человеке, потерявшем намыс, и у кумыков (*«намуссуз»*), дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев (*«намыссыз»*).

С образом настоящего ногайца связывают такие качества, как человечность, вежливость, скромность, благопристойность. Они в основном проявляются в повседневной жизни, но проявление их в критические минуты характеризует человека как высоконравственную личность.

Человечность – система позитивных, объединяющих чувств и реакций. Во всем мире она ассоциируется с любовью, состраданием, пониманием. Но, пожалуй, прежде всего – с любовью, как наиболее полным и точным выражением полноценной внутренней связи между людьми². У ногайцев человечность обозначается словом *«аьдемшилик»*, т.е. любовь к человеку, готовность взять на себя все его тяготы, если нужно, пожертвовать своими интересами ради другого. Во многих тюркских языках в слове человечность корень *«адам»* (человек). Так, например, у карачаевцев под человечностью *«адамлыкъ»* (курсив наш. – М.Г.) понимают чуткость, доброту, заботу о ближнем, уважение чести и достоинства другого, способность в ущерб своим интересам защищать чужие. Доминирующим в понятии *«адамлыкъ»* у карачаевцев является не возможность оказания помощи, а желание ее принять³. В таком виде понятие человечность существует у большинства тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа.

---

¹Байбурун А.К. Об этнографическом изучении этикета //Этикет у народов Передней Азии: Сб. статей. М., 1988. С. 23.

²Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С. 10.

³Байрамукова А.Т. Намыс, адет, адеб // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002-2003гг.: Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 67.

В ногайском языке есть слово, обозначающее ради другого - «*уьшин*», употребляется оно чаще всего в словосочетании «*сен уьшин*» (ради тебя). Это слово имеется и у других тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, например, у кумыков оно звучит как «*учун*», у дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекменцев «*отари*», «*учун*». Кумыки говорят: «*Сен учун*» (Ради тебя), «*Сен саялы*» (Из-за тебя, ради тебя), дагестанские азербайджанцы и дагестанские терекменцы – «*Сеннен отари*», «*Сян учун*» (Ради тебя). От последних нередко можно услышать: «*Сеннден утру джаннымы верем*» (Ради тебя готов сердце свое отдать), «*Сене гурбан улым мен*» (Ради тебя я готов пожертвовать собой), «*Сене гезлярува мен хейран*» (Ради тебя готов пожертвовать своим зрением) и т.д.

Проявление человечности было весьма одобряемо обществом. За человечность принималось любое действие, направленное на благо человека. Человечным считалось приютить у себя на время погорельцев, помочь малоимущим, обездоленным, сиротам и т.п. По представлениям ногайцев, человечность – это то, что находится внутри человека, она рождается вместе с ним, ее невозможно приобрести, если она не заложена в человеке природой. Вместе с тем такая помощь оказывалась весьма тактично, деликатно, так, чтобы не задеть достоинства и самолюбия человека, получившего эту помощь. Человек, оказавший помощь нуждающемуся, не афишировал свой поступок, а вел себя достаточно скромно, не ожидая благодарности в ответ, не напоминая человеку или его родственникам об оказанной услуге, не попрекая и не сожалея о сделанном.

Другим лучшим человеческим качеством у ногайцев считалась скромность. Скромные люди пользовались уважением в обществе, они никогда не говорили о собственных достоинствах, о своих подвигах в сражениях или благородном поступке, проявленном по отношению к другому. Вообще привлекать внимание окружающих к своей персоне считалось крайне неприличным.

Грубым нарушением правил приличия у ногайцев считалось хвалить своих детей, жену, близких. Неприличным считалось выслушивать родителями хвалебные речи в адрес домочадцев и родственников. В таких случаях родители тактично прерывали разговор, объясняя это так: «Эти юнцы еще ничего не достигли в этой жизни». Но вместе с тем, согласно этическим нормам, запрещалось хулить своих близких, домашних. Ногайская пословица гласит: «*Уьйин яманлаган кырда оьлер, асын яманлаган – аш оьлер*» (Кто хулит домочадцев, тот умрет на улице, кто хулит еду – умрет голодным).

Высоко у ногайцев ценились щедрость и великодушие. Эти качества считаются одними из лучших в ряду человеческих достоинств. Наивысшее свое воплощение эти качества находят в обычае гостеприимства, которым ногайцы, как и другие народы Кавказа, славились во все времена. Гостеприимство ногайцев широко известно и описано многими исследователями. Ногайцы говорят: «Гость – от Аллаха». Хорошо принять гостя – святой долг хозяина. В отношении гостя хозяин проявляет свою щедрость настолько, насколько это возможно.

Крайне резко ногайцы осуждали скупость. Ее порицали и высмеивали. Так, в разговоре с молодежью старики приводили одну поучительную притчу. «Жила в ауле женщина, прославившаяся в народе своей скупостью. С женщиной жил ее женатый сын с семьей. Невестка этой женщины обладала даром видеть то, чего не видели другие. Вскоре женщина умерла. Когда покойницу выносили из дома, то впереди нее катилось сито, которое она однажды одолжила соседке. В народе бытует поверье, что перед выносом покойника из дома впереди него идут совершенные им при жизни добрые дела. Сноха увидела сито и, не сдержавшись, рассмеялась. Это заметил ее муж, сын покойницы, и после похорон упрекнул жену в бездушии. Тогда женщина вынуждена была объяснить мужу причину своего смеха.

В судный день в ином мире покойница призналась во всех своих грехах и раскаялась. Тогда Аллах решил испытать женщину и вернул ее на землю. Очутившись среди живых, она позабыла обо всем, что с нею произошло, и продолжала жить по-прежнему. Тогда Аллах, разгневался и вновь забрал женщину в иной мир, где она понесла наказание за свою скупость».

Осуждалась скупость и у других тюркоязычных народов Дагестана. Так, например, дагестанские азербайджанцы говорят: «*Кыс-кыстен бир ерине ун чихар*» (Скупой вместо одного десять потеряет), дагестанские терекеменцы – «*Берктян эки чихар, бошдан – бир чихар*» (У жадного два раза выйдет, у щедрого – один раз).

О человеческих пороках ногайцы говорят так: «*Канн ман кирген, ян ман шыгар*» (С кровью вошло – с душой выйдет). По этому поводу мы приведем притчу, рассказанную нам информаторами. «В давние времена один богатый ногаец женился на очень красивой цыганке. Жили они в полном достатке, несмотря на это, женщина не могла побороть в себе привычку просить подаяние. Время от времени в тайне от всех она устраивала для себя сборы милостыни, разложив между деревянными складными решетками юрты куски хлеба. Так она ходи-

ла по юрте с протянутой рукой и просила: «Подайте на пропитание». Собранный хлеб она аккуратно складывала в мешочек. Однажды муж неожиданно вошел в юрту и увидел, как его жена просит милостыню. Тогда он с недоумением спросил: «Чего же тебе не хватает?». Женщина не смогла ответить на этот вопрос, ведь то, что передалось ей с кровью, было сильнее нее. С тех пор ногайцы говорят: «*Канн ман кирген, ян ман шыгар*» (С кровью вошло – с душой выйдет)».

В условиях кочевой жизни высоко ценились такие качества, как терпение и выносливость. В исламе терпение – одно из восхваляемых качеств. Идея о долготерпении как достойной черте характера и моральных качеств человека нашла свое отражение и в ряде ногайских пословиц и поговорок. Так, ногайцы говорят: «*Сабыр эткен мырадына эткен*» (Проявивший терпение достиг желаемого), «*Сабыр тубби сары алтын*» (У терпения золотое дно). Терпение считалось одним из восхваляемых качеств и у других тюркоязычных народов Дагестана. Так, у кумыков говорили: «*Сабур тубю сары алтын*» (У терпения золотое дно), у дагестанских азербайджанцев – «*Бир сабурун мин хыйрын бар*» (От одного терпения много пользы бывает), у дагестанских терекеменцев – «*Сабур эткет суемер, алгасан – тегерер*» (Терпеливый обрадуется, торопливый – расплатится).

Почитались у ногайцев и такие человеческие качества, как честность и искренность. Так, у ногайцев существуют такие высказывания: «*Ялганнан ашшы зат йок*» (Нет ничего горше лжи), «*Ялган соьз ян юбантпас*» (Лживые слова душу не радуют). Подобные выражения бытуют и у дагестанских азербайджанцев, в частности они говорят: «*Ялан калхар узаг гетмес*» (Обман быстро раскрывается), «*Яланын ахыры олмас*» (У лжи конец плохим бывает).

Отрицательно отношение к лгунам отразилось и в ногайской поговорке: «*Ялганшыдынъ тилин сувыр, сувырмасанъ, елкесиннен алып ерге ур*» (Лгуну язык вырви, если не получится, то схвати за шиворот и ударь о землю).

Ногайцами осуждались болтливость, легкомыслие как черты характера, умаляющие ценность личности. Существует большое количество пословиц на эту тему: «*Биз теспегенди тил тесер*» (То, что шило не пробило, язык пробьет), «*Ой тубьсиз, тил суьбексиз*» (Думы – без дна, язык – без костей), «*Тил тас ярар, тас ярмаса, бас ярар*» (Язык камень разобьет, если камень не разобьет, то голову разобьет), «*Койда-юн, соьзде-ой*» (У овцы – шерсть, у слов – раздумья).

Негативно относились ногайцы и к злословию. В народе говорят: «*Тилишинъ тили мойнына оратылар*» (Язык погубит сплетника).

Сплетников в обществе не уважали, сказанное ими не воспринималось всерьез, при каждом удобном случае их высмеивали, давали им обидные прозвища, такие как «*алтауз*» (букв. шесть ртов), «*тилли*» (языкастый), «*тил бызав*» (телячий язык). Если сплетни затрагивали женскую честь, то их распространителя могли и убить. Негативно к злословию относятся и другие дагестанцы, например, дагестанские азербайджанцы говорят: «*Чибин бир шейдегюль юрек буланар*» (Муха не страшна, но когда она попадает в пищу, от нее тошнит). Подобные высказывания существуют и у дагестанских терекеменцев - «*Дили башина балах гетерир*» (Язык доведет до несчастья), кумыков - «*Тил булан сюрюнген турмас, аякъ булан сюрюнген тез турар*» (Оклеветанный сплетником не встанет, сам споткнувшийся быстрее поднимется).

Осуждалась у ногайцев и зависть. Старики говорят, что зависть, как червь, съедает человека изнутри, она толкает человека на неблагоприятные поступки и даже на преступления. Для иллюстрации данного тезиса приведем одну притчу, рассказанную нам информаторами. «Некто рассказал другу о том, что видел во сне. Смысл сна разгадать им не удалось, и тогда они решили обратиться к «сыншы» (предсказателю снов). Выслушав сон, «сыншы» сказал, что сон хороший и сулит удачу, богатство и счастливую жизнь тому, кто его видел. Услышав это, друг от зависти тут же придумал сон, который якобы видел ночью. Как будто идет он по широкой дороге и на голове несет поднос с фруктами, птицы подлетают к нему и уносят фрукты. Выслушав его, «сыншы» сказал: «Сон сулит, что умрешь ты в дороге и тело твое склюют птицы». От этих слов друг словно оторопел, придя в себя, он признался, что все выдумал. Но слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Прошло немного времени, и сказанное сбылось».

Важнейшее место в народном этическом кодексе ногайцев занимают такие качества, как милосердие, великодушие, способность прощать. Особенно высокие требования общество предъявляло к моральному облику женщины, добропорядочное поведение которой было основой для уважительного к ней отношения.

По представлениям ногайцев, женщина должна быть целомудренной, порядочной, честной, скромной, кроткой, терпеливой, уважающей традиции и обычаи своего народа, а ее поведение соответствовать всем нормам и требованиям шариата и общества.

Поведение женщины служило примером для детей, особенно для девочек. Хорошая мать являлась гарантом счастливой семейной жизни дочери. Только примерная женщина может воспитать достойную

дочь, обладающую всеми необходимыми качествами для семейной жизни, - говорят ногайцы. Для этого мать сама должна быть благоразумной женщиной, хорошей хозяйкой, верным другом и опорой своему мужу, умеющей создавать благоприятный климат в семье. Ногайцы говорят: *«Анасын коьр де кызын ал, аягын коьр де асын иш»* (На мать посмотрев – дочь возьми (замуж), на чашку посмотри – еду ешь). Аналогичные выражения существовали и у других тюркоязычных народов Дагестана. Так, например, у дагестанских азербайджанцев говорят: *«Анасы дейени алма, гоншу дейени гойма»* (Хваленную мать не бери, хваленную соседями – не оставляй), у дагестанских терекменцев – *«Анасына бах гызын ал, кьырагьына безин ал»* (Берешь дочь, смотри, какова мать, берешь бязь, смотри, какая кайма), у кумыков – *«Къатын алсанг, къарап ал, хоншусуна сорап ал»* (Если женишься, то не женись вслепую, расспроси соседей)¹.

Невесту старались брать из хорошей, уважаемой семьи. Считали, что, выйдя замуж, девушка будет следовать традициям своей семьи. Недаром говорят: *«Уясында не коьрсе, ушканда соны этер»* (Что в гнезде увидит, то и в полете совершит).

Многое в семье зависело от женщины: здоровый психологический климат, порядок, воспитание детей. Ногайская мудрость гласит: *«Хатын – уьйдинь шырагы»* (Жена – светоч дома). Подобные высказывания существовали и у других тюркоязычных народов Дагестана. Так, у кумыков говорят: *«Эренлени баш насиби къатындыр»* (Основа счастья мужчины – жена), *«Къатынлар уьйню аркъа таяву»* (Жены – опоры дома), *«Къатыны оьлмеген адам къайгьы билмес»* (У кого не умерла жена, тот горя не познал), у дагестанских азербайджанцев – *«Йахшы гадынын кишиси бейе охшайыр, йаманын – палчыга басылыр»* (Муж у хорошей жены – будто князь, у плохой жены – втоптан в грязь).

Одной из важнейших норм нравственности считалось проявление уважения к старшим. Почитание старших – обычай, берущий свое начало с глубокой древности, он является в какой-то мере рудиментом первобытной геронтократии – стариковластия².

Уважение к старшим воспитывалось в детях с ранних лет, им внушалось, что, почитая старших, следуя их советам, можно достичь успехов в жизни и тем самым завоевать авторитет в обществе, так как

---

¹ Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана. (XIX - начало XX века). Махачкала, 2014. С. 289.

²Золотарев А.М. Общественные отношения дородовой коммуны. «Первобытное общество». М., 1932. С. 42.

старики – живая память коллектива; они – воплощение мудрости, носители культурных и социальных ценностей, хранители традиций предков¹.

В ногайском обществе, как и у других народов Кавказа, пожилые люди пользовались особым уважением и почетом, независимо от статуса и пола. Со стариками советовались, к их мнению прислушивались, их слово было решающим. О необходимости старших в обществе гласит одна ногайская притча, которую старики часто рассказывают молодым в назидание: «Очень давно, что даже сами ногайцы забыли, когда это было, один хан приказал истребить всех стариков в своем ханстве, послушавшихся же ожидала смертная казнь. Несмотря на столь грозное предупреждение, один молодой человек спрятал своего деда. Проходит время, и хан объявляет, что даст полханства и коня в придачу тому, кто сможет в течение трех дней найти начало и конец у прутика, который имел одинаковые концы. Задумались тогда мужчины, как найти начало у прутика? Долго они думали, но так и не нашли правильного ответа, а спросить совета было не у кого. Тогда решил молодой человек обратиться к своему деду, которого прятал от всех. Старик посоветовал внуку поместить прутик в воду, какой конец прутика начнет тонуть, тот и будет его началом. Выслушав совет, молодой человек в назначенный день отправился к хану.

Во дворе у хана собралось много мужчин, желающих заполучить полханства и коня, но никто не мог доказать хану, что один из концов прутика является его началом. Тогда молодой человек, отважившись, вышел из толпы и обратился к хану: «Я смогу показать начало у прутика!». Хан с удивлением посмотрел на молодого человека и стал внимательно следить за тем, что он делает. Когда поместил прутик в воду, один из концов стал тонуть. Молодой человек стал объяснять хану и всем присутствующим, что тонущий конец прутика и есть его начало, так как его всегда тянет вниз, к земле. «Как ты догадался?» - спросил изумленный хан у молодого человека. Молодой человек рассказал хану историю с дедом. Хан, потрясенный этим поступком, в знак благодарности за проявленную человечность приказал не казнить молодого человека, а даровать ему и его деду жизнь и в придачу обещанные полханства и коня. Поняли тогда люди свою ошибку и с тех пор берегут и почитают своих стариков». Подобные притчи существовали и у других тюркоязычных народов Дагестана. Так, например, у кумыков широко бытует следующая притча: «В давние време-

---

¹Грюнберг А.Л., Рахимов Р.Р. Этикет у народов Афганистана // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 194.

на один бий приказал истребить всех стариков в своем владении, а тех, кто ослушается, ожидала смертная казнь. Несмотря на столь грозное предупреждение, один молодой человек спрятал своего отца и тайком навещал его.

Прошло время, и жители этого владения решили засеять поля пшеницей. Узнав об этом, отец уговорил сына не идти наповоду у людей и посадить вместо пшеницы хлопок. Сын так и поступил и получил хороший урожай, а посеявшие пшеницу ничего не собрали.

На следующий год сельчане решили посадить хлопок, а отец посоветовал сыну посеять пшеницу. Сын послушался отца и получил отменный урожай, а посадившие хлопок снова остались ни с чем.

Люди стали расспрашивать его, откуда он знает, когда и что надо сеять. Молодому человеку ничего не оставалось, как признаться людям, что его советчиком является отец. Поняли тогда они свою ошибку, что напрасно послушали бия, и с тех пор стали беречь и почитать старших».

В ногайском языке старший обозначается словом «*уьйкен*». Подобные номинации для взрослых людей существуют в кумыкском («*улли адам*»), в азербайджанском и терекеменском («*бёюк адам*») языках.

Старших почитали как в семье, так и в обществе. Вот лишь некоторые этические императивы, предписываемые младшим по отношению к старшим: не вмешиваться в разговор старших, не шуметь в их присутствии, не перебивать старшего, не поучать его, вставать, если в комнату вошли старшие, везде и всегда уступать им дорогу, поручения старших выполнять незамедлительно.

Согласно традиционному ногайскому этикету младший всегда уступал дорогу старшему. Младший никогда не здоровался со старшим, сидя верхом на коне. Если младший, будучи верхом на коне, повстречает старшего, то он спешивался и первым здоровался, протягивая для приветствия обе руки, интересовался, не нужна ли помощь, и не садился на коня до тех пор, пока старший не удалится от него на приличное расстояние. Если старший спросит, как пройти куда-то, то младший, согласно ногайскому этикету, должен проводить старшего туда, куда ему надо, а не объяснять, где это находится. По правилам этикета не принято также окликать старшего, звать его к себе, чтобы что-то ему сообщить. Если младшему необходимо было о чем-то предупредить старшего, то он должен подойти к нему, поздороваться, расспросить о здоровье и лишь потом передать информацию.

Замечание молодым людям мог сделать любой взрослый человек. Молодой человек молча выслушивал замечание, обязательно стоя, слегка опустив голову, принимал его к сведению и просил прощения за свой поступок. Непослушание, пререкание, развязное поведение молодого человека в присутствии старших было недопустимым и считалось признаком плохого воспитания. В таких случаях обвиняли не самого нарушителя правил поведения, а его родителей. Старики в таких случаях говорят: «*Налет болсын сага, тербия берген ата – анага*» (Да будут прокляты родители, воспитавшие тебя). Подобные высказывания были крайне редким явлением, так как неуважительное отношение к старшим практически не допускалось.

Старшему всегда отводилось самое почетное место в доме, за столом, на годекане, в мечети. В помещении младшие не имели права садиться раньше старших. Если в дом входил старший, то все присутствующие обязаны были стоя его приветствовать, и не садится до тех пор, пока он не сядет. Также считалось невежливым поворачиваться спиной к старшим. Почитание ногайцами старших отмечал и Д. Шлаттер. Он писал: «Молодые уступают старшему дорогу. Если едут на лошадях, старшего берут в середину. Обычно старший начинает разговор первым. Младшие не перебивают старших и в спор не вступают, а если возражают, то в лаконичной форме. Считается за честь обслужить старшего»¹. Подобное отношение к старшим характерно для всех народов Кавказа. Так, например, у дагестанских азербайджанцев говорят: «*Годжалара хёрмет эт, сенде годжалажасан*» (Уважай старших, состаришься, и тебя уважать будут), у дагестанских терекменцев – «*Ястык атарсан, узув отурарсан*» (Подушку предложишь, сам потом на нее сядешь), у кумыков – «*Сув гиччиники, сый уллуники*» (Вода для младших, уважение для старших), здесь прослеживается одна из норм этикета, по которому утолить жажду вначале предлагают младшим, а затем старшим.

У других народов Дагестана «этикет требует от молодых первыми здороваться со старшими, не утомлять их лишними вопросами, не садиться раньше, чем займут место старшие. Нужно пропускать в дом первыми старших. Младший должен открыть дверь и придерживать ее, пока в дом войдут старшие или гости. Перед старшими не принято держать руки в карманах, стоять полусогнутым. Не принято сидеть развалившись, чесать затылок, нос, ухо, курить, жевать, пить спирт-

---

¹Цит. по: Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 160-161.

ное, подпирать щеку или лоб рукой»¹. Дагестанские пословицы гласят: «Коль старика с тобою рядом нет, ты хоть со старым пнем держи совет», «Поступай по совету старшего, даже если он старше тебя только на год», «*Почитайте старших – Вас станут почитать младшие*»².

Одно из первых мест в шкале морально-этических ценностей ногайцев занимают уважение к старшим, почитание родителей, гостеприимство, к ним же примыкает и комплекс человеческих качеств, называемый в народе «ногай намыс», который включает в себя такие понятия, как честь, совесть, порядочность, целомудрие, человечность, любовь к ближнему и т.д. Насколько человек овладел ими, видно по его поступкам и поведению. Человека, который свято чтит традиции предков и соблюдает «ногай намыс», в народе именуют «ногай йигит» (ногайский джигит).

Таким образом, морально-этические ценности задавали образцы и стандарты поведения и оказывали влияние на выбор между возможными поведенческими альтернативами в семье, обществе, помогали в установлении дружеских отношений с другими народами Дагестана и Северного Кавказа.

Определенные нормы поведения соблюдались членами общества не только в ответственные для коллектива дни, но и в повседневной жизни. В понятие повседневная жизнь входят «правила, регулирующие процесс общения людей, т.е. приветствия и прощания при встрече, манера вести беседу, обороты речи, жестикация и т.п.»³. У ногайцев существуют различные формы приветствий. Для мужчин общепринятой формой приветствия, как и для всех мусульман, было обращение «*Ассаламу алейкум!*» (Мир вам!), в ответ говорили: «*Алейкум ассалам!*» (И вам мир!). У женщин же приветствие зависело от времени суток. Повстречавшиеся утром женщины приветствовали друг друга словами: «*Танъ яхшы болсын!*» (Доброго вам утра!), «*Сизге де яхшы болсын!*» (И для вас пусть будет добрым). В обед приветствие было таким: «*Куън яхшы болсын!*» (Доброго вам дня!), вечером – «*Кеш яхшы болсын!*» (Доброго вам вечера!). Этими словами для приветствия пользуются и другие тюркоязычные народы Дагестана и Се-

---

¹Хиясова С.Г. Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения. Сборник научных статей. Махачкала, 2006. С. 278.

²Там же. С. 267, 279.

³Никишенков А.А. Указ. соч. С. 95.

верного Кавказа¹. Так, например, кумычки, повстречавшись утром, приветствовали друг друга словами: «*Танг яхшы болсун!*», дагестанские азербайджанки - «*Сабахув хыйр!*», дагестанские терекемени - «*Сабаус хыйр!*», карачаевки - «*Эртен ашхы болсун*» (Доброе утро!); в обед – «*Гюн яхшы болсун!*» (кум.), «*Гюнъартов хыйр!*» (азерб., терек.), «*Кюн ашхы болсун*» (карач.) (Доброго вам дня!), вечером – «*Гечегиз яхшы болсун!*» (кум.), «*Ахшамув хыйр!*», «*Ахшам хыйр!*», «*Геджёв яхшы олсун*» (азерб., терек.), «*Ингир ашхы болсун*», «*Кече ашхы болсун*» (карач.) (Доброго вам вечера! Спокойной ночи!).

У ногайских женщин во время приветствия принято было спрашивать о здоровье. Караногайки здоровались «*Яхшымысыз?!*», в ответ говорили: «*Яхшымыз!*», кубанские ногайки – «*Аьруьвсизбе?!*», кумские – «*Ийгисизбе*», терские – «*Амансызба?!*». Приветствия у всех групп ногайцев Дагестана и Северного Кавказа были синонимами слова благополучие. Таким образом, ногайцы, приветствуя, спрашивают: «*Благополучны ли вы?*».

После приветствия следовало рукопожатие. Людям почтенного возраста, родственникам, представителям духовенства и высшего сословия в знак особого почтения при рукопожатии подавали обе руки, слегка наклонив вперед голову. Первым приветствовал младший, приближаясь к старшему, он протягивал обе руки. Старший обыкновенно ждал рукопожатия, стоя на месте. Руку следовало пожимать ладонями, а не кончиками пальцев, это считается невежливым, и первый подавший руки не отнимал раньше, чем это сделает протянувший руку позже; этих правил придерживалось большинство ногайцев. При рукопожатии лицу своему следовало придавать доброжелательное выражение. По правилам рукопожатие сопровождалось произнесением краткой молитвы.

Для приветствия всегда подавали правую руку, так как для мусульман правая рука считается ритуально чистой. Правой рукой начинали любое «достойное» дело (надевали одежду, приступали к еде, касались «чистых» частей тела), левой рукой снимали одежду и обувь, совершали омовение, потому как она у мусульман считается «нечистой». Этим правилам мусульман учили с детства. Так, напри-

---

¹ См.: Алимова Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005. С. 139; Тамбиева Ф.А. Коммуникативные этикетные стереотипы (на материале французского, русского и карачаевского языков) // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002-2003гг.: Тезисы докладов. СПб., 2003. С.56.

мер, адыги, заметив, что ребенок становится левшой, предупреждали его несколько раз. Если словесные предупреждения оказывались малоэффективными, они били его по левой руке, когда тот вместо правой руки протягивал левую. Если и это не помогало, они ранили ножом не очень глубоко один из пальцев левой руки, завязывали его левую кисть и держали в таком виде до тех пор, пока ребенок не привыкал брать предметы и есть правой рукой. Так постепенно приучали его правую руку к более активной работе¹.

Представление о правой и левой стороне нашло отражение и в религиозных представлениях ногайцев. Ногайцы уверены, что у каждого человека на плечах сидят ангелы, которые записывают его добрые и недобрые дела, совершенные им на протяжении жизни. Ангел, сидящий на правом плече, Гакъид записывает добрые дела человека, ангел, сидящий на левом плече, Ракъиб – плохие. После смерти человека на одну чашу весов кладут его хорошие дела, на другую – плохие. Если чаша с добрыми делами перевесит, то человек попадет в рай, если же перевесит другая чаша – в ад. Подобные представления бытуют у адыгов², русских³ и других народов мира. Связь правой стороны со счастьем, удачей, благополучием, а левой – с несчастьем и неблагополучием нашла свое отражение как в Коране, так и в Библии⁴. У православных христиан не следовало плевать на правый бок, на правую сторону, потому что ангел-хранитель на правой стороне, полагалось плевать на левую сторону, где дьявол⁵.

Мусульманам также следовало плевать влево, где якобы обитают злые духи, при этом надо упомянуть имя Аллаха. Так, например, ногайцы говорят: «*Тьфу, тьфу, Алла сакласын, Алла эрек этсин!*» (Тьфу, тьфу, сохрани, Аллах, отведи от меня, Аллах!). Подобным образом вели себя и другие тюркоязычные народы Дагестана. Так, например, кумыки говорят: «*Тьфу, тьфу, Алла йиракъ этсин*», дагестанские азербайджанцы и дагестанские терекеменцы – «*Тьфу, тьфу, Алла сахласын*» (Тьфу, тьфу, сохрани, Аллах, отведи от меня, Аллах!).

У ногайцев первым должен приветствовать тот, кто едет верхом, младший приветствует старшего, проходящий – сидящих, пришедший – собравшихся, идущий – стоящих. Если простому ногайцу на

---

¹Мамхегова Р.А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993. С. 130-131.

²Там же. С.131.

³Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л., 1990. С.29.

⁴Резван Е.А. Этнические представления в Коране // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 49.

⁵Байбурин А.К., Топорков А.Л. Указ. соч. С.29.

его пути повстречается мурза или бий, то он первым приветствует его. А. Джанибеков пишет: «Если крестьянин встретится с князем на пути, то крестьянин должен возвратиться и проводить несколько шагов князя, иначе он будет наказан»¹.

Приветствовали обязательно стоя, сидя дозволялось ответить на приветствие человеку почтенного возраста, духовному лицу. Этим правилам следуют многие народы Кавказа. Стоя приветствуют друг друга и женщины.

Рукопожатие среди ногаек было обязательным актом приветствия. Девочкам вменялось при встрече со взрослой женщиной подойти, поздороваться, взять за руку, поцеловать ее и приложить ко лбу. Так поступали все женщины во время приветствия, когда встречали женщину старше себя. Подобное приветствие между мужчиной и женщиной считалось недопустимым.

Рукопожатие между мужчиной и женщиной допускалось лишь в том случае, когда брак между ними был невозможен (родные брат и сестра, дочь и отец, мать и сын, тетя и племянник, отчим и падчерица, мачеха и пасынок, свекор и невестка, приемная дочь и т.д.). В остальных же случаях рукопожатие между мужчиной и женщиной не допускалось. При встрече с дальними родственниками, родственниками мужа, соседями, односельчанами женщина свое приветствие выражала кивком головы, при этом смотреть в глаза мужчине считалось дурным тоном. Все эти ограничения для женщин, связанные с приветствием, были взяты из Корана. В нем говорится, что любое прикосновение мужчины к женщине, кроме жены, дочери, матери, бабушки, тети, ведет к нарушению омовения для совершения намаза (молитвы) и наоборот.

Приветствие с рукопожатием требовало соблюдения определенных норм. Нельзя было держать левую руку в кармане, курить, стоять, расслабившись, смотреть в сторону, сидеть.

Если это был сход джамаата, то ограничивались общим приветствием всех собравшихся поднятием правой руки. Если же пришедший на общее собрание все же кого-либо приветствовал рукопожатием, то правила этикета требовали от него, чтобы он пожал руку и всем остальным присутствующим.

Существовали особые правила при рукопожатии с людьми высшего сословия, духовенством, уважаемыми людьми, паломниками, высокими гостями. После рукопожатия человеку, пользующемуся ав-

---

¹Джанибеков А.Х.-Ш. Указ. соч. Л. 44.

торитетом в обществе, совершившему хадж, знаменитому эфенди, почетному гостю, мурзе, бию в знак глубокого уважения целовали руку и трижды прикладывали ко лбу.

У терских ногайцев после обмена рукопожатием как женщины, так и мужчины обязательно обменивались легкими поцелуями. Этот обычай они переняли у соседей чеченцев, в чьих приветствиях объятия являются обязательным актом. Другие же группы ногайцев Дагестана и Северного Кавказа во время приветствия ограничиваются рукопожатием.

По исламу приветствие – это не только долг вежливости, но и строгая обязанность. «Если двое мусульман встречаются, они обязаны приветствовать друг друга, не придавая значения тому, в дружественных или враждебных отношениях они находятся, потому что приветствие установлено пророком»¹.

Приветствовать друг друга должны не только люди, доброжелательно настроенные друг к другу, но и те, кто накануне поссорился. При встрече они могут не пожимать друг другу руки, но поздороваться обязаны.

Обмениваться рукопожатием запрещалось с трапезничающим, с выполняющим тяжелую работу, связанную с определенным риском для здоровья (с кузнецом, коневодом, пытающимся обуздать коня и т.д.). Не приветствовали спящего, читающего проповедь в мечети мурэдзина, во время призыва к молитве, совершающего намаз (молитву), читающего Коран.

Если повстречавшиеся знали друг друга хорошо или находились в родстве, то приветствия переходили в расспросы о делах, здоровье и т.п., которые были своего рода знаками внимания.

Приведем отрывок из повести «Аш хаду» Ф.О. Капельгородского, который в начале XX века жил среди ногайцев:

«– Салям алейкум, аджи! (аджи – человек, совершивший паломничество к святым для мусульман местам).

– Алейкум салям!

– Здоровы ли твои скакуны? Плодятся ли коровы?

– Слава богу!

– Целы ли твои овечки? Не причинил ли кто вреда твоим козам?

– Благодарение Милосердному, все благополучно.

– Доволен ли ты своей семьей?»².

---

¹Мухаммад Садык-и Кашакари. Адаб-уль-Сали-хан / Пер. Н.Лыкошина. Ташкент, 1895. С. 25.

²Капельгородский Ф.О. Аш хаду. Краснодар, 1984. С. 12.

У караногайцев по правилам этикета при встрече давних знакомых, родственников первым делом было принято спрашивать о состоянии скота, так как скотоводство было одной из основных отраслей хозяйства, от которой зависело благополучие семьи. У кубанских же ногайцев при встрече больше интересовались урожаем, состоянием пахотных земель, как это было принято у их соседей карачаевцев, балкарцев, абазин, кабардинцев. У ногайцев не принято было спрашивать о жене, дочерях, интересоваться их здоровьем, делами. Подобные приветствия, переходящие в расспросы, существовали и у других тюркоязычных народов. Так, например, у кумыков при встрече больше расспрашивали о здоровье, хозяйстве, видах на будущий урожай, о делах вообще. Приятели при встрече могли спросить: «*Чархын нечикдир?*» (букв. Как тело?), отвечали: «*Яхшы, яман тугуль!*» (Хорошо, неплохо) или же: «*Магъулман!*» (Нормально!). У дагестанских азербайджанцев при встрече спрашивали: «*Не джасус? Терлеесен?*» (Как дела? Потеешь?), если собеседник отвечал: «*Терлеймен*» (Потею), значит его дела не плохи, если же отвечал: «*Терлейменден*» (Не потею), значит он болен и хозяйством заниматься больше не в состоянии.

instituteofhistory.ru

У дагестанских терекеменцев при встрече больше интересовались урожаем, состоянием пахотных земель¹.

В речевом этикете женщин после приветствия используются как краткие, так и расширенные формулы расспроса о делах, здоровье и т.д. Например, на вопрос: «*Яхшы турасынъма?*» (Как поживаешь?), «*Балаларынъ нешик?*» (Как твои дети?) – отвечали: «*Аьруьв, Аллага шуькир!*» (Хорошо, хвала Аллаху!). Или же на вопрос: «*Яхшы турасынъма?*» (Хорошо ли живешь?), «*Келин, кедде аьруьвме?*» (Как сын с невесткой?), «*Картынъ яхшыма?*» (Как поживает твой старик?), «*Мал, ян нешик?*» (Как скот, живность?), «*Авылдастар аьруьвме?*» (Как поживают соседи?), «*Шаркынъ аьруьвме?*» (Как твое самочувствие?) – отвечали: «*Аьруьв, Аллага шуькир!*» (Хорошо, хвала всевышнему!), «*Савлыгым да аьруьв!*» (И здоровье хорошее!), «*Балалар да аьруьв!*» (И дети в порядке!), «*Карт та аьруьв!*» (И старик в порядке!).

Если пожилая женщина повстречает девушку, то после обмена приветствиями женщина вела расспросы: «*Сен кимнинъ кызысынъ?*» (Ты чья дочь?), «*Кайсы авылдан?*» (Из какого аула?), «*Атынъ ким?*» (Как зовут тебя?), «*Кайсы авылда турасынъ?*» (В каком ауле жи-

¹Гимбатова М.Б. Указ. соч. С. 223.

вешь?), «*Эрге шыккансынъма?*» (Замужем?), «*Эринъ барма, балаларынъ барма?*» (Есть ли муж, дети?).

Во время приветствия у ногайцев было принято выражать чувство удовлетворения от встречи. У женщин при встрече с близкими родственницами, знакомыми, подругами было принято улыбаться. Для мужчин малознакомых и разного возраста в составе приветствия улыбка была недопустимой. Недопустимость улыбки во время приветствия проф. Б.Х. Бгажноков объясняет так: «...улыбка сообщает некоторую фамильярность акту приветствия, в то время как этикет предписывает совершать его с серьезным, сосредоточенным выражением лица»¹.

Но при встрече с другом, сверстником, приятелем улыбка среди мужчин все же допускалась. В составе мужского приветствия считались непозволительными и антиэтикетными различные похлопывания, постукивания, а у женщин и вовсе запретными.

Ритуал прощания был не менее значимым, нежели приветствие. Прощание у всех народов мира напоминает во многом приветственный акт. В акте прощания обнаруживается намерение одной из сторон или обеих сторон одновременно прервать контакт. Формулы прощания являются по существу конвенциональными способами освобождения от общения. Они выполняют, таким образом, сигнальную и регулирующую функцию. Прощание, кроме того – долг приличия². Прощаясь, люди, прежде всего, стремились выразить свое удовлетворение от встречи. Акт прощания насыщен всякого рода благопожеланиями, как правило, желали друг другу здоровья, всех земных благ и дальнейших встреч по радостным событиям в жизни. Так, прощаясь, люди обменивались такого рода благопожеланиями: «*Аман турынъыз! Аьр заманда, аьр вакытта Алла наьсин этсин, солай шатлык пан коьриспеге!*» (Счастливо оставаться! Дай Аллах нам встречаться только в связи с радостными событиями!) или сокращенная форма: «*Аман калынъыз!*» (Счастливо оставаться!). Если прощались ближе к вечеру, то желали друг другу доброй ночи: «*Кешенъиз яхшы болсын!*» (Доброй вам ночи!), «*Сизики де яхшы болсын!*» (И вам доброй ночи!). Приблизительно те же формулы прощания произносятся большинством тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, например, у кумыков, прощаясь, люди обменивались такого рода благопожеланиями: «*Аман къалыгъыз! Гъар заманларда Аллагъ наьсин этсин шолай шатлыкъбулан гърюшмеге!*» (Счастливо оставаться-

¹Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С. 87.

²Там же.

ся! Дай Аллах нам встречаться только в связи с радостными событиями!) или сокращенная форма: «*Аман къалыгъыз!*» (Счастливо оставаться!). Если прощались ближе к вечеру, то желали друг другу доброй ночи: «*Гечегиз яхшы болсун!*» (Доброй вам ночи!), «*Сизинки де яхшы болсун!*» (И вам доброй ночи!). Близкий друг в шутку мог сказать: «*Гечегиз яхшы болсун, яшларынг, кечел болсун!*» (Доброй ночи, пусть твои дети будут плешивыми!)¹. У карачаевцев, прощаясь, говорят: «*Ашхы кечели къалыгъыз!*» (Спокойной ночи!), в ответ: «*Биргелей*» (Всем нам спокойной ночи!)².

Во время прощания соблюдались следующие правила: младшему следовало дожидаться, пока старший первым отвернется от него, женщины в зависимости от степени знакомства и родства могли обмениваться поцелуями, мужчины же, независимо от степени знакомства и родства, обменивались рукопожатием, при этом подававший руку не должен первым ее отнимать.

У мужчин местом для ежедневных сборов и общения являлся «арка» (букв. спина). В свободное время старейшины аула собирались на «арка» для того, чтобы пообщаться, обменяться новостями, скоротать время. Место для сбора мужчин не случайно называлось «арка» (спина, опора), именно там формировалось общественное сознание, вырабатывались морально-нравственные установки, выступающие ориентирами в общественной жизни людей.

На «арка» жители аула обсуждали свои проблемы, спрашивали совета у старейшин, которые являлись так называемой их «спиной», опорой в жизни. Подобную роль у горцев Дагестана выполняли годеканы³. Так, например, у жителей селения Хрюг Ахтынского района годеканы различались даже по тематике образовательно-воспитательных бесед⁴.

Как и на сельском сходе, участие в «арка» требовало от присутствующих хотя не столь строго официального, но все же определенного стиля поведения и общения. Беседа обычно велась в непринужденной форме.

«Арка» находилось в центральной части аула, обязательно на возвышенности. Если место было ровным, то возвышенность создавали искусственно. Старейшины аула садились полукругом, к ним могли присоединиться и взрослые мужчины. Молодежь обычно стоя-

---

¹Гимбатова М.Б. Указ. соч. С. 224.

²Тамбиева Ф.А. Указ. соч. С. 56.

³См.: Исламмагомедов А.И. Указ. соч. С. 394.

⁴Хиясова С.Г. Указ. соч. С. 272.

ла поодаль. Различного рода позы также несли этикетную нагрузку. Позы для сидения были мужскими и женскими. Так, у большинства тюркских народов из-за отсутствия высокой мебели было принято сидеть на кошмах и коврах. Мужчины сидели «по-турецки», поджав обе ноги под себя. Сидеть по-другому считалось неприличным¹. Сидящие на «арка» соблюдали эти правила. У горцев же крайне неприличным, антиэтикетным считалось сидеть на стульчике, бревне, камне и проч., широко раздвинув колени. Сидеть в позе «нога на ногу» мужчина-горец мог себе позволить только в кругу ровесников-друзей, товарищей, соседей, близких родственников².

Любой присутствующий, кроме молодого, мог начать разговор. По правилам этикета говорящего не перебивали, давали возможность высказаться и лишь затем либо задавали уточняющие вопросы, либо сами продолжали начатую тему. Говорили все по очереди. Если кто-то из присутствующих хотел что-то уточнить, добавить, то вначале он просил прощения, что прерывает разговор: «*Кешир мени, сенинь совзиньди боьлгенге*» (Прости, что делю твои слова), и лишь затем вступал в разговор. Он старался говорить кратко, по существу дела, чтобы не задерживать внимание слушателей. После того, как он выскажет свое мнение, инициатива ведения разговора вновь переходила к тому, кто заводил разговор. Категорически запрещалось прерывать старшего. Подобные вмешательства в разговор допускались лишь между сверстниками, хотя в их разговор мог вмешаться и старший, от которого не требовалось предваряющих разговор извинений. Неприличным считалось задавать много вопросов. Задающего много вопросов резко прерывали: «*Не орыс соравлар?!*» (Что за русский допрос ты устроил?!). Ногайцы считают, что русским свойственно задавать много вопросов и много говорить.

Реплики, громкий смех, высокомерный тон, насмешки, подшучивания в обществе были непозволительны. Категорически запрещалось делать язвительные замечания кому-либо из присутствующих. Собравшиеся могли обсуждать новости, полученные из других регионов, особенно новости, привезенные из хаджа (рассказы о жизни, быте, обычаях и традициях других народов), вести из соседних и отдаленных сел. Им обязательно давалась оценка, иногда и отрицательная. Так, кубанские ногайцы в свое время осуждали канглинцев (ставропольских ногайцев) за то, что последние продали свои сенокосные

---

¹Никишенков А.А. Указ. соч. С. 70.

²Лугуев С.А. Традиционные нормы поведения и этикет у народов Дагестана (XIX — начало XX в.). С. 59-60.

угодья местным казакам. Продажа общинных земель у ногайцев за-
прещалась. По этому случаю кубанские ногайцы сочинили песню:

*Карамыклар озарлар
Кара тонлар тозарлар,
Ликрауна этик тоздырып,
Тавдан ыдырык излерлер.*

Сенокосные угодья закончатся,
Черные тулупы износятся,
Лаковые сапоги изорвав,
Придете в горы (к кубанским ногайцам. – М.Г.)

В поисках кожаных чарыков (разновидность кожаной обуви. –
М.Г.).

Живой интерес у собравшихся вызывали и юмористические рас-
сказы, анекдоты, смешные случаи, которые произошли с их одно-
сельчанами. При этом использовались такие выражения, как «хотите
верьте, хотите нет...», «сам этого не видел, передаю то, что слы-
шал...». Самым главным в подобном разговоре было умение не заде-
вать самолюбия и достоинства окружающих. Шутки должны были
носить безобидный характер. У ногайцев существует поговорка: «*Ой-
нап айтсанъ да, ойлап айт*» (Даже если говоришь в шутку, то сначала
подумай).

По нормам речевого общения во время беседы говорящий не
должен был употреблять неприличных выражений и слов. Запретной
считалась тематика, касающаяся негативных поступков членов семьи,
особенно женщин, кого-либо из присутствующих. Если кто-то и ка-
сался запретной темы, то один из старших прерывал разговор слова-
ми: «*Тилинъ токтаса, тыныш боларсынъ, тилинъ токтамаса,
кыйынлыкка йолыгарсынъ*» (Придержи язык – полегче будет, не при-
держишь языка – беды не оберешься). Подобные замечания человеку,
нарушившему нормы речевого общения, могли сделать и у кумыков.
Так, кумыки говорят: «*Тилингни къыс*» (Придержи язык). В более
жесткой форме замечания делали у дагестанских азербайджанцев:
«*Ахзыны тут, отур јерувде*» (Закрой рот, знай свое место) и даге-
станских терекеменцев: «*Тут ахзыны, отур ерувде*» (Закрой рот, сиди
на месте).

Коммуниканты тщательно избегали названий срамных мест и по-
ловых органов, номинаций, имеющих отношение к физическим ак-
там, интимным отношениям, половым извращениям и т.д. Не только
отдельные слова, но и вся тематика вокруг этих и им подобных поня-

тий традиционно считалась запретной¹. Если кто-нибудь из коммуникантов все же решался рассказать что-то неприличное, то вначале он извинялся: «Уят болса да, мен сизге айтайым» (Хоть и стыдно, но я все же расскажу) или же: «Ер тар болса да айтайым, айип этпе» (Хоть от сказанного и места будет мало, но я все-таки скажу, не обесчудь). Если же при этом присутствовали еще и молодые, то говорили: «Юзинъди Алла сыйласын» (Да простит меня Аллах, грешного) и лишь после этого вступления начинали свой рассказ.

Неэтичным считалось обсуждать, подсчитывать доходы, прибыль от совершенной сделки того или иного члена общества, разбираться в его семейных делах, напоминать о неудачах, промахах в жизни. Совершенно неэтичным было обсуждать достоинства или недостатки фигуры кого-либо, его молодость не по годам или, наоборот, дряхлость. Не допускались в общении мужчин разговоры, касающиеся женской работы по дому.

В разговоре мужчинам категорически запрещалось употреблять междометия, принятые у женщин. Совершенно не допускалось: говорить с усмешкой, высокомерно говорить о одном, а смотреть на других, говорить и пристально смотреть собеседнику в глаза или же разглядывать детали его одежды, говорить, скрестив руки на груди или подбоченившись. Категорически запрещалось ковыряться в зубах, чистить уши, нос, плевать, чесаться и т.д. одним словом, все, что могло не понравиться окружающим. Антиэтикетным считалось во время беседы смотреть на собеседника, оглядывая его взглядом с головы до ног.

Если двое говорили о чем-то своем и в это время к ним приближался третий, то он должен был после рукопожатия спросить разрешения присоединиться к ним. Согласно этикету они не могли ему отказать, но и не давали согласия, как правило, они отшучивались, прекращали разговор и не предлагали сесть или стать рядом - это означало, что присутствие третьего нежелательно. Если же у них не было секретов, то третьему предлагали сесть рядом или подойти поближе и присоединиться к разговору.

Как мы уже отмечали выше, речь ногайцев не изобиловала жестами и мимикой. Во время беседы не приветствовалась чрезмерная жестикуляция. Мужчины минимально использовали мимику и жесты во время общения, это было вызвано, прежде всего, военизированной

---

¹Лугуев С.А. Указ. соч. С. 53.

стью их быта в прошлом и влиянием мусульманской этики, осуждающей всякую эмоциональную активность человека.

Самыми распространенными среди мужчин являлись следующие жесты: кивок головой направо – налево, означающий отказ, кивок головой сверху вниз – согласие, рукой вперед – указание, похлопывание руками по бедрам – удивление, потрясение, движение ладонью от себя – отвергающий жест, рукой к себе – приглашение и т.д. Недопустимыми с этикетной точки зрения у ногайцев считались жесты и мимика, используемые в разговоре женщинами, и те, что могли показаться окружающим как проявление неуважения к ним. Совершенно были недопустимы антиэтикетные жесты и мимика во время бесед на религиозные темы. Жестко пресекались богохульные разговоры. Запрещалось брать под сомнение мусульманское толкование о сотворении мира, о ниспослании Аллахом Корана людям, о пришествии пророка Мухаммеда и о неизбежности наступления конца света и т.д.

Вообще спокойствие и сдержанность – национальные черты характера ногайцев. Это не раз отмечали и русские путешественники. Для них характерна спокойная, неторопливая манера общения. Еще в XIX веке Г. Малявкин, исследуя быт ногайцев, отмечал, что «общая манера говора (у ногайцев. – М.Г.) медленная, с паузами и короткими восклицаниями. Характер беседы мирный, спокойный; ни резкого движения, ни неприятного жеста вы не увидите. Старики обыкновенно в промежутках речи вставляют слова какой-нибудь молитвы. Молодежь говорит быстрее и односложнее. Тон речи веселый, пересыпанный шутками и остротами, форма выражений отрывистая»¹. Надо отметить, что спокойная, сдержанная манера общения присуща всем тюркоязычным народам Дагестана и Северного Кавказа. Можно с уверенностью сказать, что именно это и отличает их от других народов Кавказа.

Собравшиеся на «арка» говорили спокойно, сдержанно. Умение говорить очень ценилось ногайцами. Красноречием обладали немногие. Поэтому в народе высоко почитали поэтов и певцов, чьи стихи и песни передавались из уст в уста. Быть высмеянным в песне было подобно смерти. Ногайцы ценили слово, знали его силу. Об этом свидетельствуют многочисленные ногайские поговорки. Вот лишь некоторые из них: «*Совз тас ярар, тас ярмаса бас ярар*» (Слово расколет камень, если не камень, то голову), «*Айтылган совз – атылган ок*»

---

¹Малявкин Г. Караногайцы // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С.145.

(Сказанное слово – выпущенная стрела), «*Оьнер алды – кызыл тил*» (Начало искусства – красный язык).

Речевой этикет ногойцев насыщен различными стандартными формулами, используемыми в разговоре: «*Сизинь шагынъызга етсем, мен де билермен, эгер билмей айткан соьзим бар болса, кешип койынъыз*» (Когда я достигну вашего возраста, и я буду все знать, но если я сказал что-то не так, то прошу вас меня извинить), «*Сиз оьзекте уьйкенсинъиз, акыллысыз*» (Вы, конечно, старше и мудрее...), «*Меннен сиз коьп билесиз, коьп коьйлеклер тоздыргансыз...*» (Вы больше меня знаете, много рубах износили...). Обращение подобного рода произносились с почтением, с чувством собственного достоинства.

Младшие никогда не называли старших по имени. Обратиться к старшему по имени считалось верхом бескультурья. Для обращения к старшим существует специальная терминология, используемая и в наши дни. Так, обращаясь к старцу, добавляли слово «атай» (дедушка), к взрослому мужчине – «акай» (дядя), к пожилой или взрослой женщине – «авай» (тетя). Например, Йолманбет атай, Явгайтар акай, Аксекер авай, Райлет авай. Такая форма вежливого обращения младших к старшим была обязательной и строго соблюдается ногойцами до сих пор. По имени друг к другу могут обратиться лишь ровесники. Этикетная форма обращения к старшим с использованием слов «дядя», «тетя», призвана была подчеркнуть особое уважение к старшим. Подобная форма обращения к старшим существует и у других тюркоязычных народов Дагестана¹. Следует отметить, что это одна из характерных особенностей речевого этикета тюркоязычных народов Дагестана, как, впрочем, и интонация, взгляд, тембр голоса и т.п., которые продуманы так, чтобы лишний раз показать почтительное отношение к старшим.

С подчеркнутым уважением в Дагестане и на Северном Кавказе относились к людям, совершившим паломничество в Мекку. Обращаясь к ним, добавляли слово «хъаджи». У тюркоязычных народов слово «хъаджи» произносится как «аьжи». Например, Асанали аьжи, Йолманбет аьжи, Шарапдин аьжи, Явгайтар аьжи, Акманбет аьжи.

Присутствие в общественных местах требовало от людей определенной формы поведения. Так, например, категорически запрещались драки.

---

¹ См.: Гимбатова М.Б. Указ. соч. С. 230.

В силу своей занятости домашними работами женщины не располагали свободным временем для общения, как мужчины. Общение женщин в основном происходило у источников, куда они приходили за водой, у печи, где выпекали хлеб. Здесь они могли расспросить о детях, хозяйстве, перекинуться друг с другом новостями.

Речь женщин была спокойной, неторопливой, доброжелательной. Бывало и так, что женщины между делом могли и посудачить, высмеять кого-либо. Так, женщины иронично могли намекнуть на высокий рост, сказав: «Дурная трава (имели в виду сорняк) быстро растет!» или же на физические недостатки: «*Алла яратканнынъ яны эки болар буйреги, аксак пан сокырдынъ оьктем болар юреги*» (У рожденного Аллахом две почки, у хромого, слепого – сердце большое), на чью-либо бездетность: «*Юмыртка бермейтаган тавыкты азбарда сакламайды!*» (Курицу, не несущую яиц, во дворе не держат!), «*Бала таппайтаган пишеден эссе, бакылдайган эшки ийги*» (Чем содержать нерожаящую жену, лучше держать блеющую козу) или же многодетность: «*Яман карбыздынъ урлыгы коьп болар*» (У плохого арбуза семян много бывает!). Подобные высказывания и шутки в адрес кого-либо могли себе позволить и другие тюркоязычные женщины Дагестана. Так, например, кумычки могли намекнуть на большой рост, сказав: «узун сюек» (длинная кость), «субай терек» (высокое дерево), «ат агъач» (букв. конь-дерево), «тал терек» (тополь), «басгъыч» (лестница) или же на небольшой рост – «алашаместу», «кёсе», «къытту», «гобурь», «къырпюв», «хорда» (низкорослая). О низкорослых у кумыков говорили: «*Эртенден тюш болгъунча халкъ булан эрише, тюшден ашам болгъунча халыкъ булан эрише*» (С утра до обеда с людьми спорит, с обеда до вечера – с богом). Могли напомнить и о физических недостатках: «*Аллах билиб дэвэје бойнуз вермийиб*» (Не дал Аллах верблюду рог) (азерб.), «*Хаар ердан бутун олса нейлярди?*» (Если бы он был полноценным, что бы с ним было?) (терк.), «*Аллагъ сакъласын сокъурнуда, акъсакъныда юрегинден*» (Упаси Аллах от слепого и хромого), «*Белинден оьряны – барыдаюрек*» (Все, что выше пояса – сердце) (кум.).

Речь женщины изобиловала и благопожеланиями. Женские благопожелания резко отличались от мужских: мужские были краткими и соответствовали конкретной ситуации, женские – пространными, детализированными. Вот одно из характерных благопожеланий для ногайской женщины:

Алла разы болсын.

Пусть доволен будет тобою всевышний.

Ак куьн тувсын.

Пусть настанет светлый день для тебя.

<i>Аягынъ-колынъ хайыр аькелсин.</i>	Руки и ноги твои пусть добро приносят.
<i>Балаларынънан хайыр коьр.</i>	От детей только добро тебе видеть.
<i>Балаларынъ табынышлы болсын.</i>	Чтобы дети добытчиками стали.
<i>Сен ашавшы бол.</i>	Тебе пользу приносили.
<i>Оьмиринъ узак болсын.</i>	Жизнь пусть будет долгой.
<i>Оьлиминъ узак болсын.</i>	Пусть смерть будет неблизкой.
<i>Узак оьмирди Алла берсин.</i>	Пусть долгую жизнь даст Аллах.
<i>Тыныш яшавды да Алла берсин.</i>	Пусть легкой жизни даст Аллах.

Мужчины же избегали благопожеланий, относящихся к жене, сестре и дочери собеседника, связанных с прибавлением в семье¹ и т.д.

Помимо многочисленных благопожеланий, существовали и проклятья. Их в своей речи чаще употребляли женщины, нежели мужчины. Так, женщины проклинали друг друга во время ссор, в порыве гнева. Вот некоторые из них: «*Ашылмасын эсигинъ, тербетилмесин бесигинъ*» (Пусть дверь твоя не откроется, люлька не качнется), «*Аласа уьйинъ авдарылсын, коьк Алла уьйинъ тоьньтерилсин*» (Чтобы твой низкий дом опрокинулся, Аллах дом твой перевернул), «*Тагарагынъ шатласын, эки коьзинъ батласын, тутнак уьйдин ишинде кабырганъ сенинъ куртласын*» (Пусть волосы твои выпадут, глаза выплупятся, сгнить тебе в собственном доме).

Проклятья могли быть адресованы и мужчине:

*Кьрга шыксанъ атынъ оьлсин,
Уьйге келсенъ хатынынъ оьлсин.
Юргенде йолынъ болмасын,
Ясаган ясына етпе,
Тилегинъ биртте болмасын.*

На улицу выйдешь – пусть конь твой сдохнет,
В дом войдешь – пусть жена умрет.
Чтобы дороги тебе не видеть,
Чтобы не дожил ты до конца дней своих,
Чтобы мечты твои никогда не сбывались.

---

¹Лугуев С.А. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX в.). С. 49.

В речевом этикете ногайцев, как и других мусульман, большое место занимают выражения, обращения, формулы религиозного характера, что свидетельствует об огромном влиянии ислама и мусульманского духовенства на их сознание и образ жизни.

Во всех своих делах ногайцы полагались только на Аллаха. У ногайцев есть выражение: «*Аллага аманат!*» (букв. надеюсь на Аллаха, на все милость Аллаха). При каких-либо осложнениях в жизни ногайцы советуют попросить Аллаха о благополучном исходе дела: «*Аллага тилек сал, коьмек этсин!*» (Аллаха попроси, пусть тебе поможет). Потому в речи ногайцев часто упоминается Аллах. В речевом общении ногайцами употребляется выражение, содержащее магическую направленность. Эта фраза известна всем тюркоязычным народам: «*Алла буйыртса!*», что означает «Если Аллаху будет угодно!». Употребляется и фраза арабского происхождения «*Иншаллах!*», имеющая то же значение, что и «*Алла буйыртса!*». Ногайцы верят, что произнесение этой сакральной фразы обязательно принесет удачу в делах и в исполнении намеченного.

Имя Аллаха упоминалось в словах благодарности: «*Алла разы болсын!*» (Спасибо! Да благословит тебя Аллах!), «*Аллага шуькир!*» (Слава Аллаху!), в благопожеланиях: «*Хайырлы болсын!*» (Пусть пойдет впрок!), в проклятьях: «*Алла этсин!*» (Пусть накажет тебя Аллах!), «*Алладынъ наьлети болсын!*» (Аллаха проклятье тебе!), «*Алла янынъды алсын!*» (Пусть Аллах заберет твою душу!).

Говоря о плохом человеке, используют выражение: «*Алланы азабы*» (Божье наказание). Когда хотят кого-либо остановить от совершения дурного поступка, говорят: «*Алладан корк!*» (Побойся Аллаха!), «*Алла котермес!*» (Аллах не простит). В разговорной речи для выражения удивления, недоумения используют также междометия: *Валла!* или *Лайлахи!* (Ей богу!). Выражения «*Алла биледи!*» (Аллах знает!), «*Алладынъ иши!*» (Дело Аллаха!) характерны для повседневного общения ногайцев.

В речи коммуникантов часто использовались клятвы, связанные с именем Аллаха, они были следующего плана: «*Алла уьшин ант этемен*» (Клянусь Аллахом), извинения – «*Алла уьшин кештагы мени*» (Прости меня, ради Аллаха).

Ногайское общество выработало не только правила общения, но и определенные правила поведения в общественных местах. Традиционный ногайский этикет предписывал мужчине быть вежливым и учтивым по отношению ко всем женщинам, независимо от возраста, и запрещал вести себя развязно в их присутствии. Считалось непозво-

лительным заигрывать с женщиной, остановив ее на улице, шутить с ней, говорить о ней в компании мужчин, если она проходила мимо. В этикете не только ногайцев, но и других кавказских народов уважительное отношение к женщине – признак благородства мужчины, особое его достоинство¹.

Одним из проявлений этикета в отношениях между мужчиной и женщиной было соблюдение пространства. Считалось неприличным мужчине идти рядом с женщиной или в непосредственной близости от впереди идущей женщины. По правилам он должен либо выждать, пока она окажется на приличном расстоянии от него, либо обогнать ее. Так, у северных кумыков мужчина, заметив идущую навстречу молодую женщину или девушку, не состоящую с ним в родстве, заворачивал в первый попавшийся переулочек либо строил свой маршрут таким образом, чтобы между ними оставалось как можно больше пространства². Подобное поведение характерно для всех тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа.

Если мужчина и женщина состояли в родстве (сын и мать, племянник и тетка, внук и бабушка), то они могли идти рядом. В этом случае согласно этикету женщина шла с левой стороны от мужчины, так, чтобы правая рука мужчины была свободной и могла защитить от любой угрозы или нападения. Во всех остальных случаях мужчина шел впереди, женщина, как бы отставая от него, шла на 2 – 3 шага сзади – слева. Подобные же правила передвижения существовали и у других народов Дагестана. Так, у даргинцев, лакцев, части аварцев, у кумыков, у народов Южного Дагестана (кроме агулов) женщина занимала позицию «сзади – слева»; у терекменцев, дербентских азербайджанцев, тлярятинских и чародинских аварцев, арчинцев, ахвацев, каратинцев, хваршин, тиндинцев, багулалов, чамалалов и агулов – «сзади-справа»³. Этих же правил придерживались и мусульмане Средней Азии и Казахстана⁴.

Недопустимым считался и любой телесный контакт во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Традиционный ногайский этикет не допускал прикосновения мужчины к женщине: нельзя было

---

¹Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 47-49; Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни и менталитет чеченцев //ЭО. 1994. № 5. С. 33-44; Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). Махачкала, 2006. С. 131.

²Лугуев С.А. Указ. соч. С. 82.

³Там же. С. 136.

⁴Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 168.

брать ее за руку, пытаться обнять и т.д. Подобные контакты исключались даже между супругами в присутствии домочадцев и тем более посторонних. Телесные контакты (дружеские похлопывания по плечу, легкие объятия после долгого расставания) между представителями одного пола считались допустимыми с друзьями-ровесниками, подругами, близкими родственниками. Совершенно недопустимыми с этикетной точки зрения считались телесные контакты между представителями низшего и высшего сословия. Простолюдин в общении с представителем высшего сословия мог рассчитывать только на разрешение поцеловать руку. Подобные ограничения на телесный контакт во время общения существовали и у других народов Дагестана. Следует отметить, что эта общая тенденция имела и свои исключения. Прежде всего ограничения касались общения между мужчинами и женщинами. Девушки и женщины при встрече могли обмениваться поцелуями, держать руку собеседницы в своих руках, взять подругу под руку и т.д. Инициаторами обмена поцелуями выступали, как правило, старшие женщины. Прочие контакты были уместны лишь между ровесницами. Злоупотребления, связанные с телесным контактом в дагестанской женской среде, общественным мнением осуждались повсеместно. Лишь кумычки составляли некое исключение в этом ряду: в их среде полуобъятия с ровесницами, свойственницами (а также с родственниками, свойственниками), с подругами, соседками считались не только допустимыми, но и этикетно обязательными или, точнее, этикетно затребованными¹.

Для каждой культуры свойственны свои ограничения дистанции общения. Для степных ногайцев дистанция общения составляет от 75 до 90см, для кубанских ногайцев – от 90см до 1метра. Эта дистанция сокращалась и увеличивалась в зависимости от пола, возраста, статуса и степени знакомства коммуникантов. Следует отметить, что дистанция общения у степных ногайцев приблизительно такая же, как у их ближайших соседей, – северных кумыков (75 – 85см), а у кубанских, как у адыгов, – около метра. Между мужчиной и женщиной дистанция общения, независимо от вышеперечисленных условий, всегда увеличивается. Для тюркоязычных народов Дагестана дистанция общения составляет от 45 до 90 см.² Эта дистанция может сокращаться или увеличиваться в зависимости от пола, возраста, статуса и степени знакомства коммуникантов. Между мужчиной и женщиной дистанция общения, независимо от вышеперечисленных условий, всегда увели-

---

¹Лугуев С.А. Указ. соч. С. 134-135.

²Гимбатова М.Б. Указ. соч. С. 236.

чивается. Кроме того, у всех дагестанских и северокавказских народов, в том числе и у ногайцев, считалось неприличным мужчине пристально смотреть на женщину, разглядывать ее.

Определенные правила поведения в отношении мужчин соблюдались и женщинами. Всем своим поведением женщина должна была демонстрировать почтение и уважение к мужчине. Она должна была уступать мужчине дорогу, вставать, когда он входил в помещение или проходил мимо. Кроме того, согласно этикету ногайка не имела права переходить дорогу мужчине, а должна дожидаться, пока мужчина пройдет, даже если женщина была почтенных лет, а встречный – малолетний мальчик, находящийся от нее на приличном расстоянии. Аналогичное наблюдал Б. Буткевич, будучи в Ахтах, «когда старуха лет 70 вставала во время прохождения мальчугана лет 13-14»¹. Она обязана была уступить дорогу и идущей скотине, и едущей телеге. Анализируя подобный же обычай у адыгов, Б.Х. Бгажноков связывает его с представлениями о вредоносной магии, исходящей якобы от женщины. Если женщина пересекала дорогу мужчине, это считалось плохим предзнаменованием, не было сомнений, что теперь дело, с которым человек отправлялся в путь, не будет иметь успеха, что его ждет беда и даже смерть². Мы же склонны видеть в этом обычае отголоски культа мужского начала. Вообще на культуру поведения ногайской женщины огромное влияние оказали тюркоязычные народы Дагестана и Северного Кавказа.

Итак, общепринятые нормы поведения строго соблюдались в повседневной жизни. Отступление от них или же их невыполнение грозило общественным осуждением, а в некоторых случаях даже изгнанием из общины.

Соблюдение неписаных правил поведения в обществе поддерживалось общественным мнением, силу которого трудно переоценить. Общественное мнение являлось мощным рычагом воздействия на сознание и поведение людей, а также выступало в роли надзирательного органа, обеспечивающего соблюдение общественных норм поведения, этикета и нравственных установок.

Таким образом, поведение людей в традиционном ногайском обществе поддерживалось не только семейными традициями, но и общественными установками, что в целом способствовало выработке общественных норм поведения.

---

¹Буткевич Б. Запись об участии в дагестанской этнографической экспедиции // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д. 49. Д. 49.Л. 16.

²Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С. 39.

В заключение следует отметить, что нормами общественного поведения были пронизаны все институты общественного быта ногайцев, включая институты гостеприимства и куначества, взаимопомощи, а также общественные праздники.

Нормы общественного поведения в отсутствие крепкой законодательной власти и силовых структур обеспечивали порядок в обществе, помогали в установлении нормальных взаимоотношений между членами коллектива, предупреждали и не допускали возникновения конфликтов.

Повседневные нормы поведения ногайцев имеют много общего с культурой поведения и этикетом других тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа, которые, как и ногайцы, достаточно сдержанны в общении и поведении. Этот факт лишний раз подтверждает, что тюркоязычные народы в основе своей культуры имеют общие детерминанты.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА 3. ОБЫЧАИ ГОСТЕПРИИМСТВА И КУНАЧЕСТВА

Одними из самых стойких и строго соблюдаемых обычаев у ногойцев, как и у других дагестанских и северокавказских народов вообще, являются обычаи гостеприимства и куначества.

Обычай приема гостей имеет давние традиции. Развитые формы гостеприимства ориентированы на человека, прибывшего издалека, незнакомого или малознакомого¹, а наиболее простые, зачаточные формы наблюдаются при приеме хорошо знакомого гостя, возможно, соседа или родственника. У народов Севера хорошо сохранились наиболее простые формы гостеприимства. У народов Кавказа оно приобрело характер высокоразвитого правового института, а прием гостя разворачивается как многодневный детализированный ритуал². Таким образом, ногойцы, как и другие народы Кавказа, имеют довольно развитые формы гостеприимства.

Гостеприимство (*конакбайлык*) – одна из черт национального характера ногойцев. Широко он был распространен и у других тюркоязычных народов Дагестана, в частности у кумыков (*къонаклыкъ*), дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев (*гонаглыг*). Ногойцы говорят: «Гость – от Аллаха», кумыки - «С кунаком и берет (обеспеченность) приходит»³, а дагестанские азербайджанцы и дагестанские терекеменцы называли гостя «*Аллагъ верен гонаг*» (божий гость).

Хорошо принять гостя – не только обязанность, но и святой долг кочевника. Поэтому этот обычай, зародившийся в среде кочевников, укоренился в сознании всех ногойцев весьма прочно.

Обычай основан на принципе взаимопомощи и взаимовыручки. Путника, странствующего по степи, подстерегало много опасностей и неожиданностей, и без поддержки чужих людей приходилось трудно. Вот почему у ногойцев каждый путник имел право войти в первую встретившуюся кибитку и рассчитывать на гостеприимство. «Человеколюбие, приязнь и дружеское расположение оказывает своему знакомому, приятелю, другу, страннику в собственной отчизне. Приезжаете вы к нему в аул как незнакомец, он принимает вас с приветливостью, дает место, спрашивает о вашей нужде», – сообщает

---

¹Бгажноков Б.Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгейских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 179.

²Там же.

³Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала, 2005. С.260.

А. Павлов о ногайцах¹. Прием известных и неизвестных лиц осуществлялся без особой разницы, что не раз отмечали путешественники. Между мусульманами и христианами не делалось различий. Для последних единственным ограничением было не заносить в кибитку свинину (если она была куплена где-то заранее)². Определенных правил в приеме мусульманина придерживались и христиане. Так, «если дом казака посещал кумык, чеченец, кабардинец или другой человек мусульманского вероисповедания, образа закрывались пеленой. Спиртное на стол не подавалось, и гостю было дано право самому забить скотину или птицу»³.

Г. Малявкин отмечал, что «гостеприимство – основная черта их (ногайцев. – М.Г.) кочевого быта. Путешествуя по степи на далекие расстояния, караногаец никогда не берет с собой запаса пищи; он вполне уверен, что в каждой кибитке ему дадут и чаю, и чурека, а иной раз и барана зарежут. Хозяин отводит гостю лучший угол в кибитке для отдохновения, отдает ему единственную свою подушку»⁴. Кстати, у многих народов – скотоводов не брали с собой запаса провизии, отправляясь в дальний путь: они знали, что в любой юрте их накормят, а если понадобится, то и дадут лошадь или верблюда. Предложение принять деньги за ночлег и пищу воспринималось (а кое-где и сейчас воспринимается) как оскорбление⁵.

Гости делились на несколько категорий: специально приглашенные (званные гости), нежданные (незванные гости, случайный путник) и гости, которые могли прийти без приглашения (соседи, родственники, односельчане). Соответственно ситуации проходил и прием гостей.

Прием званых гостей обставлялся более пышно, торжественно. Визит незваных гостей, как правило, был непродолжительным. Хозяйка дома прилагала все усилия, чтобы принять нежданных гостей по всем правилам ногайского гостеприимства. Соседи, родственники, односельчане обычно довольствовались пиалой чая.

Все гости, независимо от статуса, возраста, пола, вероисповедания, могли рассчитывать на радушный прием хозяина. Ногайцы гово-

---

¹Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842. С. 31.

²Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Армавир, 2001. С. 104.

³Там же. С. 106.

⁴Малявкин Г. Караногайцы // ТС. Вып. 3. Кн. 2. Прилож. к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. С. 168.

⁵Байбурин А. К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. С. 115.

рят: «*Эт писирмесень, бет писир*» (Если мясо не варишь, лицо сварил, т.е. покажи свое радушие).

Ногайцы охотно принимали гостей, так они были уверены, что вместе с гостем в дом приходит благополучие. «*Конактынъ колтык туьбинде калакай бар!*» (У гостя под мышкой кусок хлеба есть!), - говорили ногайцы. Подобные выражения бытовали и у других тюркоязычных народов Дагестана. Так, например, кумыки говорили: «С кунаком и берекет (обеспеченность) приходит!»¹, дагестанские азербайджанцы и дагестанские терекеменцы: «*Гонагда багадарысхы геляр*» (Раньше гостя придет его доля еды)².

Завидев далеко в степи путника, хозяин отправлял к нему навстречу младшего сына. Подойдя поближе, встречающий обязательно первым подавал две руки для рукопожатия, пожав руку гостя, целовал и прикладывал ее ко лбу, произнося слова приветствия: «*Хош келдинъыз!*» (Добро пожаловать!). У ногайцев бытует поговорка: «*Алты ясындагы келсе, алтыс ясындагы алдына шыгар*» (Если даже шестилетний придет (в гости), шестидесятилетний встречать выходит). Вот что писал о гостеприимстве ногайцев А. Павлов: «...выбежал лет 12-ти мальчик, живой, резвый, проворный. Он взял под уздцы наших коней и, указывая на свое переездное жилище, сказал нам учтиво: «Милости просим, добрые гости! Войдите, мы рады вам!». Потом отвел он наших лошадей сажень на десять, разнуздal их, стреножил и пустил пастись»³.

Хозяин лично встречал гостей. Прием гостя – важное событие в любой семье. Достоинo принять гостя – священный долг ногайца, хозяина дома (*конакбая*). Соблюдение законов гостеприимства считалось одной из наиболее важных обязанностей человека и строго контролировалось обществом. «По отношению к гостеприимству они довольно щепетильны и презирают тех, кто не соблюдает этого патриархального обычая; упрек в негостеприимстве – одно из тяжких оскорблений для караногайцев», – писал о ногайцах Г. Малявкин⁴.

После обмена приветствиями хозяин приглашал гостей в юрту. В богатых семьях имелась специальная юрта для гостей – кунацкая (конак уй), она обставлялась лучше других. Подобные кунацкие существовали и у других тюркоязычных народов Дагестана. В частности, у северных кумыков она называлась так же, как и у ногайцев – «*къонакъ*

¹Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 260.

²Гимбатова М.Б. Указ. соч. С. 185.

³Павлов А. Указ. соч. С. 31.

⁴Малявкин Г. Указ. соч. С. 170.

уьй», которая богато обставлялась. Гостевые дома имелись и у состоятельных азербайджанцев. Проф. С.Ш. Гаджиева писала, что «богатые азербайджанцы имели специальные гостинные, которые они обставляли в пышном восточном стиле, с коврами на полу и на стенах, увешанных дорогим оружием, с парчовыми портьерами на дверях»¹. Нарядные комнаты для приема гостей существовали и в домах других народов Дагестана².

Первым в юрту входил гость, вслед за ним хозяин, а затем все остальные. Чтобы снять обувь, войти в юрту и поджать под себя ноги, надо пользоваться особым уважением хозяина³. Усаживали гостя на почетное место (тоьр) напротив входа. Если гость был моложе хозяина, то на почетном месте сидел хозяин, а гостю предлагали сесть слева от хозяина. У ногайцев есть поговорка: «Сыйлы конак тоьр баста олтырар» (Знатный гость сядет на почетное место). «Если гостей было несколько, – пишет А. Павлов, – то они размещались по летам, состоянию, известности ближе или дальше к хозяину. А тем временем кто-то из младших отправлялся к стаду, ловил барана или жеребенка, приводил к кибитке и закалывал»⁴. На приеме гостей караногайцы никогда не экономили, зачастую бедняки резали для этих целей последнего барана⁵. У ногайцев существует следующая поговорка: «Конак келсе конар, кой семизи сойылар» (Придет гость – жирного барана зарежут). Резать в честь гостя птицу было не принято так же, как и подавать на стол дичь, добытую на охоте.

В дом, который посетил приезжий, собирались родственники, соседи послушать новости, поговорить. Поэтому угощения должно было хватить на всех⁶. Тут же женщинам подавали незаметные знаки

---

¹Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1999. С. 239.

²Абельдяев Н.М. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев / К. Тифлис, 1857. № 50-51; Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1861. С. 83; Калоев Б.А. Поселения и жилища агулов // КСИЭ. М., 1955. Вып. 23. С. 39-40; Лавров Л.И. Рутульцы // Народы Дагестана. М., 1955. С. 199; Любимова Г.Н., Хан-Магомедов С.О. Табасаранская архитектура // Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956. С. 20; Гольдштейн А.Ф. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала, 1969. С. 132; Мовчан Г.Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища // КЭС. М., 1972. Вып. 5. С. 144; Агларов М.А. Поселения и жилища андийской группы народов в XIX – нач. XX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 16. С. 388; Он же. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002. С. 139; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. Махачкала, 1978. С. 168; Булатова А.Г. Указ.соч. С. 102; .

³Маляевкин Г. Указ. соч. С.169.

⁴Павлов А. Указ. соч. С. 34.

⁵Великая Н.Н. Указ. соч. С. 104.

⁶Там же.

приготовить чай. Для гостя всегда готовили свежий чай, даже в том случае, если в казане оставался запас чая от предыдущих посетителей. Для особенно почетного гостя чай готовили с верблюжьим молоком («*туье сут*»)¹, которое ценилось за высокую жирность и отличные вкусовые качества.

Пока готовили еду, хозяин и его гости вели непринужденную беседу. В этой связи нельзя не отметить информационную значимость прибывших (будь то странники, отставные солдаты, торговцы и пр.), которые рассказывали о важнейших событиях в ближайшей округе, городе, области, наконец, стране и мире².

Хозяин старался создать максимально комфортную обстановку для гостя, о чем свидетельствуют и ногайские пословицы: «*Конак келсе, эт писер, эт писесе, бет писер*» (Гость придет – мясо будет вариться, если мясо не будет вариться – то твое лицо сгорит от стыда), «*Конак кел демек бар, кет демек йок*» (Гостей приглашают, но не прогоняют). Подобное выражение бытовало и у кумыков, в частности, они говорили: «*Къонакъгъа ашынгны берме, къашынгны бер*» (Гостю еду можешь не дать, а встречай радушно).

По правилам гостеприимства, хозяин в течение трех дней не спрашивал гостя, кто он такой, куда едет и на какое время задержится, и даже по истечении трех дней гость при желании мог оставаться инкогнито. В юрте, где останавливался гость, царил порядок: в присутствии гостей не прибирались, не подметали, не суетились. В доме старались говорить спокойно, не шуметь. Эти правила распространялись не только на взрослых, но и на детей. Им запрещалось шалить и озорничать. В присутствии гостей на детей не кричали, их не наказывали, так как это могло быть воспринято как отказ в гостеприимстве. Так, у ногайцев есть такие пословицы: «*Суймесинь келсе, уй сыпыр*» (В доме подметают, когда гостей не желают), «*Конак суймеген баласын йылатар*» (Кто не любит гостей, тот при госте ребенка наказывает).

Оставлять гостя одного в юрте было не принято. Гость для ногайца – лицо святое, независимо от возраста, пола, положения. Отказать в гостеприимстве – значит уронить честь, достоинство в глазах общества. После непродолжительной беседы гостю предлагали помыть руки. «Хозяин дома берет рукомойник с теплой водой, который всегда стоит около огня, и дает мыть руки каждому из гостей. По

---

¹Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // ЖМНП. 1909. № 12. С. 199-201.

²Великая Н.Н. Указ. соч. С. 104.

окончании этой обязательной церемонии хозяйка раздаст чай в ковшах, на деревянном подносе (сыпра) вроде скамейки, раскрашенном в разные цвета, и разломанный в куски хлеб-пышку»¹.

До начала любой трапезы (основной еды) ногайцы подавали калмыцкий чай. Кстати, это правило застолья соблюдалось всеми тюркоязычными народами. У них считалось, что до еды нужно обязательно «смочить» желудок, освежить дыхание². У дагестанских азербайджанцев в шутку говорили:

Биринджи – адет,   Первый стакан – закон,
экинджи – лязят,   второй – для удовольствия,
учунджиси – гялят.   третий – лишний³.

Существовали и особые правила подачи чая гостям. Так, например, у тюркоязычных народов Дагестана чай никогда не наливали до краев, полная чаша могла означать, что гостям в доме не рады. Известны случаи, когда гости, увидев перед собой полные стаканы, вставали и молча уходили. Если гости больше не хотели пить чай, то они подавали хозяину специальные предупреждающие знаки. Так, ногайцы прикрывали пиалу ладонью, кумыки – отодвигали от себя стакан, дагестанские азербайджанцы и дагестанские терекеменцы – ставили его ребром⁴.

Вообще ритуал гостеприимства – строго регламентированный порядок с приемом человека, не входящего в данную семейную группу родственников. Его сердцевиной и средоточием является совместная трапеза. Это испытанное веками средство приобщить пришельца к дому, сделать его «своим»⁵. Процесс угощения приезжего завтраком ли, обедом или ужином был не только удовлетворением потребностей гостя, но и целой системой ритуализированных предписаний, а также ограничений и запретов, представлявших в совокупности детализированный церемониал⁶.

«Первым прикоснулся и попробовал еду старший из сидящих за столом. Если среди присутствующих гостей находится старик, то он в первую очередь получает чашку чая. Взяв в руку чашку чая, старик

---

¹Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // ЗКОИРГО. Тифлис, 1909. Кн. 26. Вып. 7. С. 11.

²Алимова Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX–начале XX в.: Общее и особенное в свете генетических истоков и этнокультурных взаимодействий. Махачкала, 2003. С. 86.

³Гимбатова М.Б. Указ. соч. С. 188

⁴Там же. С. 189.

⁵Байбурун А.К., Топорков А.Л. Указ. соч. С. 121.

⁶Лугуев С.А. Указ. соч. С. 81.

начинает его пить. Выпив половину, он передает его своему соседу, тот пьет немного и передает другому. Чашка чая старика обходит всех гостей до хозяина включительно. Если же подается только мясо, то начатый первый кусок стариком обходит также всех гостей. По понятиям ногайцев, это делается для того, чтобы те, кто помоложе старика, дожили до его лет, т.е. сделались бы такими, как он, и восприняли бы мудрость его седых волос. Отказаться выпить хоть один глоток чая из чашки старика считается неприличным и неуважением к старику», – писал И.Т. Мутенин¹. Следует добавить к этому, что вкушать первым пищу считалось еще и проявлением уважения. Эта привилегия по праву принадлежала самому старшему за столом.

У многих народов традиция, когда хозяин первым пробовал пищу и питье, приготовленные для гостей, служила доказательством того, что угощение не отравлено и с ним не насылается порча².

После калмыцкого чая на стол подавали вареное мясо. «В отличие от обычной трапезы, при которой мясо между членами семьи распределяла старшая хозяйка, во время приема высокого гостя обслуживал стол сам хозяин – вынимая из котла вареное мясо, разрезал его на куски, распределяя его между сотрапезниками»³.

У ногайцев, казахов, тувинцев, монголов, калмыков, занимающихся скотоводством, существует строго установленная связь между статусом участников застолья и определенными частями подаваемой мясной пищи. Так, у ногайцев самыми «престижными» частями бараньей туши считаются: «*ай багар*» – голова (правая сторона ее), «*куьн багар*» – лопатки или «*тесикли*» – тазовые кости – их выделяли для самых старших участников застолья. Следующими хорошими кусками считались: бедренные части – «*орта сан*», часть ножек – «*ер басар*», «*бут*», ребра – «*кабырга*», грудинка – «*тоьс*», сердце – «*юрек*», почки – «*буйрек*». Остальные куски похуже (шейная часть, самые нижние части ножки) считались менее престижными, они предназначались для младших участников трапезы⁴.

Обычай распределения мяса старшим между участниками застолья существовал и у адыгов, вероятно, они переняли его у кубанских ногайцев, так как у остальных дагестанских и северокавказских наро-

---

¹Мутенин И.Т. Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67. Л. 50.

²Байбурин А.К., Топорков А.Л. Указ. соч. С. 149.

³Рудановский А. О Караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. 1862. № 37.

⁴Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. М., 1979. С. 38

дов строгого распределения мяса на «престижные» и менее «престижные» куски не наблюдается.

У адыгов, как и у ногайцев, «престижными» кусками мяса считаются: правая половина головы, лопатки, бедро, тазовые кости, грудинка, бедренные кости, поясничные и крестцовые позвонки. Менее «престижными» частями, предназначенными для младших членов застолья, считаются: шейные, грудные позвонки, предплечье, плечевая кость, берцовая кость¹.

По этикету старший или почетный гость, отведав от «каждой из этих частей понемногу»², передавал их следующему, а тот – другому и т.д.

Большой интерес в этом отношении представляет сообщение Г. Рубрука, который, в частности, пишет: «Прежде чем поставить мясо барана, господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому»³. По сообщениям некоторых авторов XIX в., хозяин дома, оказывая гостю уважение, подавал ему лакомые куски прямо в рот. Р. Эркерт, свидетельствуя о существовании в прошлом этого обряда, пишет: «Хозяин своими пальцами всовывает в рот гостю жирные куски баранины, так называемое блюдо бешбармак»⁴. Это блюдо у ногайцев считается первым питательным кушаньем⁵.

Сообщение Г. Рубрука и Р. Эркерта Б.М. Алимова объясняет следующим образом. В первом случае, по ее мнению, речь идет о специфической ситуации, когда у знатного хозяина останавливаются рядовые члены общества, прибывшие к нему по какому-либо спешному делу⁶. По поводу второго сообщения Б.М. Алимова рассуждает так: «По традиционным нормам культуры поведения многих народов приезжий, находясь в гостях, не насыщался угощением, а лишь слегка пробовал несколько кушаний или какое-нибудь одно из них. Отсюда и справедливое оправдание с точки зрения народного этикета поведения хозяина, подкладывающего в посуду перед гостем лучшие куски, непосредственно в руку гостя, а иногда подносящего их прямо ко рту приезжего и даже запихивающего то или иное лакомство ему в рот»⁷.

---

¹Мамхегова Р.А. Указ. соч. С.135.

²Мутенин И.Т. Указ. соч. Л. 50.

³Плано Карпини. История монгалов. Гильом Рубрук. Путешествия в восточные страны. М., 1957. С. 96.

⁴R. Yon. Erckert. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887. S. 40.

⁵Фарфоровский С.В. Указ. соч. С. 12.

⁶Алимова Б.М. Указ. соч. С. 83.

⁷Там же. С. 137.

Здесь следует учесть и такой момент, что гости не насыщались угощением не только потому, что это не принято по нормам этикета и предписаниям ислама, по которым насыщение считается грехом, но и потому, что оставшееся угощение передавали женщинам и детям. Женщины и дети за один стол с гостями не садились, кроме старшей женщины. Они садились за стол после того, как поедят гости, либо устраивались поближе к выходу. Молодые снохи обычно садились, подложив под себя куски кизяка, спиной к мужчинам, около двери¹. Г. Малявкин писал, что «за столом караногайцами соблюдается некоторый порядок: сначала обыкновенно едят мужчины постарше, потом молодежь, остатки передают женщинам, и те уже делятся с детьми»². Согласно ногайскому этикету женщинам не разрешалось приветствовать гостей и сидеть с ними за одним столом, участвовать в их разговорах, даже в том случае, когда речь шла о ее семье, о муже³.

В знак особого уважения почетному гостю предлагались всегда баранья голова, печень и курдюк⁴, кусочек мяса с берцовой костью – «*йимекли уьли*». Голова с древнейших времен воспринималась как наиболее важная часть тела и человека, и животного. У скотоводческих народов голова убитого животного – самая «престижная» часть туши, которая полагалась высшему лицу в социальной иерархии либо почетному гостю⁵.

Не оказать должного приема гостю считалось позором для ногайца. Семья, оказавшаяся не способной должным образом исполнить долг гостеприимства, подвергалась упрекам аксакалов, насмешкам со стороны соседей, знакомых. Подобные случаи нашли отражение и в фольклоре в виде преданий. Вот одно из них: «Пришел как-то к одному человеку гость. Как и подобает по ногайскому обычаю, гостя пригласили в дом, накрыли на стол и принесли ему вареную баранью голову. Взял гость голову в руки, крутит-вертит ее, а есть-то нечего. Что же делать? Как пристыдить хозяина? Гость оказался находчивым человеком. Взял он в руки баранью голову и стал с ней вести такой разговор:

– Эй, обглоданная голова, обглоданная голова! – начал гость. – Посмотрела бы ты на меня – да глаз нет, заговорила бы со мной – да языка нет, подумала бы – да мозгов нет, послушала бы – да ушей нет. Что же мне с тобой делать?

---

¹Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 39.

²Малявкин Г. Указ. соч. С. 154-155.

³Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 39.

⁴Малявкин Г. Указ. соч. С. 154.

⁵Байбурин А.К., Топорков А.Л. Указ. соч. С. 77.

После этих слов гость положил голову обратно. Услышав эти слова, хозяин от стыда чуть сквозь землю не провалился. «Непростой это человек», – подумал он и, чтобы сгладить свою вину, зарезал барана»¹.

Вареную баранью голову подавали уважаемому гостю адыгейцы, кабардинцы², судя по всему этот обычай они переняли у кубанских ногайцев. Проф. Б.Х. Бгажноков приводит курьезный случай, связанный с подачей гостю вареной бараньей головы. «Некто Балкаров Тего, будучи в гостях, обратил внимание на то, что ему подана левая часть головы барана, и, возмущившись, сказал: «Я не «левый», я пришел сюда правым (почетным), принесите мне правую часть головы барана». Незадачливым хозяевам, израсходовавшим эту часть, пришлось зарезать еще одного барана, а гостям, собравшимся было уходить, ждать, пока он будет разделан и их уважаемому старшему принесут положенную ему часть»³. Как видно, этот случай весьма созвучен с ногайским фольклором о вареной голове, у которой отсутствовали глаза, уши, язык.

Голова, как и мясо барана, также имела свои «престижные» части. Право раздела головы принадлежало старшему. Попробовав кусочек мяса, он начинал делить голову между участниками застолья, сопровождая свои действия комментариями, кому и за что подается та или иная часть головы. Получить любую часть головы считалось почетным. Подобный раздел головы происходил и у адыгских народов⁴. У большинства же горских обществ Дагестана обязательное угощение гостя отваренной бараньей или говяжьей (бычьей) головой не практиковалось. В знак особого уважения к гостю голова к столу подавалась лишь в некоторых селениях лакцев (Аштикулинского участка), у андийцев, ахвахцев, хваршин, у кайтагских даргинцев. Обычно же среди прочих блюд гостю подавали сваренную целиком курицу⁵.

В знатных ногайских семьях важному гостю, судя по источникам, подавалась голова лошади. «Лошадиные головы, – пишет С. Герберштейн, – считаются лакомством и подаются только знатным»⁶.

---

¹Капаев С.И. Ногайский дом. Черкесск, 1995. С. 21.

²Бгажноков Б.Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 186.

³Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 62.

⁴Мамхегова Р.А. Указ. соч. С. 136-137.

⁵Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). С. 144-145.

⁶Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866. С. 134.

Наиболее любимым и, соответственно, «престижным» мясом кочевники считали конину. Закалывали обычно лошадь. Как известно, верховой конь у кочевников не предназначался в пищу. Более того, съесть верхового коня у кочевников считалось предосудительным, «позорящим, в высшей степени неэтичным»¹. Неэтичным, предосудительным прирезать коня на мясо считалось и у некоторых горцев Дагестана. Так, у ахваццев, каратинцев, бежтинцев, гинухцев, гунзибцев, цезов человек, прирезавший на мясо коня (разбившегося при падении, поломавшего ногу и др.), в течение месяца (33 дней) не имел права передвижения верхом. Ему полагалось сделать жертвенные раздачи по трем семьям или три дня поститься².

Верблюжати́ну ели редко, полагая, что она хороша для ритуальных событий вроде Уразы-байрама, поминок и т.п. Козлятину гостям обычно не подавали, ибо они могли счесть это обидным для себя³.

Особое место в застолье занимало обжаривание грудинки. Грудинку, как лакомство, обычно обжаривал каждый сам для себя на открытом огне очага, насадив ее на чакку. Подобный способ приготовления грудинки знаком и казахам. По всей видимости, это древняя традиция кочевников. Как известно, грудинка у монголов входила в число продуктов, которые приносились в жертву огню. Обычно после мяса подавали бульон (сэрпа) в общей для всех чаше, из которой все пили по старшинству.

Ели за столом неторопливо. Если трапезу начинал хозяин, то завершал ее престыли гость, так как согласно традиционному этикету ногайцев хозяин дома должен быть уверен, что гость насытился. После трапезы все трапезничающие вытирали губы и руки «*тастамалом*» (салфеткой), которые хозяйка дома раскладывала на столе по количеству участников трапезы. Следует отметить, что ногайцы в гигиенических целях всегда при себе имели платки: «*кол явлык*» (платок для рук), «*бет явлык*» (платок для лица).

После завершения трапезы все присутствующие благодарили всевышнего за ниспосланную пищу, после чего хозяин подавал гостям воду из рукомойника для умывания рук. «Все эти церемонии прodelьваются с замечательно важным и «чинным» видом», – писал о гостевой трапезе ногайцев С.В. Фарфоровский⁵.

¹Липец Р.С. Образ Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 63.

²Лугуев С.А. Указ. соч. С. 111.

³Никищенко А.А. Традиционный этикет народов России (XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 82.

⁴Шаханова Н.Ж. Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 178.

⁵Фарфоровский С.В. Указ. соч. С. 12.

Если гость был издалека, то он оставался с ночевкой. Его проводили в гостевой дом, если таковой имелся, или же специально для него отводили место в общей юрте. Односельчанам, людям, живущим в соседнем ауле, оставаться с ночевкой без крайней нужды было не принято. Обычно они заходили в гости днем по какому-либо делу или просто выпить чашку чая.

Испытание на гостеприимство хозяин проходил еще в молодости. Проводили его умудренные опытом старики, жившие по соседству. Они приходили в гости к молодому хозяину и начинали беседовать, вдруг один из них в виде загадки задает хозяину непонятный вопрос: «Слушай, ты спутал или заковал?». Хозяин в недоумении не мог понять, в чем дело. Видя реакцию, старики начинали весело хохотать. Потом хозяин начинает догадываться. Быстро выходит из дома, дает указание жене быстро приготовить угощение и накрыть на стол. Затем хозяин приглашает гостей к столу. Выражение «Ты спутал или заковал?» означало: если есть чай и что покушать, то покушаем, поговорим, если нет, то нам у тебя делать нечего и мы уйдем¹. Уроки гостеприимства молодежь получала в родительском доме, так как ухаживание за гостями лежало в значительной мере на их плечах.

Для почетных гостей хозяин устраивал званый ужин с приглашением соседей, родственников. Готовились специальные угощения. Обычно гостям подавали шашлык из баранины, халпаму (хинкал из кукурузной муки) с мясом, бешбармак. Непременным атрибутом застолья у тюркоязычных народов были кумыс, буза, арака (молочная водка).

Прием гостя без кумыса у кочевников был немислим. Ногайцы, кроме кумыса, могли еще подать бузу (напиток из проса). У казахов же подавать важному гостю иной напиток, не кумыс, значило оскорбить гостя. До середины XIX века их потребление носило исключительно ритуальный характер, осуществлялось только старшими мужчинами круговой чашей, и опьянение в торжественной трапезе везде считалось не просто нарушением этикета, но и признаком непристойной для мужчины слабости².

Обычай пить круговой чашей, известный многим народам, имеет архаические истоки. Необходимость равного причащения к спиртному напитку ученые объясняют как потребность делиться пищей и угощать гостей – представлением о том, что пища и питье исходят от

---

¹Мутенин И.Т. Указ. соч. Л. 50.

²Никишенков А.А. Указ. соч. С. 82.

родовых богов и принадлежат всему роду в целом¹. Кстати, пьянство у ногайцев осуждалось, как, впрочем, и у других дагестанских и северокавказских народов. Например, у адыгов считалось большим позором и для самого человека, и для его семьи, если он напился в гостях². Необходимо отметить и тот факт, что адыги переняли у кубанских ногайцев не только традиции рассаживания, распределения мяса и раздела головы за столом, но и традицию распития крепких напитков. Наряду с вином, пивом, бузой и аракой, адыги подавали к обеденному столу и кумыс – хмельной напиток кочевников³.

Осуждение пьянства нашло отражение в ряде ногайских пословиц: «*Биринши тостакай – аракы, экинши – ийт акы, ушинши – боьри акы, доьртинши – донъыз акы, бесинши – конъыз акы*» (Первая чарка – водка, вторая – ты собака, третья – волк, четвертая – свинья, пятая – жук навозный), «*Бийдайдан – боза, бозадан – каза*» (Из пшеницы – буза, от бузы – беда), «*Аракы ишкен сыйын йояр*» (Кто пьет водку, тот теряет авторитет), «*Шагыр акылды эки боьлер*» (Вино разум делит надвое). Порицалось оно и у других тюркоязычных народов Дагестана. Так, кумыки говорили: «*Аракы ичкен сыйин тасетер*» (Кто пьет водку, тот теряет авторитет), дагестанские азербайджанцы - «*Ич - ахылыны ичме*» (Пей, но ум свой не пропивай), дагестанские те-рекеменцы - «*Ичкини ахырыяхшы олмас*» (Пьянство до добра не доведет).

В зажиточных ногайских семьях в честь почетного гостя устраивали богатое угощение, проводили соревнования борцов, приглашали известных в округе музыкантов, певцов, танцоров. Размах гостеприимства зависел от ранга и состояния принимающей стороны. В прошлом традиционный обычай гостеприимства разворачивался по полной программе представителями аристократии⁴.

Почетным гостем знатного ногайца мог быть только ему равный. У его дома специально устанавливались три столба, к которым прибывшие гости привязывали своих коней. «Ближайший к дому князя столб предназначен для коней султана, т.е. беков ханского рода, второй – для узденей, а дальний столб – для коней б. крестьян», - пишет А. Х.-Ш. Джанибеков⁵. Проф. С.Ш. Гаджиева, описывая обычай гос-

¹Байбурин А.К., Топорков А.Л. Указ. соч. С. 149.

²Бгажноков Б.Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // СЭ. 1987. № 2. С. 94.

³Мамхегова Р.А. Указ. соч. С. 127.

⁴Никишенков А.А. Указ. соч. С. 79.

⁵Джанибеков А. Х.-Ш. Очерки по истории ногайцев // РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

теприимства дагестанских азербайджанцев, отмечала, что в доме богатей принимался не каждый путник, например, бедняк, а лишь известные люди своего же социального круга. Что же касается бедных путников, то они обычно останавливались в домах таких же рядовых общинников, как и сами, где для них создавались по возможности хорошие условия¹.

Кочевникам было свойственно устраивать пышные торжества по случаю какого-либо праздника или приема гостей. Вот как В.В. Радлов описывает прием гостей казахским султаном: «Знатный казах Ата Бек отмечал поминки по своему отцу, на которые прибыло по приглашению более пяти тысяч гостей, не считая тех нескольких сот родственников, слуг и соседей, кто выступал принимающей стороной. Для приема гостей было разбито около ста юрт, забито тридцать лошадей и сто пятьдесят овец. Самых знатных гостей принимал в своей огромной юрте сам султан, прочих – его родственники в других кунацких юртах.

Прием гостей сопровождался пением знаменитого певца, специально приглашенного султаном, конскими скачками на приз, джигитовкой, раздачей подарков всем прибывшим»². Впоне возможно, что подобные торжества по случаю знаменательных событий устраивались и ногайскими мурзами, так как взаимодействие и взаимовлияние между степняками было огромным. Следует учесть и тот факт, что часть ногайцев участвовала в формировании казахского этноса.

На следующий день если гость изъявил желание отправиться дальше в путь, то хозяин дома его не задерживал, но для приличия предлагал без излишней настойчивости остаться еще хотя бы на ночь. «*Конак келсе капы ашык, кетсе йол ашык*» (Придет гость – ворота открыты, уходит – дорога открыта), – говорят ногайцы. Похожее по смыслу выражение существовало и у кумыков: «*Ёлавчу ёлда яхшы*» (Путник хорош в пути).

Первым из дома выходил хозяин, вслед за ним – гость. Оказаться позади гостя в данном случае означало, что хозяин выпроваживает гостя, а это считалось для ногайца большим позором. Прощаясь, гость и хозяин пожимали друг другу руки и при этом произносили традиционные фразы: «*Аман турыньыз!*» (Счастливо оставаться!), «*Яхшы йол!*» (Доброго пути!). Непременным условием при прощании была просьба гостя к хозяину, чтобы последний обязательно посетил и его дом. Уехать, не попрощавшись, считалось верхом неприличия.

---

¹Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. С. 239.

²Цит по: Никишенков А.А. Указ. соч. С. 79-80.

В целом обычай гостеприимства подчинен одному сценарию, где строго прописаны правила поведения каждого «персонажа». С одной стороны – это хозяин и его семья, которые ведут себя активно и задают тон всей процедуре приема гостя, а с другой – гость, лицо пассивное, принимающее все знаки внимания, оказанные хозяином и членами семьи.

Так, хозяин строго следует правилам гостеприимства, выработанным обществом. Он должен создать максимально комфортные условия для гостя. Хозяин дома должен выполнять все желания гостя, оказывать знаки почтения и прощать незначительные проступки, за которые в иной обстановке последовал бы упрек или же наказание.

В обязанность хозяина входило не только создание максимально благоприятных условий для отдыха гостя, но и содействие в решении его проблем, охране чести, достоинства, жизни и имущества. Причинение гостю какого-либо вреда, а тем более ущерба его здоровью и жизни считалось позором для семьи, принимавшей гостя, и ложилось пятном на весь аул.

По завершении визита гостя обязательно снабжали в дорогу провизией. Сам хозяин, его братья или сыновья провожали его до околицы аула.

В кодексе гостеприимства существовали и правила поведения гостя. Так, переступить порог юрты надо было с правой ноги (ни в коем случае нельзя наступать на порог; согласно ногайским поверьям, на пороге живет шайтан, наступивший на порог мог якобы заболеть). Входить в дом и садиться за достархан без приглашения хозяина считалось неприличным, как и заглядывать за занавес женской половины, шутить, заигрывать с женщинами и даже случайно прикасаться к ним. Также неприличным считалось задерживаться в чужом доме более трех дней. Гость не должен вмешиваться в дела семьи. Недопустимым считалось со стороны гостя оскорбить кого-либо из членов семьи.

В гостях не следовало много есть и пить. Также неприличным было есть с жадностью, нюхать пищу, чавкать, облизывать пальцы, вытирать после еды рукавом рот и т.д.

Нарушение этих правил воспринималось хозяином как оскорбление. Подобные же правила поведения в гостях соблюдались и другими тюркоязычными народами, в частности татарами, башкирами, казахами¹.

---

¹Никишенков А. А. Указ. соч. С. 81.

Наряду с гостеприимством у ногайцев существовал и обычай куначества («кьонакълыкъ»). Куначество происходит от тюркского слова «кунак», т.е. гость. Это слово, широко известное среди горцев Дагестана и Северного Кавказа, было привнесено тюркскими племенами.

Институт куначества играл огромную роль в укреплении дружбы между различными народами, не говоря уже об укреплении дружеских связей внутри одного и того же народа¹. Вовлечение ногайцев в рыночные отношения расширило круг их общения, между людьми стали устанавливаться не только деловые и торговые, но и дружеские, куначеские взаимоотношения. У ногайцев на этот счет существует поговорка: «*Бир коьрген билис, эки коьрген таньыс*» (Один раз увидел – знакомый, дважды увидел – приятель).

Вообще по своей природе ногайцы общительны и доброжелательны. Еще в XIX веке Г. Малявкин отмечал, что «по характеру караногайцы общительны и легко вступают в приятельские отношения»².

Особенно институт куначества был важен в условиях гор, когда при передвижении из одного места в другое путника на каждом шагу подстерегала опасность. А при наличии своего кунака в среде других племен и народов ему была гарантирована личная безопасность. Известны случаи, когда армянские, грузинские, еврейские купцы использовали институт куначества в своих торговых делах. Они нанимали за определенную плату кунаков с тем, чтобы те сопровождали их на своей территории во избежание ограбления или, что еще хуже, убийства³.

instituteofhistory.ru

Куначеские отношения позволяли людям свободно передвигаться, обеспечивали им защиту и покровительство в чужих краях, что по тем временам являлось немаловажным. Ногайцы говорят: «*Азбар-азбар мал болганиша, авыл-авылда дос болсын*» (Чем иметь несколько загонов скота, лучше иметь в каждом ауле кунака), «*Конаксыз аьдем, канатсыз кустай*» (Человек без гостей – что птица без крыльев).

Одним из способов для начала куначеских отношений могло послужить обыкновенное знакомство где-то в пути, на ярмарке, в гостях и т.д. Между людьми могла возникнуть взаимная симпатия, а общие взгляды на жизнь и общие интересы могли привести к установлению дружеских, а затем и куначеских отношений. Классическим же способом возникновения куначеских отношений считается прием гостя.

¹Унежев К.Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. С. 368.

²Малявкин Г. Указ. соч. С. 168.

³Унежев К.Х. Указ. соч. С. 368-369.

Долгие годы общения, дружбы между семьями, как правило, перерастают в куначеские отношения. Другой способ установления куначеских отношений - это передача кунака знакомым, родственникам. Заключался он в том, что, отправляясь в другое селение, там, где не было ни родственников, ни друзей, кунак, по рекомендации своего кунака, останавливался у его родственника или знакомого.

Гостеприимство «исторически предшествовало куначеству, которое представляло собой следующий этап в развитии межродовых и межплеменных отношений». Между понятиями «кунак» и «гость» нельзя ставить знак равенства, – пишет В.К. Гарданов¹. На разницу между кунаком (хъунахъ, лиман, хион, узаг) и гостем указывает Б.А. Калоев². Так, например, в горах хозяин дома обязан был отвечать за безопасность гостя до тех пор, пока он находился в его доме. После того, как гость покидал его дом, хозяин не только не отвечал за его жизнь, но мог даже участвовать в его ограблении, даже убийстве³. Здесь же следует отметить, что в архивных материалах не зарегистрированы факты ограбления ногайцами своих гостей, не подтверждает их и наш полевой материал. Необходимо отметить, что и в Дагестане гость был лицом уважаемым и почитаемым. За безопасность гостя в горах Дагестана отвечал не только хозяин дома, но и вся община.

С кунаком дело обстояло иначе. Хозяин дома всегда, где бы ни находился его кунак – гость, приятель, обязан был защищать его, оказывать необходимую помощь, вплоть до совершения вместе с ним кровной мести. Далее: обычай гостеприимства строго запрещал хозяину интересоваться делами незнакомого ему гостя, задавать такому гостю какие-либо вопросы, нарушать его инкогнито до тех пор, пока он сам не сообщал о себе необходимое. В отношении кунака-друга, приятеля, хозяин, наоборот, должен и обязан был вести себя иначе: проявлять повышенный интерес к тому, с какой целью он посетил его дом, принимать самое активное участие в разрешении его проблем. Принципиальное отличие кунака от обычного гостя заключалось еще в том, что связь гостя с хозяином носила единовременный характер, а с кунаком – постоянный⁴.

Существовали определенные различия и в приеме. Кунака принимали с особым радушием. Во время приветствия, после обмена ру-

---

¹Гарданов В.К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов // СЭ. 1964. № 1. С. 46-47.

²Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1971. С. 198.

³Унежев К.Х. Указ. соч. С. 367.

⁴Там же.

копозатиями между сверстниками не исключались и легкие объятия, похлопывания по плечу, что, например, не допускалось в отношении гостя. Здесь надо отметить, что во всех случаях инициатива всегда исходила от хозяина. Легкие объятия при встрече кунаков считались нормой для большинства тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа, за исключением, пожалуй, лишь южных кумыков, у которых объятия между мужчинами исключались. Неоднозначно подобное поведение расценивалось у народов Дагестана. Так, например, андийцы, хунзахцы и гидатлинцы в подобных ситуациях объятий избегали, предосудительными они считались у кайтагцев и кумухских лакцев. Если левашинцы на объятия кунаков смотрели как на вполне допустимый акт, то хаджалмахинцы старались к ним вообще не прибегать¹.

Если гостя следовало хорошо накормить и предоставить ночлег, то для кунака устраивали богатое угощение с обязательным приглашением родственников, соседей, известных музыкантов, певцов. Для кунака устраивались и различные конно-спортивные состязания.

На прощание хозяин преподносил кунаку подарок. Дары занимают особое место в обычаях гостеприимства и куначества. Дарообмен между гостем и хозяином не являлся обязательным актом, исключение составляли лишь почетные и званые гости.

Званный гость, кунак обязательно являлся с подарком хозяину и его семье. Это были сладости, игрушки детям. Хозяину дома – войлочный ковер (*кийиз*), сбрую, кинжал.

В свою очередь хозяин дарил почетному гостю, кунаку что-нибудь сообразно его званию. В качестве подарка он мог преподнести коврик для совершения намаза – молитвы (*намазлык*), пояс (*бельбаув*), кнут (*шыбырткы*), домбру, ложку (*касык*), папаху. Следует отметить, что дарили только новые вещи.

Прекрасным подарком для мужчины были камча, лук, стрелы и другое оружие и снаряжение. Богатые ногайцы дарили своим почетным гостям оружие из серебра и золота, инкрустированное драгоценными камнями. Следует отметить, что у ногайцев оружие не вручали, а бросали на землю.

В качестве подарка могли преподнести живого барана или теленка. Самым дорогим подарком для ногайца считался конь. В этих взаимных дарениях всегда присутствовал принцип эквивалентности – нельзя было дарить вещь менее ценную, чем получил сам; в случае,

---

¹Гамзатова А.Ш. Куначество в системе общественного быта народов Дагестана (XIX – начало XX века) // Вестник ДНЦ. 2006. № 24. С. 83.

если это происходило, давший меньше оказывался в зависимом положении и делал все возможное, чтобы при случае одарить партнера более ценной вещью¹.

Активное участие кунаки принимали в семейных мероприятиях и торжествах. Отношения кунаков напоминали отношения близких родственников. Кунаки были на правах членов семьи. Они взаимно принимали участие в строительстве дома, помогали в сельскохозяйственных работах, несли наравне с родственниками расходы в случае свадеб, похорон, сборе средств для «выкупа крови» и т.д. Подобные взаимоотношения между хозяином и кунаком складывались и у большинства народов Дагестана² и Северного Кавказа³.

Куначеские отношения у ногайцев устанавливались как с ногайцами из других аулов, так и с представителями соседних народов. Кунаками степных ногайцев были в основном засулакские кумыки, терские и гребенские казаки.

К терским ногайцам приезжали кунаки чеченцы, гребенские казаки. Так, кунаком ногайца Нурмамбетова Керима из станицы Старогладовка был чеченец Мехтиханов Абубакар из Акболат-юрта, а Отепова Залимхана из с. Сары - Су – казак Павел Озявин из станицы Каргагинская.

Кунаками же кубанских ногайцев были абазины из с. Дударк-Кавак (Псыж), черкесы из с. Кош-Хабль, осетины, балкарцы, карачаевцы, кабардинцы. Так, ногайский поэт Шал-Кийиз Тиленши улы, чье творчество относится к XV веку, писал:

*Тот, кто танцует в моем доме,
Это красавец-кабардинец.
Эй, друзья мои!
То, что кипит в моем котле,
То большая голова
Ногайского барана.
... Я сегодня не пожалею
Ни скота, ни головы
Ради друга – кабардинца⁴.*

---

¹Никишенков А.А. Указ. соч. С. 80.

²Гамзатова А.Ш. Указ. раб. С. 81-82.

³Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в). М., 1967. С. 309.

⁴Капаев С.И. Указ. соч. С. 21.

Много кунаков у кубанских и кумских ногайцев было и среди казаков близлежащих станиц¹. Так, в с. Эркин-Халк приезжали кунаки из казачьей станицы Беломечетка, а в с. Канглы из станиц Нагутское, Крым-Гереево, Султановка.

Куначеские отношения поддерживались на протяжении всей жизни и передавались детям по наследству. Наши информаторы до сих пор помнят кунаков своих дедов и отцов, а многие из них и сейчас поддерживают с ними отношения.

Кунак-иноверец также принимал активное участие в делах семьи своего кунака. Исключение составляли лишь религиозные обряды (обряд бракосочетания «никах», обрезание, обмывание покойника), коллективные и индивидуальные молитвы, посещение мечети, когда присутствие представителя иного вероисповедания было нежелательным. Запрещалась и раздача жертвенного мяса, зарезанного на Курбан-байрам, кунакам-иноверцам.

У многих народов Дагестана и Северного Кавказа существовали определенные правила поведения с кунаком-христианином, иудеем, во многом схожие между собой, так как все они отвечали основным требованиям ислама, предъявляемым в отношении человека иной веры.

Перечень правил поведения горца с кунаком иного вероисповедания, приведенный С.А. Лугуевым, характерен и для остальных мусульман Дагестана и Северного Кавказа, в том числе и для ногайцев. Так, например, и гость, и главным образом хозяин старались по возможности учесть взаимные национальные традиции, в т.ч. и в вопросах религиозных². Если хозяин и его домочадцы избегали в присутствии христианина читать молитвы и творить намаз, гость со своей стороны не позволял себе действия, характерные для его вероисповедания (например, креститься перед едой). Установилась традиция, согласно которой в дружеской беседе совершенно исключались дискуссии и споры между хозяином (или его окружением) и гостем-иноверцем на религиозные темы, восхваление в какой бы то ни было форме своих религиозных догм и символов.

После гостевания кунака-христианина в доме все, к чему он прикасался, мылось. Считалось, что христианин осквернил своим при-

---

¹Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А. И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 153.

²Лугуев С.А. Изменения в традиционной культуре общения народов Дагестана после присоединения к России // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990. С. 169.

косновением предметы, вещи не потому, что он заблудший в отношении истинной веры, а как потребитель свинины и спиртного¹.

Добрососедские взаимоотношения ногайцев с дагестанскими и северокавказскими народами способствовали развитию дружеских отношений между ними. Можно с уверенностью говорить, что обычаи гостеприимства и куначества способствовали экономическому, политическому и духовному сближению народов Дагестана и Северного Кавказа, что сделало правила приема гостя общими для многих народов.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

---

¹Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). Махачкала, 2006. С. 103.

ГЛАВА 4. ОБЫЧАЙ ВЗАИМОПОМОЩИ

Особое место в общественной жизни ногайцев занимал обычай взаимопомощи – «*талака*» (у кубанских ногайцев), «*мылка*» (у степных ногайцев), который заключался в оказании трудовой помощи родственникам, соседям, односельчанам, друзьям, кунакам во время сельскохозяйственных работ, при строительстве дома, во время проведения семейных мероприятий и т.д.

В исследуемое время у ногайцев в случае необходимости каждая семья могла рассчитывать на безвозмездную помощь родственников, соседей, односельчан, друзей, кунаков. К помощи родственников прибегали во время свадьбы, в сборе приданого для невесты, уплаты калыма, при рождении ребенка, при похоронах, поминках, при сборе средств для уплаты «цены крови». К более широкому кругу родственников, друзей, односельчан обращались при строительстве дома, при кризисных ситуациях, например, при пожаре, при неурожае, при падеже скота и т.д. Следует отметить, что у ногайцев, как и у других тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа, обычай взаимопомощи объединял людей по половозрастному признаку¹. Так, например, строительство дома, пахота, стрижка овец, окот считались мужскими работами, а расчесывание шерсти, изготовление войлока, обмазка стен дома – женскими. Соответственно для выполнения определенных работ привлекались либо мужчины, либо женщины. Это обстоятельство отличало их от других народов Дагестана, в частности от горцев, у которых женщины могли принять участие в мужских работах, помогая во время унаваживания полей², жатвы³, сооружения, ремонта и очистки каналов⁴.

---

¹ См.: *Гимбатова М.Б.* Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана. (XIX – начало XX века). Махачкала, 2014. С. 167-183.

² См.: *Лугуев С.А.* Народный календарь и счет времени у ахвахцев (XIX – нач. XX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 7; *Алимова Б.М., Магомедов Д.М.* Ботлихцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993. С. 169-170; *Алимова Б.М., Лугуев С.А.* Годоберинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 1997. С. 156; *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала, 2000. С. 191; *Ризаханова М.Ш.* Гунзибцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. С. 122; *Она же.* Гинухцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006. С. 168.

³ *Эльмурзаева А.Д.* Обычай взаимопомощи у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. Махачкала, 2008. С. 48-50.

⁴ *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988. С. 50.

Основным видом хозяйственной деятельности для большинства ногайцев в исследуемый период являлось скотоводство. Следует отметить, что степные ногайцы негативно относились к земледелию и ко всему, что с ним связано. «Где саман, там и сабан, а сабан пахал – Караногай кунчал!» – говорили караногайцы в старину¹. Отрицательное отношение кочевников к земледелию и хлебопашеству отразилось и в устном народном творчестве ногайцев. Так, ногайская поговорка гласит: «Сабан – яман, сабанчи – шайтан!» (Земледелие – плохое дело, хлебопашец – черт). Караногайцы говорили: «Сам Чингисхан сабан (плуг. – М.Г.) не признавал и пророк Мухаммед сабан не признавал. Долой сабан!». Такое отношение к земледельцам было свойственно всем скотоводам.

Скот был главным мерилом степняков, от него зависело благосостояние семьи. В скотоводстве самыми ответственными моментами считались окот и стрижка овец. Стрижка делилась на весеннюю - *язлык кыркым* и осеннюю - *куьз кыркым*. К обычаю взаимопомощи часто прибегали во время стрижки. На стрижку овец собиралось все трудоспособное мужское население аула. Стрижку проводили поочередно в каждом хозяйстве, чтобы своевременно оказать помощь всем нуждающимся.

Начать стрижку поручали человеку опытному, хозяйственному. О таком человеке в народе говорили: «*Берекетли аьдем. Колы еньгил аьдем*» (Человек, от которого исходят польза, достаток. Человек, у которого рука «легкая»). Если дело не спорилось, то говорили, что его начал человек, от которого нет пользы - «*хайырсыз, оньсыз аьдем; авыр аьдем*» (бесполезный человек, неудачник; «тяжелый» человек).

Стрижку овец, как и любое другое серьезное дело, не проводили в среду (среда считалась неблагоприятным днем), в четверг и пятницу (в эти дни поминали усопших). Подобные запреты на выполнение каких-либо работ в определенные дни недели налагались и на жителей других регионов Дагестана. Так, для жителей с. Аркит запретными днями являлись вторник и среда, с. Хоредж – пятница. В пятницу жители всех табасаранских сел не начинали ткать ковер, не выходили в путь, до обеда не выполняли какие-либо работы².

Другой отраслью хозяйства у ногайцев в исследуемый период являлось земледелие. Земледелием в основном занимались кубанские ногайцы, но в конце XIX – начале XX века этот вид деятельности в связи с ограниченностью пастбищ были вынуждены осваивать и

---

¹Капельгородский Ф.О. Аш хаду. Повесть. Краснодар, 1984. С. 45.

²Алимова Б.М. Некоторые представления табасаранцев о народном календаре // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 26-27.

степные ногайцы. Это было вызвано, прежде всего, быстрым заселением степей Предкавказья в XIX в. русскими и украинскими переселенцами, которые активно занимались распашкой земель, тем самым ограничивая кочевое скотоводство¹.

Земледелие, как уже отмечалось выше, считалось мужским делом, женщины привлекались лишь в самую горячую пору – во время жатвы. Каждая ногайская семья старалась самостоятельно обработать, засеять и собрать урожай со своего участка. Если же семья не успевала вовремя выполнить работы, то прибегали к помощи родственников, соседей, односельчан.

В мае ногайцы выходили на сенокос. Опасаясь дождливых дней, сенокос проводили сообща. Сено заготавливали за пределами аула. Время и день начала сенокоса определял совет старейшин. Женщины в сенокосе участия не принимали, сенокос считался мужским делом.

В июле – августе приступали к сбору колосовых, жатва и молотба требовали участия всех членов семьи, включая подростков и женщин. Сжать первый сноп доверяли самому старшему в роду, а связать сноп – самой старшей женщине². Помощь во время жатвы оказывалась старшим, соседям, родственникам. При этом чем ближе родня, тем существенней была помощь. Кстати, родственная взаимопомощь имела место едва ли не при всех видах сельскохозяйственных работ: при пахоте, севе, уборке сена, стрижке овец. К проявлениям родственной взаимопомощи Я.С. Смирнова относит и обычай самовольного заема имущества одним из членов патронимии у другого³. Обычай этот был весьма распространен среди ногайцев. Отсутствие чего-либо (сена, зерна, сельскохозяйственного инвентаря) у одного из членов семейно-родственной группы давало право позаимствовать недостающее у другого. Самовольный заем никоим образом не воспринимался как воровство. При случае «самовольный заемщик» извещал хозяина об этом. При необходимости последний сам мог воспользоваться данным обычаем. Обычай самовольного заема бытовал у ногайцев вплоть до середины XX века, но больше как соседская, а не родственная взаимопомощь. Подобный обычай имел место и у адыгов, карачаевцев⁴ и балкарцев¹.

---

¹Кидирнязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – нач. XX в. (Исследование экономического развития и социально-политического устройства). Махачкала, 2005. С. 55.

²Там же. С. 120.

³Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.). М., 1983. С. 92.

⁴Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 57.

К помощи родственников часто прибегали и во время приема почетных гостей. Расходы, связанные с их приемом, обеспечением безопасности личности и имущества, несла на себе не отдельная семья, а вся патронимия. То же происходило во время важных семейных событий. Так, во время праздника, устраиваемого по случаю рождения ребенка, родственники приносили с собой не только подарки, но и продукты питания. Весьма существенную помощь родственники и кунаки оказывали во время уплаты калыма, при составлении приданого, в проведении свадьбы.

Более широкий круг родственников, а также кунаков привлекался во время похорон и поминок. Основная часть расходов на проведение похоронно-поминальных обрядов ложилась на плечи обеих патронимических групп – отцовской и материнской.

Ощутимую материальную помощь и моральную поддержку родственники, кунаки оказывали во время выплаты «цены крови». Г. Малявкин отмечал, что «в отношении взаимной помощи родственников, например, при уплате калыма, в несчастье какого-либо члена рода, родство считается до 7 колена. Все родственники должны помогать в несчастье»². Соседская и родственная помощь оказывалась безвозмездно.

Особенно часто взаимопомощь оказывали при строительстве дома. Односельчан приглашали на замес глины для саманного кирпича, обмазку стен, строительство крыши. Строительство дома делилось на несколько этапов: вначале делали разбивку фундамента, строили цоколь, затем возводили стены, закрывали крышу, обмазывали стены глиной. Проведение «*талака*», «*мылка*» превращалось в общественный праздник. Хозяин приглашал музыкантов, хозяйка готовила угощение для работников. Первый колышек в разбивке фундамента поручали забить самому старшему родственнику. После чтения молитвы и произнесения благопожелания: «*Хайырлы мекан болсын*» (Пусть дом принесет пользу) – старейшина рода забивал первый колышек, после чего все остальные начинали возводить цоколь. Из числа работников выбирали главного, обычно это был кто-либо из старших. Он распределял работу, давал соответствующие указания и распоряжения, следил за качеством выполняемой работы, мог сделать замечание и т.д. Самую ответственную работу выполняли главный распорядитель и его помощники из числа молодых ребят, ко-

---

¹Смирнова Я.С. Указ. соч. С. 92.

²Малявкин Г. Караногайцы // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 г. / Под ред. Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 168.

торых он выбирал себе сам. В ходе помочи придерживались определенных правил поведения. Так, хозяин работал наравне с остальными и также выполнял указания главного распорядителя, делать замечание работающим, поторапливать или указывать на их недостатки, упрекать кого-либо в недобросовестности хозяин не мог. Работали, как правило, хорошо, так как все работники трудились добровольно, а не по принуждению.

Работать плохо, спустя рукава во время коллективных работ было не принято. Нерадивого, ленивого работника могли подвергнуть насмешкам со стороны окружающих. Показать неумелым, неспособным трудиться было непозволительно.

В коллективных работах всегда присутствовал некий дух соревновательности. Быстро выполнив свою работу, участник коллективных работ помогал остальным. Все старались завершить работу одновременно. Подобных правил придерживались и горцы Дагестана. Приведем лишь некоторые из них: на помощь приходи вовремя и со всеми; работу начинай и заканчивай по знаку старшего; помогая, состязайся в усердии, не уступай другим в труде и старании; отдыхай, радуйся и веселись со всеми; закончив работу, не занимайся самовосхвалением, не напоминай человеку об оказанной помощи и т.д.¹

После строительства цоколя на второй день начинали месить глину для саманного кирпича, этот вид работы назывался «ашыткан». Сооружение стен считалось делом мужским.

После возведения стен приступали к настилу крыши. Настил крыши считался особенно трудоемким делом, его доверяли опытным работникам.

Обмазка стен дома считалась женским делом. Инициатором проведения этих работ выступала хозяйка дома. Особый тон задавали молодые девушки, ведь общественная работа являлась для них своеобразными смотринами. Самой лучшей работнице хозяйка от сглаза повязывала на руку платок.

Вечером после работы хозяева устраивали угощение, песни, танцы, оплата деньгами за проделанную работу исключались.

Таким образом, помочи являлись настоящей школой трудового и нравственного воспитания. Именно во время коллективных работ вы-

---

¹Хиясова С.Г. Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения. Сборник научных статей. Махачкала, 2006. С.275.

рабатывались, закреплялись и передавались производственные приемы и навыки, происходил обмен знаниями.

Проявлением чувства сострадания, взаимовыручки было участие в помощи погорельцам. Помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, была моральным долгом всех общинников. Помощь пострадавшим оказывалась бескорыстно и безвозмездно.

На общем собрании ямагат принимал решение силами общинников оказать помощь погорельцам стройматериалами и в строительстве дома. На собрании одному из общинников поручали объехать аул для сбора строительных материалов. Остановиваясь у каждого дома, он громко произносил: «*Янган уйге бир зат тасланъыз!*» (Для погорельцев пожертвуйте что-нибудь!). Каждый хозяин был обязан выйти из дома и положить в телегу что-нибудь из стройматериалов, состоятельные общинники могли помочь и деньгами. Собрав необходимые стройматериалы, начинали строительство дома. Угощение в этом случае устраивалось на средства общины или вскладчину. Подобного рода помощь оказывалась у всех народов Дагестана¹ и Северного Кавказа².

Помощь могла оказываться и в виде предоставления на время сельхозинвентаря, тягловой силы, предметов домашнего обихода и т.д.

instituteofhistory.ru

Соседская взаимопомощь оказывалась и во время изготовления плетня из ивовых веток (тал), из которых потом строили загоны для скота, а также при изготовлении деревянной домашней утвари, конской сбруи, кожаных изделий и т.д. Подобного рода помощь устраивалась взрослыми мужчинами квартала в свободное от работы время, к ним привлекались и молодые ребята. В перерывах между работой взрослые организовывали различные спортивные состязания, в которых в основном участвовала молодежь. Нередко в одном селении одновременно происходило несколько «*мылка*».

Женщины также устраивали помочи для изготовления войлочных изделий – «*кийиз*», шерстяных ниток – «*юн ийрейген мылка*», расчесывания шерсти – «*юн мылка*». Ногайки валяли войлок, мыли, сортировали шерсть. Для совместной работы соседки собирались в доме у одной из женщин, каждая со своей работой. В летнее время помочи устраивались прямо на улице или во дворе дома. Присоединиться к

---

¹Хиясова С.Г. Указ. соч. С.275.

²Хасбулатова З.И. Вайнахский этикет. Традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX – начале XX века // Культура Чечни: История и современные проблемы / [Отв. ред. Х.В. Туркаев]. М., 2006. С.207.

взрослым могли и молодые девушки. Во время работы и небольших перерывов женщины и девушки устраивали танцы, пели песни, шутили. Подобные помочи проводились и другими тюркоязычными женщинами Дагестана, – это такие, как вышивание – «*тохумек*» (терек.), «*тикмек*» (азерб.), изготовление платков – «*яхсай явлукъ*», «*чилле тастар*» (сев. кум.), льняных паласов – «*палас токуй*» (южн. кум.), «*гыйх*» (терек.), «*тахта палас*» (азерб.), войлочных изделий – «*арбабаиш*» (войлочный ковер), «*ямучу*» (бурка) (центр. кум.), носков – «*джураб тухуян*» (азерб.), шерстяных ниток – «*юн ийрейген булкъя*» (кум.), «*юн ип*» (азерб., терек.), расчесывание шерсти – «*юн тарайгъан булкъя*», «*юн булкъя*» (кум.), «*юн дараян*» (азерб., терек.).

Женские помочи проходили у всех одинаково. Обычно женщины собирались у кого-нибудь вместе и проводили время за работой, обмениваясь новостями. Одно из таких описаний женских помочей нам оставил А. Захаров, хорошо знавший жизнь и быт дагестанских азербайджанцев. В частности, он пишет: «Зимою женщины посещают друг друга. В татарских (азербайджанских. – М.Г.) деревнях существует обычай «мядашь». У какой-нибудь хозяйки накопилось много работы. Одна она не в состоянии окончить ее, поэтому, она приглашает помочь своих знакомых и соседок. За это хозяйка кормит их молочной кашей или яичницей с медом. Таким образом, женщины каждый день собираются то у одной, то у другой. Женщины ревниво соблюдают этот обычай, так как это дает им возможность собраться вместе и поболтать на свободе ...»¹. Когда к женщинам присоединялись девушки, то помочи проходили более оживленно и весело. Во время небольших перерывов они пели песни под «*гавал*», «*деф*» (бубен), шутили, угощались молочным супом, мучной кашей – «*хашил*», пили «*сирке душаб*», приготовленный из винного уксуса, с добавлением воды и сахара. Следует отметить, что подобного рода помочи проводились и у других народов Дагестана².

У кумыков на «*юн булкъя*» могли прийти и юноши, это было своеобразным местом для знакомства и общения молодежи. У южных кумыков на «*юн булкъя*» юноша мог попросить хозяйку дома подложить под шерсть понравившейся ему девушке колечко. Таким образом он давал знать о своих чувствах и серьезных намерениях. Существовало даже такое выражение: «*Юн булкъяда юзюк чыгъар суйгенге*» (На «*юн булкъя*» любимой колечко достанется). На «*юн булкъя*»

---

¹ Захаров А. Домашний и социальный быт женщин у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894.

²См.: Эльмурзаева А.Д. Указ.соч. С. 73-74.

проводились шуточные свадьбы с переодеваниями – «*Къатыным оьлген, къысыр тарыкъ*» (Жена умерла, нужна разведенная), пели шуточные песни. Собиралась кумыкская молодежь и на помочи по очистке кукурузы – «*гъабиждейбулкъа*»¹. Подобного рода помочи с участием молодежи проходили и у других народов Дагестана², за исключением, как мы уже отмечали выше, дагестанских азербайджанцев и ногайцев.

Участие в помочах требовало от работников полной отдачи сил и добросовестного выполнения порученного дела. Часто к взаимопомощи прибегали богатые общинники. Прикрываясь обычаем и чувством общинной солидарности, они бесплатно использовали труд бедняков на поле во время сельскохозяйственных работ, при строительстве дома и т.д. Традиция поддержки и взаимовыручки, характерная для большинства кочевников, сплачивала людей, способствовала укреплению дружеских уз, чувства коллективизма, так необходимых в непростых условиях кочевого быта.

instituteofhistory.ru

---

¹ Гимбатова М.Б. Указ. соч. С.178.

² См.: Никольская З.А. Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в. М., 1948. С. 113; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Ихтилов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 48,73, 124 и др.; Гаджиева С.Ш., Османов З.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 83; Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 1999. С. 106; Мусаева М.К. Взаимопомощь и её формы у хваршин // Вопросы общественного быта у народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 1987. С. 127; Эльмурзаева А.Д. Указ.соч. С. 31.

ГЛАВА 5. КРОВНАЯ МЕСТЬ

Одним из традиционных общественных институтов у ногайцев в исследуемый период был институт кровной мести. Он являлся одним из важных регуляторов общественных взаимоотношений в условиях отсутствия сильной законодательной власти, который просуществовал у ногайцев вплоть до начала XX века. Убийцу у ногайцев называли «*душпан*» (враг), «*кан ишкен*» (выпивший кровь), «*канлы яв*» (кровный враг). Подобные номинации для обозначения кровного врага существовали и у других тюркоязычных народов Дагестана. Так, например, у кумыков, дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекменцев его называли – «*душман*» (враг).

По обычаю кровная месть не осуществлялась внутри рода – мстили только чужому человеку. Убийства на почве кровной мести среди простых ногайцев были редки. Известный дагестанский этнограф А.И. Исламмагомедов, некогда изучавший общественный быт ногайцев XIX - начала XX века, объясняет это «спокойным, уравновешенным и миролюбивым характером ногайцев, отсутствием экономических конфликтов (земли было много, из-за нарушения границ и потравы пастбищ ссоры не возникали), строгим соблюдением норм общественного поведения и, наконец, характером быта (семейно-родственная группа жила замкнутой жизнью в своем ауле и мало общалась с представителями другого рода)»¹.

В исследуемый период обычай кровной мести наибольшее распространение получил в среде знатных ногайцев. Так, К. Сталь сообщает, что в «1847 году Тазаруков, бесленеевский дворянин, претерпел кровавую обиду от ногайского князя Карамурзина, подстерег его на р. Урупте и убил. Совершив убийство, Тазаруков с семейством бежал к кабардинцам. Ногайские князья, получив об этом весть, тотчас поскакали в аул Тазарукова и, не застав его дома, сожгли его сакли и хлеба»².

Обычно месть переходила из поколения в поколение, срока давности кровная месть не имела. Преднамеренное убийство тут же вызвало ответную меру – убийство виновного. Отомстить за кровь должен был самый близкий родственник по отцовской линии – родной брат, при его отсутствии – двоюродный, троюродный брат. Не

---

¹Исламмагомедов А.И. Общественный быт кумыков и ногайцев в XIX – нач. XX в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 705. Л. 43.

²Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // КС. Тифлис, 1900. Т. XXI. С. 118.

отомстить убийце, его родственникам считалось позором для семьи покойника. Мстили, прежде всего, убийце, а если ему удавалось скрыться от возмездия, то мстили самым близким родственникам преступника. Иногда от этого страдали ни в чем неповинные люди только потому, что они являлись родственниками убийцы. Бывали случаи, когда ногайские князья мстили не только одному человеку, а всей семье, оставляя их без крова. При этом страдали и простые ногайцы тех князей и мурз, которым мстили.

Бесконечная вереница взаимных убийств подрывала общество изнутри, поэтому в целях самосохранения оно выработало ряд способов прекращения этого бедствия. Этому требовали и изменившиеся социально-экономические условия жизни ногайцев. Таким образом, обычай кровной мести видоизменялся, приспособляясь к новым обстоятельствам. Если на ранних этапах развития ногайского общества действовал принцип «око за око», «кровь за кровь», то в XIX - начале XX века примирение сторон осуществлялось через уплату штрафа. Так, например, в Прощении кумыкских ногайцев, поданном в Комитет, учрежденный для определения личных и поземельных прав населения Кумыкского округа Терской области (1860 г.), говорится: «Если кто-либо убьет другого и родственники убитого, встретив убийцу, поймают его, они были вправе убить [последнего]. А если он убежит в какое-либо далекое место или пойдет и скроется [в доме] влиятельного человека, то, в случае просьбы людей, захотят простить [убийцу], прощали его, но взыскивали с него дият (штраф. – М.Г.). Иного же наказания не было»¹.

Уплата штрафа ложилась тяжким бременем не только на членов семьи убийцы, но и на весь его род. Штраф, цену крови («*кан тоьлев*») пострадавшей стороне выплачивали родственники убийцы. Размеры его часто зависели от влиятельности и многочисленности родни покойного. Обычно выкуп за кровь платили скотом, он мог составлять 10-20 баранов, 1 корову за убийство простолоудина, 200 коров за убийство узденя. По сведениям К. Сталя, «плата за кровь по шариату за убийство крестьянина 200 коров, за дворянина 400 коров. Цена крови князя разнится по фамилиям. Некоторые княжеские фамилии, например, Болотокова, учредили для себя цену за кровь невозможную к выплате»². Выплата цены крови скотом существовала и у других народов Дагестана³.

¹Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX вв.: (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала, 2007. С. 217.

²Сталь К.Ф. Указ. соч. С. 118.

³См.: Исламгагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. (XVIII – нач. XX в.). Махачкала, 2002. С. 378-380; Лугуев С.А. О кровной мести у лак-

У кумыков, дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекменцев цену крови выплачивали деньгами. У кумыков она называлась «алым», у дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекменцев - «шариат-ахча», «ган пулу» (азерб., терек.). Величина выплат в разных обществах была различной. Так, у северных кумыков семья убийцы платила 13 рублей¹, у жителей Бамматулинского владения «семья убийцы выплачивала пострадавшей стороне 10 рублей серебром, 5 четвертей пшеницы, 1 кусок шелковой и 1 кусок хлопчатобумажной материи»², в селении Тарки, в виду участившихся случаев смертоубийства, шамхал Мехти-хан приказал брать с семейства убийцы 300 рублей деньгами или другими вещами на означенную сумму³. У башлынцева убийца сперва платил «шариат-ахча» в размере 3-5 рублей, кроме того, одного быка в пользу управляющего селением и одного в пользу общества⁴, а с середины XIX века у них, у утамышцев и каякентцев алым устанавливали в пределах 40-60 руб. серебром. Кроме того, «дарили оседланную лошадь, ружье и полный боевой набор»⁵. У дагестанских азербайджанцев «цена крови» достигала 300 рублей⁶. У дагестанских терекменцев за неумышленное убийство вносили 3 руб. 30 коп., а за убийство с корыстной целью (убийство по подкупу, в целях ограбления) – *кара ган* (черная кровь) «в 7 и 14 раз больше против положенного за убийство обыкновенное»⁷.

Для жителей Андалальского общества в своде решений, обязательных для жителей Андалала (он датируется XVII в.), записано: «Если из наших один другого убьет, то с убийцы взыскиваются четыре быка...»⁸. Между жителями Казикумухского, Даргинского и Гунибского округов было выработано соглашение о выплате цены крови за убитого⁹. По этому соглашению, если мужчина одного округа, участ-

---

цев во второй половине XIX – нач. XX в. // Семейный быт народов Дагестана. Сб. статей. Махачкала, 1980. С. 79-80.

¹ Алибеков М. Адамы кумыков. Махачкала, 1927. С. 6.

² Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Законы вольных обществ Дагестана XVII – XIX вв.: Архивные материалы. С. 238.

³ Там же.

⁴ Адамы Дагестанской области и Закатальского округа. С. 694.

⁵ Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ, 1867. № 12.

⁶ Адамы Дагестанской области и Закатальского округа. С. 582.

⁷ Комаров А.В. Адамы и судопроизводство по ним // ССКГ. 1868. Вып. 1. С. 31.

⁸ Свод решений, обязательных для жителей Андалальского округа // Памятники обычного права Дагестана. XVII – XIX вв. Архивные материалы / Состав., пред. и прим. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 63.

⁹ Цит. по: Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) / Сост. А.С.Омаров. Махачкала, 1968. С. 55.

ника соглашения, убивал представителя другого (участника соглашения), виновный лично подвергался кровомщению или же платил за кровь 7 быков (4 руб. каждый), 7 кусков бязи (по 3,5 ханских аршина в каждом), а также одного быка в пользу общества убитого¹. Существовал он и у других народов Северного Кавказа. У ингушей цена крови достигала 130 коров и более, собираемых широким кругом родственников. «Цена крови» адыгского князя в XVIII –пер. пол. XIX в. колебалась от 6 до 8 тыс. быков, а тлхукотля (свободного крестьянина) – всего 160 быков. При этом следует отметить, что в эту «цену крови» князя входили и самые различные ценные предметы и снаряжения, начиная от кольчуги, кончая высокопородными лошадьми и конской сбруей². Чеченцы в большинстве своем отвергали примирение посредством выплаты «цены крови» и считали это большим позором. «Мы не торгуем кровью убитого», – нередко можно было услышать в Чечне³.

Позднее у ногайцев выкуп стали вносить деньгами. По сведениям информаторов, в исследуемый период в каждом ауле имелись большие весы, на одну чашу которых сажали убийцу, а на другую – родственники убийцы как по отцовской линии, так и по материнской клали серебряные монеты и украшения. Вес обеих чаш должен был сравняться. Все собранное отдавалась в качестве «кан тоблев» семье убитого. Если же семья покойного оставалась без главного кормильца, то убийца большую часть расходов по ее содержанию должен был взять на себя. Если в семье убитого имелись неженатые сыновья или незамужние дочери, то свадебные расходы ложились на плечи кровника.

После выплаты цены крови убийца мог оставаться жить в родном ауле. Только у терских ногайцев, живущих по соседству с чеченцами, кровная месть продолжала существовать вплоть до Октябрьской революции, они, как и чеченцы, не признавали выплаты штрафа за убийство.

Согласно морально-этическим установкам, выработанным ногайским обществом, запрещалось убийство обидчика из-за угла, со спины, внезапно без предупреждения. Убийство должно быть совершено

---

¹Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России (XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 123-124.

²Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 144.

³Калоев Б.А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи // КЭС. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М., 1989. Вып. IX. С. 144.

холодным или огнестрельным оружием. Убийство, совершенное другим предметом (палкой, камнем, плетью и т.д.), считалось подлым, недостойным мужчины – кровника. Время и место убийства тщательно продумывались. Запрещалось убивать во время месяца Рамадан, религиозных (календарных праздников), в людном месте. Категорически запрещалось выяснять отношения в доме у кого-либо или в общественных местах (в мечети, на свадьбе, похоронах, на базаре, во время праздника).

Запрещалось убивать обидчика спящим, трапезничающим, совершающим намаз, справляющим естественные нужды. При встрече с кровником правом первого удара, выстрела обладала потерпевшая сторона. Большим позором считалось убивать из кровной мести женщину, слабоумного, больного человека. Категорически запрещались надругательство над трупом, мародерство. Эти действия считались недостойными мужчины и резко осуждались обществом. Подобное приравнивалось к разбою и сводило на нет священный акт возмездия, негласно санкционированный обществом.

Особых правил поведения должны были придерживаться и родственники двух враждующих сторон. Согласно этическим нормам родственникам убийцы категорически запрещалось веселиться, шутить, развлекаться в присутствии родственников убитого, беседовать с кем-либо при них, смотреть им в глаза. При встрече с родственниками убитого в общественном месте родня обидчика должна была покинуть это место. Если они повстречались в пути, то родственники убийцы должны были беспрекословно уступить дорогу потерпевшей стороне.

Примирение кровников у ногайцев - «*ярасув*» имело много общего с обрядами примирения у других тюркоязычных народов Дагестана («*ярашув*» (кум.), «*барышмаг*» (азерб.), «*бахышламмаг*» (терек.), о чем свидетельствует почти одинаковый сценарий их проведения.

После того, как родственники убитого давали согласие на примирение, влиятельные люди, старейшины – аксакалы, кадий, князь – устраивали обряд лицезрения – «*бет коьруьв*» (ног.). Подобный обряд лицезрения проходил и у кумыков - «*бет гёрмек*», у дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев - «*уз гёргезмек*». Следует отметить, что до примирения убийца и его родственники по отцовской линии, их жилью находились под защитой влиятельных представителей джамаата.

Примирение кровников у ногайцев происходило обычно следующим образом: через несколько дней после похорон убитого почет-

ные и влиятельные люди данного аула – аксакалы, кадий, мурза или князь – устраивали обряд «лицезрения» – «*бет коьруьв*», во время которого враждующие стороны должны были несколько минут постоять лицом к лицу в 20-30 шагах друг от друга. Примиряющие размещались между ними, увещевая их прекратить вражду. Согласившись с этим предложением, обе стороны расходились по своим домам¹. Подобным образом обряд примирения проходил и у кумыков, наиболее подробно он описан М. Алибековым в адатах кумыков².

У терских ногайцев обряд примирения кровников проходил несколько иначе. К дому убитого направлялась процессия во главе со стариками – родственниками и самим убийцей, затем шли женщины, а за ними юноши и девушки. Во дворе убитого их встречали старшие родственники покойного, которые после многочисленных просьб могли простить убийцу. Бывали случаи, когда родственники убитого долго не прощали убийцу. Боль и горечь потери родного человека были настолько велики, что близкие убитого даже близко не допускали мысли о примирении. Если в просьбе отказывали, то в дом убитого приходили несколько раз, пока не получают прощения. Если родственники убитого не соглашались на примирение, то просительницами («*тилекши*») становились незамужие девушки, которым согласно этикету и установившимся традициям не отказывали. У ногайцев по этому поводу есть выражение: «*Кыз хайтер ак хайтер*» (Просьба девушки – святая). В данном случае просьба незамужних девушек расценивалась как просьба целомудренных, чистых созданий, будущих продолжательниц рода, хранительниц домашнего очага, которым нельзя было отказать в просьбе. Отказать в их просьбе было равносильно святотатству. По-настоящему убийца считался прощенным только после того, как его простит мать убитого. Кстати, у большинства народов Дагестана кровник первым долгом должен был попросить прощения у матери, подойдя к ней на четвереньках, стоя на коленях. Мать убитого дотрагивалась до волос убийцы и произносила: «Прощаю», только после этого виновного прощали все остальные родственники. У лакцев, кроме всего, мать должна была «пропустить через рубашку» убийцу. Это означало, что она его «рожает» и он как бы становится ей сыном. Схожий обычай существовал и у салатавских

---

¹Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – начало XX в. М., 1979. С. 131.

² См.: Алибеков М. Указ.соч. С. 8-9.

аварцев (сел. Гуни). У них во время примирения мать убитого давала убийце пососать грудь; это означало, что она как бы усыновляет кровника¹.

Один и другой варианты подразумевали установление молочного родства, усыновление потерпевшей стороной своего врага – акт предельно выразительный в плане характеристики личных качеств и ответственности женщины². Еще А.В. Комаров отмечал, что труднее всего уговорить к примирению женщин, особенно мать убитого³.

После получения прощения в знак примирения в доме убитого проводили совместную трапезу. Семья убийцы раздавала подарки детям покойного: одежду, обувь, отрезы на платье, платки. Если в семье убитого были малолетние дети, то семья убийцы в знак примирения просила отдать одного из детей на воспитание. Обычно семья покойного не соглашалась с подобным предложением, так как в случае смерти ребенка кровная месть могла возобновиться.

Если в семье убитого имелись дочь на выданье или неженатый сын, то обе семьи старались произвести обменный брак. Все расходы по организации свадьбы в этом случае брала на себя родня убийцы. На следующий день в знак примирения в доме убитого проводили совместную трапезу. После этого дня кровная вражда прекращалась, стороны теперь называли друг друга кровными братьями – «*кан кардаш*» (ног.). У кумыков породнившиеся на почве кровной мести назывались «*къан къардашлар*», у дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев – «*ган гардашлар*». Подобный обряд примирения кровников был известен и другим народам Дагестана⁴.

У ногайцев Терско-Сулакской низменности так же, как у их соседей кумыков, убийца обязательно должен был уйти из аула в канлы на 2-4 года. Обычно он скрывался в ауле другой группы ногайцев (таргу-ногаец мог убежать к костек-ногайцам и наоборот) под чьим-

---

¹ Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985. С. 324.

² Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С. 287.

³ Комаров А.В. Указ.соч. С. 33.

⁴ См.: Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX – нач. XX в. С. 84; Он же. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX в.). С. 89-90; Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. (XVIII – нач. XX в.). С. 380-381.

либо покровительством¹. До отбывания срока канлы на изгнанника распространялись самые разнообразные запреты. Он вел замкнутый образ жизни и всегда при себе имел оружие, не стригся и не брился, не участвовал в каких-либо торжествах, не появлялся в общественных местах. По окончании срока изгнания убийца просил разрешения вернуться в родной аул и назначения срока окончательного примирения – «*ярасув*». В этот день каждая сторона собиралась у себя. Обряд примирения должен был произойти перед заходом солнца². Представители джамаата вели убийцу и его близких родных в дом убитого босиком, засучив рукава и подвернув штанины. Родня, сопровождавшая убийцу, также была без шапок. Подходя к дому, все становились на колени и ползли на четвереньках навстречу семье потерпевших. Убийца первым подходил к самому старшему из рода убитого (брату, дяде и т.д.), который срезал с его головы прядь волос, тем самым освобождая его от траура по убитому, произнося: «Челом бейте не нам, а богу». Касание ножами бороды убийцы в знак прощения происходило в обряде примирения кровников и у карачаевцев³. Затем подходили к потерпевшим и били челом все родственники, сопровождавшие убийцу. Старший из родственников произносил: «Вставай, прощаем». Родня убийцы приводила с собой корову для угощения, а также коня убийцы, его кольчугу, шлем, оружие, что означало, что он больше защищаться не будет, а отдается во власть тех, сородича которых он лишил жизни. Обычай требовал, чтобы семья убитого возвращала убийце коня и доспехи. Прием убийцы и его родни в доме покойника был кратковременным, проходил без лишних слов. Аксакалы в это время вели разговор в основном о посторонних делах, о богоугодных поступках и т.д. Нередко женщины в другом помещении, вспоминая убитого, оплакивали его. После этого дня кровная вражда прекращалась, стороны теперь называли друг друга кровными братьями – «*кан кардаш*» и устанавливали между собою тесные взаимоотношения⁴. Подобный обряд примирения был известен и другим народам Дагестана⁵.

---

¹Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 131.

²Цит. по: Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 152.

³Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 213.

⁴Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 132.

⁵См.: Адаты южнодагестанских обществ. ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. С. 6; Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX – нач. XX в. С. 84; Он же. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало

Следует отметить, что случаи убийства среди ногайцев бывали редки. Джамаат силой общественного мнения регламентировал поведение и взаимоотношения общинников, предостерегая их от совершения преступлений. Обычай же кровной мести в условиях отсутствия сильной законодательной власти был тем инструментом, который сдерживал людей от совершения такого рода правонарушения, как убийство¹.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

XX в.). С. 89-90; *Исламмагомедов А.И.* Указ. соч. С. 380-381; *Гаджиева С.Ш.* Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала, 2005. С. 257-258.

¹*Исламмагомедов А.И.* Указ. соч. С. 380.

ГЛАВА 6. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ, ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Особое место в общественном быту ногайцев занимали общественные праздники. Их можно условно разделить на три категории: календарные, связанные с циклом сельскохозяйственных работ, религиозные и семейные.

Самым долгожданным и любимым праздником у ногайцев был «Навруз байрам» – праздник встречи весны. Отмечали его и другие тюркоязычные народы Дагестана, в частности кумыки, дагестанские азербайджанцы, дагестанские терекемеенцы. Под разными местными названиями его знали народы Южного Дагестана (Яран Сувар – лезгины, Эверчин, Эбельцен – табасаранцы, Эр – рутульцы, Эвелцан – агулы), лакцы (Интнил хху), аварцы и даргинцы некоторых селений¹. Навруз известен и многим народам мусульманского Востока, характерен праздник встречи весны и для многих христианских народов².

Отмечали праздник Навруз 21 марта в день весеннего равноденствия, который знаменовал собой и начало нового года. К встрече весны готовились задолго. Мужчины готовились к конным состязаниям, приводили в порядок место для игрищ, забивали столб «къязыкъ» высотой 15 м. В ожидании этого дня женщины убирались в доме, выносили старые вещи, вычищали, вытряхивали и проветривали войлочные изделия и т.д. В каждой семье готовили лучшие блюда ногайской кухни, которыми угощали гостей. Считалось, что чем щедрее окажутся хозяева дома, тем обильнее будет урожай в предстоящем году.

Утром 21 марта ребята ходили по аулу, держа в руках зеленые ветки кустарников, облепихи, подснежников и поздравляли односельчан с приходом весны. Процессия во главе с ведущим, который держал в руке шест, должна была посетить каждый дом, приветствуя и поздравляя хозяев с праздником весны, с наступлением нового года, даря им песни. Каждая семья должна была одарить детей сладостями и привязать к шесту ведущего платок. Содержание песни менялось в зависимости от того, кто проживал в доме. Если в доме жила бабушка, то песня была следующего содержания:

*Яз келди япан,
Тигилди кара шапан,*

Пришла весна.
Сшит черный халат,

---

¹См.: Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. М., 1988.

²См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

*Энди келди яз заман
Азан-Азан, шаьбден-шаьбден,*

*Навруз келди мубарек!
Уьй артында коьллер,
Какылдайды казлар,
Бизге явлык бермейды
Кеншек минен кызлар
Азан-азан, шаьбден-шаьбден,*

*Навруз келди мубарек!
Тур, тур анай, тур, анай,
Туьлки тонынъ кий, анай,*

*Бизге явлык бер, анай.
Азан-азан, шаьбден-шаьбден,*

Навруз келди мубарек! ¹

Уже пришла весенняя пора.
Азан-азан, подснежник, подснеж-
ник.

Навруз пришел, мубарек!
За домом озера,
Гогочут гуси,
Нам платок не дают
Невестки и девушки.
Азан-азан, подснежник-под снеж-
ник,

Навруз пришел, мубарек!
Вставай, вставай бабушка,
Надень свою лисью шубу,
бабушка,
Дай нам платок, бабушка,
Азан-азан, подснежник-подснеж-
ник.

Навруз пришел, мубарек!

Обычно в песне указывали имя хозяйки дома так, чтобы она его обязательно услышала и вышла из дома с подарками. Так, подойдя к дому молодой хозяйки, дети пели:

*Кетти кыстын токсаны,
Келди яздынъ бостаны,
Юз болды, яз келди,
Уьйрек пен каз келди,
Азан, Навруз куьни, мубарек.
Яз келди деп суьйининъиз,
Яз опырак кийнинъиз,
Ай, Айбийке, турып бак,
Ак сандыкка колынъ как,
Азан, Навруз куьни, мубарек.
Ай Куьнбийке, эсик аш
Наврузга шашув шаш,
Язлык берсенъ йылтырат,
Акша берсенъ сылтырат
Азан, Навруз куьни, мубарек ².*

Ушла зимняя 90-дневка,
Подошел летний огород.
Сто дней уже, пришла весна,
Утки и гуси прилетели.
Азан, день Навруза, мубарек.
Радуйтесь весне,
Одевайтесь понаряднее.
Ай, Айбике, встань-ка,
В белый сундук руку протяни,
Азан, день Навруза, мубарек.
Ай, Куьнбийке, дверь открой
На Навруз сделай подарок,
Весну дашь – заблестит,
Деньги дашь – загремит,
Азан, день Навруза, мубарек.

¹Если просите, спою.... Ногайские народные песни. С. 91.

²Керейтов Р.Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 103.

Хозяева должны были щедро одарить детей. Считалось, что чем щедрее они окажутся, тем обильнее будет урожай в предстоящем году. Подобными песнопениями, адресованными хозяевам дома, сопровождалась праздничные шествия в честь Навруз-байрама и у других тюркоязычных народов Дагестана¹. Так, например, дагестанские азербайджанцы пели:

<i>Эйеси эвдядеми?</i>	Дома ли хозяин?
<i>Гюмюш кямяр бельдеми?</i>	Серебряный ремень на поясе ли?
<i>Гюмюш кямяр вар олсун!</i>	Пусть будет у него серебряный пояс!
<i>Джиби долу нар олсун!</i>	Пусть карманы его будут наполнены гранатами!
<i>Верэнин оглу олсун,</i>	Кто нам подаст, у того пусть сын родится!
<i>Веръмэјенин гызы олсун,</i>	Кто не даст, у того пусть дочь родится, а назовут ее Фатима!
<i>Адыда Фатьма олсун!</i>	

Нечто похожее происходило и у табасаранцев. Парни, собравшись в группу, ходили по дворам с горящими головнями в руках и собирали продукты. Если чьё-либо подношение их не устраивало, то на воротах этого дома сажей рисовали крест, что означало – «чтоб вам пусто было»².

Подарки должны были быть щедрыми, иначе в следующем году дети могли вставить в песню слова, высмеивающие хозяйку. На поведение детей взрослые не обижались, ведь это был единственный день в году, когда им позволялось сказать все, что они думали о взрослых, конечно же, соблюдая рамки приличия.

Поздравления с весной содержали и благопожелания. Так, ребята, подходя к дому работников, пели:

<i>Навруз йырлай келдик биз,</i>	Распевая Навруз, пришли мы
<i>Ишиллердинъ эсигине.</i>	к дверям работников.
<i>Наьрик улы Шорадай,</i>	Как у Нарика сын Шора,
<i>Баьтир берсин бесигине</i> ³ .	Чтоб для люльки родился богатырь.

¹ Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана. (XIX – начало XX века). Махачкала, 2014. С. 238-239.

² Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И. Быт и культура табасаранцев в XIX – XX веках. Махачкала, 2004. С. 214.

³Шора сын Нарика – главный герой ногайской поэмы «Шора батырь».

Песня встречи весны у кубанских ногайцев и степных в целом схожа. Правда, имеется и некоторое отличие. В песне у степных ногайцев поется:

Яз келди япан

Тигилди кара шапан

Пришла весна

Сшит черный халат.

У кубанских же ногайцев в тексте указывается на их занятие земледелием:

Яз келди, япан

Тигилди ерге сапан

Пришла весна,

Плуг приставили к земле.

Обрядовые песни, посвященные празднику весны, содержали пожелания односельчанам радости, счастья, надежды, благополучия.

Обойдя всех жителей аула, процессия направлялась к месту, где должны будут проходить массовые гулянья. Шест с платками вбивали в землю на видном месте. Постепенно жители аула собирались в условленном месте, каждая семья со своими продуктами и посудой (чашками, ложками) направлялась на майдан (поле, где будет проходить праздник). Здесь же забивали предназначенный для праздника скот, варили в нескольких котлах «уьйре» - жидкую кашу из проса, приправляли ее кислым молоком «ювырт» и толченым чесноком¹. Тем временем дети, расположившись в поле, поедали собранные сладости. Перед началом праздника на поляну пригоняли коров, там же их доили и всех присутствующих угощали молоком. Старейшина аула, взяв в руку пиалу с молоком, обращался лицом к солнцу и произносил пожелания, несколько капель молока выплескивал. Молоко в этот день считалось главной пищей. Затем на поле приводили коня, и старейшина обливал копыта коня водой и при этом произносил следующие слова: «*Атынъ юрик болсын. Сувда юрик болсын*» («Чтобы конь был быстрым даже в воде»). Следующей вели корову, ей копыта обливали молоком, приговаривая: «*Сыйырынъ сьтли болсын*» («Чтоб корова молоко давала»). Последним вели барана. Ему копыта обмазывали маслом и говорили: «*Койынъ майлы болсын*» («Чтобы баран был жирным»).

После совершения этого обряда мулла произносил молитву и люди, разложив продукты, принесенные с собой, и получив свою долю уьйре, приступали к совместной трапезе. В некоторых селениях вме-

---

¹Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб., 1999. С. 169.

сто этой каши варили рисовую кашу, заливая ее сладкой водой «*сербет су*», приготовленной путем растворения в обычной воде сахара. При этом до употребления ее в пищу присутствующие бросали туда серебряные украшения¹. После угощения начинались развлечения: песни, танцы, игры. Среди молодежи были популярны спортивные состязания. Так, ни один праздник не обходился без конных скачек. К скачкам готовились заранее. Отбирались лучшие скакуны, специально по случаю предстоящего праздника изготавливали седла, меняли подковы и т.д. Победившему на скачках в качестве приза преподносили живого барана.

Упражнялись и в заарканивании лошади: животное водили по кругу, стоящий в центре круга должен был забросить на шею коня петлю. Самый ловкий получал приз. Обычно в этом виде соревнования состязались дети 10-14 лет.

Забавой молодых считалось лазание на «*къазыкъ*», на котором висели различные призы: петух в клетке, платки, кисеты и пр. Каждый мог забраться на столб и выбрать понравившуюся вещь.

Проводились и коллективные состязания. Так, молодые люди разбивались на две группы и соревновались в перетягивании каната «*Аркан тартув*» (букв. перетягивать аркан), в стрельбе из лука - «*ок атув*». Подобные соревнования в праздничные дни проходили и у кумыков².

Любимым видом состязаний у ногайцев была борьба «*куърес*». «Борьба происходит таким образом: зрители садились в кружок, на середину выходят два состязателя, сбросивши с себя лишнее верхнее одеяние и даже сапоги, чтобы тверже упираться ногами за ремни, которыми крепко опоясаны и стараются повалить один другого на землю. Если бойцы равносильны и одинаково ловки, то случается, что они прохаживаются в кружке целых полчаса, пока наконец один из них не изловчится и не повалит другого при общих одобрительных отзывах толпы. Победитель затем садится в середине круга и вызывает нового противника. Поборовший охотников раза два или три получает заранее определенный приз...»³, – писал А.О. Рудановский, наблюдавший в сер. XIX в. за ходом борьбы во время праздника.

Согласно правилам борьбы «*куърес*» разрешалось, оторвав противника от ковра, взять его на бедро и произвести бросок на спину

Там же.

²Гимбатова М.Б. Указ. соч. с. 243.

³Рудановский А.О. О Караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ, 1863. № 49. С. 318.

или на бок без отрыва рук от пояса. Характерной особенностью борьбы является также наличие в ней разнообразных приемов – различных подножек и зацепок, бросков стоя и с падением, многочисленных поворотов и «кружения» противника¹. Победить в *куьресе* было весьма почетно. Кстати, подобные борцовские схватки устраивались у кумыков – «*йигышув*» (кум.), азербайджанцев – «*кюлешме*»².

Непременным условием для соревнующихся было соблюдение спортивных правил. Согласно им участники соревнований должны были вести честную борьбу. Например, не позволялось в *куьрес* использовать недозволенные приемы, нападать на противника сзади, обмазывать тело жиром, дабы затруднить применение различных приемов борьбы, сознательно применять болевые приемы или приемы, опасные для жизни, продолжать поединок с обессилевшим противником. За нарушение спортивных правил не только отстраняли от дальнейшего участия в них, но и осуждали.

В конных состязаниях также существовал ряд этических норм, за нарушение которых могли назначаться штрафы, а за грубые нарушения спортивных правил участника соревнований могли снять с дистанции. Так не допускалось сокращать дистанцию, подрезать бегущего скакуна, выбивать из седла всадника, наносить увечья бегущей лошади соперника и т.д.

instituteofhistory.ru

По-своему развлекались и самые маленькие участники праздника. Для малышей специально устраивали показ кукольного театра «*Оьртеке*». Куклы по способу управления относились к типу вертепных. И создателем кукол, и рассказчиком, и музыкантом был один человек. Его появление ожидали все присутствующие на празднике. Дети с нетерпением ждали начала представления. Сценой для кукольного театра служил деревянный ящик, украшенный национальным орнаментом. К ящику закреплялись спицы, на которые были насажены деревянные фигурки старика в овчиной шубе и папахе и старухи в ногойском традиционном женском костюме, а между ними находилась фигурка козлика. К спицам прикрепляли козьи жилы, которые соединялись с пальцами домбриста. Стоило музыканту коснуться струн домбры, как фигурки начинали подпрыгивать, что вызывало восторг у детей. Домбрист разыгрывал различные комические бытовые сцены: старик со старухой спорили, мирились. Часто зачинщиком споров яв-

---

¹Калмыков Б. Самобытные физические упражнения у тюркских народов // Половецкая луна. Черкесск, 1994. № 1/8. С. 131.

²Гимбатова М.Б. Указ. соч. С. 243.

лялся маленький козлик. Иногда старик со старухой изображали жадных богачей, и тогда посмотреть «обртеке» приходили взрослые.

Являясь одним из элементов зрелищных мероприятий, оьртеке прочно вошел в праздничную культуру ногайцев. Вертепные театры были широко распространены и в Польше, затем они проникли на Украину, в Белоруссию и в Россию¹. Подобные развлечения с деревянными куклами существовали и у аварцев².

Праздничное настроение у людей создавали музыканты. Вокруг них собиралась молодежь, которая пела песни под домбру. Песенные состязания под домбру назывались «саз». Каждый участник праздника должен был в полной мере проявлять свои возможности и талант для поддержания хорошего настроения и веселья у остальных участников торжества. Дурным тоном считалось, когда человек, имеющий музыкальные способности, отказывался петь или играть на инструменте.

Участник песенного состязания должен был, играя на домбре, спеть как можно больше куплетов. Например:

*Он эки берне домбрам
Берши меним колыма.
Тотыгыстай таралып,
Шыкшы меним йолыма*

12 ладов на домбре моей
Передай мне в руки.
Распустившись, как павлин,
Выйди на мою тропу.

*Он эки берне домбрам
Кайсы сазым шалайым?
Баьринъиз де аьруьв кыз
Кай биринъди алайым*

12 ладами на домбре моей
Какую сыграть мелодию?
Все красивые девчата.
Какую же из Вас выбрать,
не знаю.

*Домбрам бавы алтын шек
Ойнатканым келиншек
Келиншекке бармага
Оьзим солай эриншек*

Золотые струны моей домбры
Сыграют для любимой,
А идти к любимой
Мне самому лень.

---

¹Свод этнографических понятий и терминов. Вып. IV. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М., 1991. С. 128.

²Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – нач. XX в. С. 112-113.

*Кунбаттар бет каранъа
Явдыма экен бийдайга?
Не этсе де разымыз
Кудиретли кудайга.*

На западе потемнело.
Пошел ли дождь для пшеницы?
Что бы ни сделал, благодарны,
Всевышний, тебе.

*Ямгыр явсын, ашылсын,
Арпа, бийдай шашылсын,
Бизди тапкан ата мынан анайга
Еннет капы ашылсын.*

Пусть польет дождь и прояснить-
ся (небо),
Ячмень и пшеницу посеем,
Родившим нас родителям
Пусть откроются врата рая.

В песенных состязаниях ногайские женщины не участвовали, как не участвовали и в других видах музыкальных и спортивных состязаний. Хотя имеются многочисленные примеры того, как женщины у кочевников Средней Азии, не желая ни в чем уступать мужчинам, вступали с ними в песенные и спортивные состязания. В частности, у казахов на крупных торжествах и годовых поминках в таких видах развлекательной программы, как поединки на пиках, конная и пешая борьба, а также скачки, обязательно выступали и женщины. При этом женские состязания ни по правилам, ни по снаряжению, ни по ритуалу ничем не отличались от соответствующих мужских номеров программы и носили подчас не менее острый и драматичный характер¹.

Гулянья продолжались до вечера. Вечером взрослые расходились по домам, а молодежь оставалась допоздна, проводя время в играх.

Популярной игрой, в которую обязательно играла в эту ночь молодежь, была «Ак сукъ» (Белая кость). Все играющие делились на две команды; арбитром выбирали человека, которому доверяли обе стороны. Играющие команды поворачивались спинами к арбитру, и он бросал куда-то, в известном ему направлении, бабку крупного рогатого скота или малую берцовую кость барана. По его знаку все поворачивались к нему и отправлялись искать «белую кость» в указанном им направлении. Когда кто-то находил ее, он сообщал об этом членам своей команды, стараясь сделать это так, чтобы не услышали представители другой команды, что редко удавалось. Удачливого игрока блокировала его команда, чтобы не потерять кость, которую пытались отнять противники. Если удавалось ее донести до условного места, команда выигрывала очко. Играли до тех пор, пока одна из ко-

---

¹Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Историко-этнографические очерки. Л., 1984. С. 171.

манд не выигрывала условленное количество очков. Выигравшая команда получала приз – барана, который ей давали проигравшие¹. Игра по таким же правилам существовала у монголов², тувинцев³, бурят⁴, туркмен, гагаузов, латышей⁵.

Помимо этой игры играли еще и в лапту «*Къашар топ*», в прятки «*Ясырынпак*». Подобные развлечения в дни праздников устраивали и другие тюркоязычные народы Дагестана. Так, у дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев играли в «*Гизлян баджи*» (прятки), «*Топ таяк*» (лапта), «*Хоруз гёзю*» (букв. петушиный глаз), у кумыков - «*Эшек оюн*» (букв. игра в осла), «*Чонкъ-топ*» (наподобие игры в гольф), «*Ашыкъ*» (альчики).

Навруз праздновали в течение трех дней. На четвертый день после Навруза, если позволяла погода, ногайцы выгоняли скот со двора со словами: «*Озюнге ырызгыды ерден изле*» (Себе пропитание на земле ищи).

К разряду общественных праздников относится и весенний праздник «*Тепреш*». Согласно нашим полевым материалам, кумские ногайцы отмечали его в апреле – мае, перед Пасхой. Кстати, кубанским и степным ногайцам он был не известен. Инициаторами его проведения выступали женщины, а участниками – незамужние девушки и дети. Суть праздника заключалась в том, что за день до Пасхи девушки катали крашеные яйца с пригорка Адыр, а дети ловили их, очищали и съедали. Участвовали в этом празднике только девушки, объясняется это тем, что они олицетворяли собой женское начало, а яйцо символизировало возрождение жизни. Кстати, такую же обрядовую функцию яйцо выполняло и в весенних обычаях у большинства народов Европы⁶.

Кумские ногайцы связывают появление этого праздника с соседством с казаками. Ногайцы полагали, что если крашеная яичная скорлупа кумских ногайцев упадет на землю раньше, чем у русских, то скота у них будет больше.

---

¹Булатова А.Г. Указ. соч. С. 171.

²Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989. С. 254.

³Вайнштейн С.И. К истории ранних форм семейно-брачных отношений (ойтулаш у тувинцев) // СЭ. 1964. № 2. С. 124.

⁴См.: Шагдаран С.Д., Очиров В.Д. Игры и увеселения агинских бурят // ЗИРГО по отд. Этнографии. Т. 34. СПб., 1909.

⁵Игры народов СССР // Сб. м-ов / Соств. В.Н. Всеволодский-Чернграсс. М.-Л., 1933. С. 447-449.

⁶Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 164.

Катание крашенных яиц с горки и употребление их в весенний период было известно и другим народам, в частности, лезгинам, агулам, табасаранцам, рутульцам, цахурам¹. Подобная игра существовала и у узбеков².

Другим большим весенним праздником был праздник первой борозды «*Сабантой*» (букв. свадьба плуга), открывавший новый сельскохозяйственный год. Его отмечали кубанские ногайцы, занимавшиеся помимо скотоводства и земледелием. В Ногайскую степь он был привнесен гораздо позже, но, несмотря на это, праздник первой борозды прочно утвердился и у степных ногайцев. Он был одним из самых значимых и у многих дагестанских народов³.

Определенной даты проведения «Сабантоя» в году не существовало, отмечали его в зависимости от погодных условий. Существовал ряд народных примет начала пахоты, главной из которых являлось появление на земле демонического существа «*Емире*». По поверьям, он никогда не попадает на глаза людей, оживает и появляется ранней весной, а зимой – отдыхает. Его появление способствует нагреванию воздуха, земли, таянию льда. По поверьям, с появлением Емире можно начинать весенние сельскохозяйственные работы, выгонять скот на летние пастбища «*яйлак*». Уже по тому, что земля выпускала пар, в народе говорили: «*Ерге емире тусту, сабанды йибермеге болады*» (Емире уже в земле – можно пускать плуг)⁴.

Степные ногайцы пользовались другим методом установления срока пахоты: они следили за положением солнца. Как только лучи солнца проникали через верхнее отверстие юрты внутрь жилища, можно было приступать к пахоте. Первую вспашку совет старейшин поручал провести опытному землепашцу, известному своей хозяйственностью. Пахарь должен был быть обеспеченным человеком, т.к. после первой вспашки он нес все расходы по угощению участников праздника. Для этого торжества специально готовили обрядовую кашу «*сабан ботка*» (букв. плужная каша). Кашу готовили из проса с

¹Булатова А.Г. Указ. соч. С. 141, 145, 157.

²Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 206.

³См.: Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Тифлис, 1927; Шамова В.А. «Кубахруми» – праздник первой борозды. Махачкала, 1960; Османов М.О. Сельскохозяйственный календарь и аграрные культы // Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Агларов М.А. О происхождении календарного праздника «выход плуга» // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 27-28; Булатова А.Г. Указ. соч. С. 35-53.

⁴Керейтов Р.Х. Указ. соч. С. 109.

добавлением кусочков сушеного мяса. Ее приготовление поручали многолетней домовитой женщине.

На празднике первой борозды присутствовали все пахари (сабаншылар) аула, женщины, дети и гости. Пахоту в аулах старались проводить поочередно, чтобы на празднике могли присутствовать и люди из соседних аулов. Организаторами торжества выступали совет старейшин аула и муллы. На совете старейшин выбирали «хана» – главу и распорядителя предстоящего праздника. «Ханом» избирали мудрого и уважаемого старика с организаторскими способностями. Обязательным условием было наличие у «хана» густых волос на голове и густой бороды, что предвещало обильный урожай. Хороший урожай в конце года считали заслугой «хана», и за это ему преподносили подарок.

Пахарей и плуги обливали водой, чтобы на мягкую землю легли добрые семена, дали хорошие всходы и богатый урожай. Здесь же готовили ритуальную еду «кьюырдакъ», «боткъа», «бесбармакъ» и угощали всех присутствующих.

На празднике проводились самые разнообразные конные состязания: «*Ат шабыс*» (скачки на длинные дистанции), «*Кунан шабыс*» (скачки на короткие дистанции), «*Йорга шабыс*» (скачки на иноходцах), «*Ат егу*» (упряжка коней), «*Ат омырауластыру*» (вытеснение на конях из круга).

Интересно проходил «*Улак тартыс*» – козлодрание. Участники этого соревнования стремились на скаку, используя силовые приемы, завладеть тушей козла и прибыть к финишу. Часто бывало так, что во время этой игры туша могла стать добычей нескольких всадников, но только один становился победителем, которому в качестве приза и доставался оспариваемый козел.

На празднике стремились показать не только умение управлять лошадью, быть хорошим наездником, но и силу, ловкость, меткость. Соревновались в толкании камня – «*Тас ату*», в стрельбе из лука – «*Ок ату*», в поднятии тяжести – «*Аурлыкты коьтерув*».

Помимо спортивных состязаний устраивались и песенные. Дети организовывали собственные развлечения, ребята разводили костры, устанавливали качели для девушек.

«*Сабантой*» продолжался несколько дней, переходя из аула в аул, куда обязательно приглашались гости из соседних аулов.

Другим весенним праздником был «*Ковкек байрам*». Отмечали его в апреле, когда природа оживала, прилетали птицы, наступало настоящее весеннее тепло. Устроителями данного праздника высту-

пала молодежь. Договорившись о дне проведения праздника, ребята надевали шубы шерстью наружу и ходили по домам, распевая обрядовую песню «Коекек»:

*Коекек баьтир уйидеме кен?
Иер турманы шуьидеме кен?
Ак шал аты бавдама кен?
Бавда болса, кисинесин,
Куйрыгын-ялын тислесин.
Куйрыгын-ялын яппага,
Кызыл ширги ярасар.
Кызыл ширги уьстине
Куьмис иер ярасар.
Коекек баьтир колына
Алтын камышы ярасар.
Как-как этейим,
Яркай берсенъ кетейим
Аласамды токтатпа,
Эсигинъ алдын токлатпа.*

Коекек батыр дома ли?
Седло, сбруя висят ли?
Белый конь в саду ли?
Если в саду, пусть ржет,
Пусть покусает свою гриву и хвост.
Чтобы закрыть хвост,
Красный потник подойдет.
Поверх красного потника
Серебряное седло подойдет.
Рукам Коекек батыра
Золотая плеть подойдет.
Как-как скажу
Дашь яйцо – уйду.
Не задерживай моего коня,
Не давай ему пачкать твой порог¹.

По мнению Р.Х. Керейтова, данный праздник не что иное, как колядование, т.к. налицо все его атрибуты – шуба, вывернутая наизнанку, представляемый конь, на котором ездит богатырь, песни, шутки, яйцо как символ плодородия, выращиваемый колядующими².

Время возникновения данного праздника «Коекек» связывают с домусульманским периодом жизни ногайцев. В обрядовой песне «Коекек» не упоминаются Аллах, Кудай, что свидетельствует о глубоких домусульманских корнях этого праздника.

В каждом доме ребят одаривали сушеным мясом, яйцами, хлебом, сыром, сладостями. Все продукты складывали в мешок. Обойдя весь аул, ребята направлялись за столицу. Расположившись на полянке, дети поедали собранные продукты, после чего веселились, устраивали различные состязания, игры.

Значительное распространение среди ногайцев получили мусульманские религиозные праздники – «Ораза-байрам», «Курбан-байрам», «Ашура». Ислам в традиционном ногайском обществе имел огромное значение. Для каждого мусульманина праздничным днем считалась и пятница (юма), так как по поверью в этот день Аллах со-

¹Если просите, спою.... С. 90.

²Керейтов Р.Х. Указ. соч. С. 116.

здал человека и в этот же день родился пророк Мухаммед. К пятнице ногайцы готовились заблаговременно. Уже в среду вечером обязательно делали уборку, мылись, меняли белье, в четверг поминали умерших родственников. Хозяйка дома пекла ритуальные пышки (баурсак), варила калмыцкий чай и приглашала соседей на юма шай (букв. пятничный чай). На подобных мероприятиях люди отдыхали, общались, все разговоры носили в основном религиозный характер. Старики говорили о жизни, наставляли молодых, учили жить так, чтобы каждый прожитый день был не напрасным, при этом произносили следующие слова:

Бу дуныяга куллык эт,

Пина каламан деп.

Ахыретке куллык эт,

Буь куьн алсань, аьзирмен.

Делай добро для земной жизни,

Как будто ты бессмертен.

Делай добро для того, чтобы попасть в загробный мир.

Если забереешь меня сегодня (если призовет к себе Аллах. – М.Г.), я готов.

Таким образом, ногайцы постоянно вспоминали своих предков, которые, по их представлениям, способны оказывать прямое и существенное воздействие на жизнь и состояние дел живых, и потому заслуживают большего почитания, нежели живые.

Большое распространение среди ногайцев имели и мавлиды, посвященные различным религиозным датам, например, дню рождения пророка Мухаммеда, которые продолжались в течение всего мусульманского месяца Раби Аль-авваль. На подобных мероприятиях проводились коллективные моления, совместные трапезы, беседы на религиозные темы.

В прошлом люди сами организовывали свой досуг, стараясь как можно рациональнее использовать свободное от работы время. Чаще для отдыха и развлечений люди использовали коллективные формы досуга, которые они организовывали не только для того, чтобы просто провести время, но и для обмена информацией, знаниями, опытом.

С завершением сельскохозяйственных работ и с наступлением зимы у ногайцев было принято проводить коллективные посиделки. В исследуемое время для кубанских ногайцев излюбленной формой совместного досуга зимой было проведение обряда «кезбе боза» (букв. буза по очереди). Смысл этого обряда заключался в том, что мужчины-ровесники квартала выбирали из своего круга главного «бо-

за агасы» (букв. старший бузы) и вечерами собирались в доме у каждого по очереди пить бузу. Здесь мужчины обменивались новостями, шутили, пели песни. Молодежь не допускалась к подобным мужским мероприятиям.

Первым принимал гостей и угощал бузой боза агасы (букв. брат бузы). Собравшись, мужчины подходили к дому и пели:

*Боза, боза, боза ды,
Боза сувдан таза ды,
Эрбегей шоптинъ басы ды,
Эрлердинъ суйип ишкен асы ды.
Боза таппай, харам деп,
Афендилер азады! ¹.*

Буза, буза, да будет буза,
Буза чище воды.
Она любимый напиток мужчин.
Не найдя бузы, объявляя ее
запретной,
Эфенди худеют!

Во время распития бузы существовали свои правила. Так, согласно им первым пригубить напиток должен был сам боза агасы. Он произносил свои пожелания и передавал «*тостакай*» (специальная посуда для хмельных напитков) с бузой сидящему справа от него, который считался вторым после боза агасы лицом, а тот, в свою очередь, передавал следующему по рангу, то есть сидящему слева от боза агасы, затем чаша передавалась по кругу всем остальным².

На дно тостакая специально клали маленькую палочку. Когда человеку вручали кубок, то ему приказывали: «*Вынь занозу!*». Пьющий бузу должен был поймать ее губами, кому не удавалось этого сделать, тот должен был спеть песню и пригласить домой на бузу. Аналогичный обряд бытовал у киргизов (*жоро бозо*)³ и кумыков (*боза йыр*)⁴. Следует отметить, у степных ногайцев обряд кезбе боза не сохранился. Кстати, у кумыков, помимо *боза йыр*, существовали еще и мужские посиделки - «*лакъу*», которые проходили так же, как и ногайское кезбе боза. Правда, вместо бузы кумыки пили «*чагыр*» (вино). Зашедшего случайно к столу не приглашали, но отведать вина предлагали. Первую чарку – «*къонакъ аякъ*» – без тоста, вторую – «*гезик аякъ*» – с закуской, а третью – «*оьзенги аякъ*» – за стремя, т.е. на пошонок. Затем прибывшему говорили: «*Гёрсет балта къысдырылгъан*

¹Сикалиев А.И.-М. Указ. соч. С. 70.

²Керейтов Р.Х. Указ.раб. С. 132.

³Симаков Г.Н. Указ. соч. С.160-161.

⁴Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн.2. Махачкала, 2005. С.312.

ерин!» (Покажи место, где у тебя находится топор!), т.е. сзади, за поясом. Это означало, что ему следует покинуть компанию¹.

Мужские увеселительные собрания были характерны для многих народов. В свое время они были зафиксированы исследователями культуры и быта народов Закавказья, Северного Кавказа, России, стран Западной Европы, Восточной Азии и др. В недавнем прошлом изучением мужских союзов горцев Кавказа занимался Ю.Ю.Карпов², а этикетом и нормами поведения в мужских объединениях горцев Дагестана – С.А. Лугуев³.

Одной из форм проведения досуга у молодежи являлись посиделки. У девушек они назывались «*басланув*» (от слова «баслан» – начинать). Присутствие юношей на девичьих посиделках не допускалось. Девушки, заранее договорившись, собирались в доме у одной из подруг и приносили с собой продукты, мелкую работу. На подобных посиделках девушки успевали и поработать, и отдохнуть. Девичьи посиделки могли посещать и молодые женщины, которые помогали девушкам осваивать навыки рукоделия, кулинарии. Подобные девичьи посиделки проводились у оренбургских ногайцев⁴, были они известны и киргизам⁵.

На посиделках, когда девушки оставались в узком кругу, любили гадать на замужество. Гадали на орешках, камушках, бусинках, альчиках, т.е. на том, что может укатиться. Девушки заранее определяли, у кого какая бусинка (орешек, камушек, альчик), затем одна из них трясла предметы в руках и бросала на ровную поверхность. Чья бусинка дальше других покатится, та и выйдет первой замуж. Подобные девичьи развлечения были характерны и для других тюркоязычных народов Дагестана. Особенно они были распространены среди дагестанских азербайджанок. Вот что по этому поводу писал А. Захаров: «Одно из любимейших занятий молодых девушек (дагестанских азербайджанок. – М.Г.), когда они собираются вместе, составляет гадание. Оно состоит в том, что одна из девушек, собрав у присутствующих разные вещи, как например: кольца, ключики, монеты и т.п., прячет

---

¹Гимбатова М.Б. Указ. соч. С.247.

²См.: Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

³Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). Махачкала, 2006.

⁴Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском ун-те. Казань, 1895. Т. 12. Вып. 1-3. С. 44.

⁵Симаков Г.Н. Указ. соч. С.189.

их в мешочек или завязывает в платок, который и кладет посредине круга, составленного девушками. Здесь же она сажает маленькую девочку, лицо которой закрывает платком. Девушки по очереди поют куплеты, и после каждого пропетого куплета девочка вынимает какую-нибудь вещь, принадлежащую одной из присутствующих девиц. По пропетому куплету девушки угадывают судьбу»¹.

С этой же целью вечером, в последнюю среду перед Навруз-байрамом, молодые азербайджанки выходили на улицу и подходили к чужим окнам, воротам и слушали, какое поручение хозяин даст своим домочадцам. Если он скажет: «*Къапыны орт*» (Закрой дверь) или же: «*Пенджерени орт*» (Закрой окно), то это означало, что девушка в этом году замуж не выйдет, а если: «*Къапыны ач, пенджерени ач*» (Открой дверь, открой окно), то выйдет замуж в ближайшее время².

Южные кумычки гадали с помощью спичек разной длины, вытянувшая самую короткую якобы должна была выйти замуж раньше своих подруг³.

Центральные кумычки брали в руки немного фасоли, кукурузы, гороха и трясли в ладонях, затем бросали их на ровное место и распределяли по парам, если без пары оставалось хоть одно зернышко, то это означало, что девушка в этом году замуж не выйдет⁴.

У кубанских ногойцев одной из форм проведения совместного досуга был обычай собираться у постели больного, называемый «*Шавшеке*». У степных ногойцев подобного обычая не было. Вероятнее всего, у кубанских ногойцев он появился под влиянием северокавказских народов. Обычай собираться у постели больного существовал у кабардинцев под названием щЮпщакЮэ, у черкесов – щЮапщэ, у адыгейцев – кЮапще⁵. Этот обычай был также известен абхазцам⁶, карачаевцам⁷, балкарцам⁸ и абазинам⁹. В XVIII в. элементы

---

¹Захаров А. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 121.

²Гимбатова М.Б. Указ. соч. С. 251.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Там же. С. 96.

⁶Джанашия Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. С. 79; Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. С. 212.

⁷Народы Кавказа (сер. «Народы мира»). М., 1960. С. 264.

⁸Лавров Л.И. Из поездки в Балкарию // СЭ. № 11.Л., 1939. С. 178.

⁹Лавров Л.И. Абазины (Историко-этнографический очерк) // КЭС. Труды Института этнографии. М., 1955. Нов. сер. 26. Т. 1. С. 35.

«шаьвшеке» зафиксированы С.Г. Гmeliным у кайтагцев в Дагестане¹.

Основная цель *шаьвшеке* заключалась в том, чтобы отогнать злых духов, мешающих выздоровлению больного. Юноши собирались в доме больного, чтобы облегчить его страдания, развеселить, поднять настроение и тем самым ускорить выздоровление. Обнаружив этот обряд у северокавказских народов, Л.И. Лавров писал: «Еще недавно адыгейцы и кабардинцы устраивали у постели раненого (а также пострадавшего от всякой серьезной физической травмы) шумные игры с музыкой, пением и театрализованными представлениями ряженных»². При этом они прибегали к разным магическим способам, чтобы оградить больного от общения с лицами, имеющими порочную репутацию³. У кабардинцев бытовало мнение, что во сне больной не защищен от злых духов и потому у постели больного день и ночь должны находиться люди, не давая ему заснуть⁴.

З.М. Налоев отмечал, что «щЮпщакую» – это обряд, который устраивался при тяжелобольном с целью пользуеть его. Больной, как правило, лежал в кунацкой, куда ежевечерне стекались веселые люди, девушки, юноши, подростки, зрелые мужчины и носители смеховой культуры, джегуко. Обряд с перерывом на световой день длился до тех пор, пока больной находился в опасности⁵.

Подобный обычай существовал и у черноморских казаков. И.Д. Попко в середине XIX в. писал, что в Черномории «раненому не давали спать около трех суток; у его изголовья стучали в бубен и пели боевую песню. Лежал ли он на биваке или в курене, пред его глазами раскладывали огонь, блеск которого облегчал тоску, какая чувствуется от потери крови и избытка телесных страданий. Пуще всего не допускали к нему людей с дурным глазом и с излишней, если угодно, восприимчивостью»⁶.

Любимым развлечением ногайских детей были командные игры, которые в большинстве случаев носили состязательный характер, построенные на соперничестве. Такие игры организовывались между

---

¹Гмелин С.Г. Путешествия по России для исследования трех царств естества. СПб., 1784. Т. IV. С. 97.

²Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии. М., 1959. Нов. сер. Т. LI. С. 223.

³Лавров Л.И. Историко-этнографические мелочи // Сборник статей по этнографии Адыгей. Майкоп, 1975. С. 270.

⁴Бабич И.Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995. С. 63.

⁵Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 5.

⁶Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 165-166.

детьми из соседних улиц. Играли в «Вайгъарай» (прятки), «Ковъзбайлавыи» (жмурки), «Бос ер» (пустое место).

Мальчики 13-14 лет играли в «Къадамшик». Эта игра была связана с хозяйственной деятельностью ногайцев. Взрослые поручали детям собрать и утробовать кизяк, но все эти трудовые процессы дети превращали в игру. Правила ее были таковы. Вначале участники игры для уплотнения кизяка втыкали в него колышки, а затем сбивали их палкой, кто больше всех сбивал, тот и выходил победителем.

Любимой игрой как для мальчиков, так и для девочек была «Балатав ойнав». Для этого выбирали ровную местность, делали в земле 5-6 небольших лунок, на расстоянии 2-3-х метров друг от друга, и палкой пытались загнать мяч в лунку. Победителем игры считался тот, кто больше всех загонит мячей в лунки.

Популярной среди детей была и игра в «Данъдрукъ». Взрослые изготавливали волчок, состоящий из заостренной деревянной палочки, в которую вдевали и крепили деревянный круг с дырочкой посередине. Дети втыкали в землю волчок и с помощью плетки заставляли его вращаться. Кто дольше всех вращал волчок, тот и становился победителем.

instituteofhistory.ru

Любимой игрой девочек была игра в свадьбу «Куршакъ той» (букв. кукольная свадьба). Каждая приносила с собой куклу. Куклы были из кукурузных початков, матерчатые, глиняные. Собравшись, девочки выбирали из кукол жениха и невесту, наряжали их соответственно случаю, и начиналась «кукольная свадьба» со всеми атрибутами и сюжетом свадебного церемониала. Девочки точь-в-точь воспроизводили действия взрослых по проведению традиционной свадьбы. «Кукольная свадьба» была любимой игрой и других дагестанских девочек¹.

В куклы (*коршак*) играли и небольшими группами. Летом девочки лепили из глины кукол, домики, домашнюю утварь, веточками полыни огораживали кукольное жильё и играли в семью.

Чаще дети в своих играх подражали мычанию коров, бляению коз, овец, ржанию лошадей, лаянию собак. Имитировали звуки диких животных и птиц: сов, кукушек, кабанов и т.д. Делали это на спор. Проигравший должен был прокатить на своей спине победителя.

Дети постарше подшучивали над малышами. Так, мальчики 12-15 лет подзывали к себе малышей и давали им разные поручения. Кто быстрее пригонит овец, принесет воды, добежит до определенного

---

¹Мусаева М.К. Традиционные детские игрушки народов Южного Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 20. С. 84.

места, дольше соперника простоит на одной ноге, дольше всех зажмурит глаза, достанет языком кончик носа и т.д. Того, кто стойко перенесет все испытания, причисляли к взрослым, что являлось высшей наградой для малышей.

Среди ногайских детей была популярна игра в «асыкъ» (кости), вырабатывавшая глазомер, меткость, зоркость, точность.

Не менее популярна была и игра «бавындырык» (в воздушного змея), для которого вместо бумаги использовали растянутый и высушенный бычий пузырь. Существовала игра «обгиз мойын» (бычья шея), во время которой двое участников надевали на шею широкий пояс и стоя пытались перетянуть друг друга. Аналогично этой была и другая игра, но выполняли ее сидя, сопротивляясь ногами, - «табан тиресув» (сопротивление ногами)¹.

Взрослые вырезали из кости и дерева игрушки для детей, это были разнообразные фигурки животных, птиц, людей, свистульки.

Среди ногайцев была распространена и игра в шахматы. Играть в них учили еще с детства. Так, Д. Шлаттер отмечал, что «известные на всем Востоке шахматы популярны у ногайцев под названием «шаштраш». Фигуры они делают из дерева или кости»².

Особое место в детских развлечениях занимали и всевозможные считалки, загадки, заговоры, страшилки. В детской среде бытовали и разнообразные дразнилки, обращенные друг к другу. В них дети высмеивали различные недостатки ровесников. Чаще всего они адресовались детям из соседнего квартала, другого тухума. Дразнилки являлись не только словесной перепалкой между детьми, но еще и действенным средством для развития детской сообразительности, красноречия, остроумия.

Итак, в жизни детей, помимо игр, связанных с календарными праздниками и обрядами, посвященных производственным праздникам и циклам, существовали разнообразные игры развлекательного характера, не связанные непосредственно с трудовой и обрядовой сферами. Они функционировали в повседневном быту, вне торжеств и праздников, вне ритуала. В структурном отношении их можно разделить на ролевые, имитационные, групповые, индивидуальные, игры с предметами и без них. По своей сути они были направлены на воспитание детей, на развитие у них физической силы, выносливости, ловкости, смелости, наблюдательности, сообразительности и т.д.

---

¹Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь, 2009. С. 340.

²Цит по: Керейтов Р.Х. Указ. соч. С. 340.

В XIX – начале XX века праздничная культура ногайцев имела свою специфику, которая заключалась в половозрастной сегрегации участников праздничных торжеств. Особую роль она играла в воспитании подрастающего поколения – именно во время общественных мероприятий происходила передача накопленного опыта, воспитывались чувства коллективизма и единения народа.

Таким образом, ногайцы, как и многие народы, отмечали праздники, связанные с сельскохозяйственным календарем, религиозные, семейные и др., которые, помимо утилитарной и социокоммуникативной, выполняли функцию эстетического и физического воспитания народа.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материалов показывает, что общественный быт ногайцев прошел длинный и сложный путь своего развития. В XIX – начале XX века в нем произошел ряд изменений, которые касались, прежде всего, системы управления: появился институт царских приставств со штатом выборных должностных лиц. Наряду с этим нововведением, которое, безусловно, внесло определенные коррективы в общественный быт ногайцев, продолжали сохраняться и старые формы управления.

Большую роль в управлении общинниками играл совет старейшин, в который непременно входила и местная знать. Значительная часть вопросов, касавшихся местных жителей, решалась на общем собрании большинством голосов. Царское правительство избрало для себя тактику стороннего наблюдателя: оно не вмешивалось во внутреннюю жизнь ногайцев, но в то же время контролировало деятельность местных старшин.

Спорные вопросы, возникавшие внутри общины, решались с помощью адатов и норм шариата. Однако в случае несправедливого решения местных властей ногайцы обращались в государственные органы правосудия, где их жалобы рассматривались в рамках законов Российской империи. Таким образом, в исследуемый период в общественном быту ногайцев сочетались новые и старые формы управления, вместе с тем прослеживалась тенденция приспособления старых форм управления к современным реалиям жизни.

Немалую роль в поддержании порядка и согласия внутри общинников играли нормы общественного поведения. Выработанные и апробированные не одним поколением людей, они стали своеобразным кодексом чести и достойного поведения в обществе.

Нормы общественного поведения ногайцев в основе своей имеют общетюркские и кавказские традиции, что связывает их не только с тюркоязычными народами региона, но и с другими народами Дагестана и Северного Кавказа.

В XIX – начале XX века в системе общественного быта ногайцев важное место продолжали занимать обычаи гостеприимства и куначества. Этот древний обычай был распространен на Кавказе повсеместно, но надо отметить, что каждый этнос привносил в него свои традиции. Так, например, у ногайцев в приеме гостя наряду с тюркскими традициями прослеживаются и чисто кочевнические, которые прояв-

лялись в правилах приветствия, рассаживания за столом, подаче и распределении мясных блюд, распитии кумыса и т.д.

Широкое распространение и строгое соблюдение обычаев гостеприимства и куначества на Кавказе было вызвано, прежде всего, природно-географическими особенностями горного края и национально-языковым многообразием. В этих условиях не иметь кунаков в иноязычной среде означало полную незащищенность и изоляцию. В этом плане весьма показательна ногайская пословица: «Человек без гостей – что птица без крыльев». Таким образом, кавказское гостеприимство объясняется не только особенной душевной организацией жителей региона, но и объективными причинами, связанными со спецификой местного ландшафта.

Большое место в общественном быту ногайцев занимал обычай взаимопомощи. В суровых условиях степной зоны помощь была необходимым условием для нормальной жизнедеятельности общины. В исследуемый период у ногайцев продолжают сохраняться основные виды коллективной взаимопомощи, но в связи с изменениями в социально-экономической жизни, приведшими к распаду больших (неразделенных) семей, коллективная взаимопомощь постепенно уступает место соседской и родственной. Помощь становится адресной, так как семьи, оказавшие помощь, рассчитывали на равноценную поддержку.

Сдерживающим фактором от совершения убийства являлся обычай кровной мести, в исследуемый период принцип «око за око», «кровь за кровь» был заменен уплатой штрафа. В разных регионах проживания ногайцев «цена крови» зависела от местных порядков и сословной принадлежности убитого (чем выше был статус убитого, тем более высоким был штраф).

Немаловажную роль в общественной жизни ногайцев играл досуг. Совместные вечера явились не только местом, где отдыхали от тяжелой работы и повседневных забот, но и местом, где обменивались информацией, обсуждали новости, воспитывали молодежь, передавали им трудовые навыки и опыт, прививали нравственные качества. Общественная жизнь ногайцев была устроена таким образом, чтобы поведение и поступки взрослых являлись для молодежи образцом для подражания. Примером могли служить и совместный труд, и минуты опасности, и радостные события.

В XIX – начале XX века в неизменном виде продолжают сохраняться общественные праздники, которые носили массовый характер, с обязательными элементами всеобщего веселья и традициями, характерными для кочевых народов (конные состязания, козлодрание,

стрельба из лука, метание камня, перетягивание каната, поднятие тяжестей и т.д.).

Таким образом, в XIX – начале XX века у ногайцев произошел ряд значительных изменений в системе управления и судопроизводства, в обычаях взаимопомощи, гостеприимства и куначества, кровной мести, изменились и некоторые нормы общественного поведения. Преобразования в Ногайской степи хотя и шли медленно, но были необратимыми, как и весь ход исторических процессов в стране.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЛИТЕРАТУРА

І. Материалы РФ ИИАЭ ДНЦ РАН

1. Архив С.Ш. Гаджиевой // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197.
2. Буткевич Б. Запись об участии в дагестанской этнографической экспедиции // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д. 49.
3. Джанибеков А.-Х.Ш. Очерки по истории ногайцев // РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф.28. Оп. 1. Д. 1.
4. Исламмагомедов А.И. Общественный быт лезгин в XIX в.: Нормы общественного поведения // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 685.
5. Исламмагомедов А.И. Общественный быт кумыков и ногайцев в XIX – нач. XX в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 705.
6. Общественный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 717.
7. Капельгородский Ф. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп.1 .
8. Лугуев С.А. Общественный быт лакцев во второй половине XIX – начале XX века // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 3. Д. 549.
9. Мутенин И.Т. Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67.

ІІ. Документы и материалы

1. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Сост. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис: Тип. канцелярии глав. нач. гр. ч. на Кавказе, 1899. 626 с.
2. Адаты ханств под российским протекторатом: Кодексы Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства (введение и комментарии Г.М.-Р. Оразаева) // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. II. / Сост., отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. Дом Марджани, 2009. С. 118-201.
3. Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Вып. VII. Тифлис, 1873. 547с.
4. АКАК. Тифлис, 1881. Т. 8. 897 с.
5. Алибеков Манай. Адаты кумыков. Махачкала, 1927. 40 с.
6. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 1-40.
7. Леонтович Р.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Т. 2. 396 с.

8. Комаров А.В. Алаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 1-80.
9. Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. 1846. № 38.
10. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV – XVIII вв. / Сост.: Кидирниязов Д.С. Махачкала, 1999. 415 с.
11. Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 13.
12. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489-1508 гг. М., 1984.
13. Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Законы вольных обществ Дагестана XVII – XIX вв.: Архивные материалы /Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаева; отв. ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала, 2007. С. 231-280.
14. Свод решений, обязательных для жителей Андалальского округа // Законы вольных обществ XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Состав., пред. и прим. Х.-М. Хашаева; отв. Ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: ИД Эпоха, 2007. С. 89-97.
15. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1850. 621 с.

III. Монографии

1. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. Махачкала, 1978. 303 с.
2. Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб.: Сенат. тип., 1912. 139 с.
3. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. 238 с.
4. Агларов М. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002. 304 с.
5. Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование. Махачкала: Даг.кн.изд-во, 1992. 264 с.
6. Алимова Б.М. Кайтаги. XIX - начало XX в.: историко-этнографическое исследование. Махачкала: Изд. «Юпитер», 1998. 228 с.
7. Алимова Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX– начале XX в.: Общее и особенное в свете генетических истоков и этнокультурных взаимодействий. Махачкала: Народы Дагестана, 2003. 121 с.

8. Алимова Б.М. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: ИД Наука плюс, 2005. 244 с.
9. Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1993. 190 с.
10. Алимова Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала: изд. ИИАЭ, 1997. 176 с.
11. Бабич И.Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995. 128 с.
12. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 247с.
13. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. 166 с.
14. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 152 с.
15. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 230 с.
16. Бентковский Г.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1. Ногайцы. Ставрополь, 1883. 134 с.
17. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селиванского, 1823. Ч.2. 472 с.
18. Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф., Сефербеков Р.И. Быт и культура табасаранцев в XIX – XX вв. Махачкала, 2004. 266 с.
19. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. М. Л.: Наука, 1988. 198 с.
20. Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.
21. Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2000. 387 с.
22. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Армавир, 2001. 191 с.
23. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. ЗРАНОИФ. Т. XIII, № 6. Пгр., 1922.
24. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976. 226 с.

25. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1979. 173 с.
26. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 358 с.
27. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX–начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. 216 с.
28. Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. XIX–начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1999. 359 с.
29. Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историческое прошлое, культура и быт. Кн. 2. Махачкала: Даг.кн.изд-во, 2005. 436 с.
30. Гаджиева С.Ш., Османов З.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. 232 с.
31. Гамзатова А.Ш. Гостеприимство и куначество у горцев Центрального и Западного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала: Эпоха, 2008. 179 с.
32. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры, 1967. 328 с.
33. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов-Москва, 1923. 381 с.
34. Герберштейн С. Записки о Московии /Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
35. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав. О народах татарского племени. СПб: Изданием император. АН, 1799. Ч.2. 178 с.
36. Гимбатова М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX - начале XX в. Махачкала: Эпоха, 2005. 188 с.
37. Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX в.). Махачкала: Эпоха, 2007. 342 с.
38. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX века). Махачкала: Эпоха, 2014. 392 с.
39. Гмелин С.Г. Путешествия по России для исследования трех царств естества. СПб., 1784. Т. IV. 361 с.
40. Гольдштейн А.Ф. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала, 1969. 102 с.
41. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограж-

дающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах (Собранные с 1816 по 1826 гг.). СПб., 1829. 463 с.

42. Джанашия Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1960. 129 с.

43. Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Факсимильное издание 1861 г. СПб.: Альфарет, 2009. 78 с.

44. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. деп. уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. 656 с.

45. Жирмунский В.М. Избранные труды: Тюркский героический эпос. Л., 1974. 727 с.

46. Забудский Н.Н. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т.16. (Кавказский край). Ч.1. Ставропольская губерния / Сост. Ген. Штаба кап. Забудский. СПб: Изд. при 1-м отделении Департамента ген. Штаба трудами офицеров Ген. Штаба, 1851. 274 с.

47. Игры народов СССР // Сб. м-ов / Соств. В.Н. Всеволодский-Чернгросс. М.-Л., 1933. 389 с.

48. Исламмагомедов А. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XVIII – нач. XX в. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2002. 442 с.

49. Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы: этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала: Изд. ДАГ ФАН СССР, 1967. 369 с.

50. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Весенние праздники. М.: Наука, 1977. 357с.

51. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М.: Восточная литература, 1993. 448 с.

52. Калмыков И.Х. Черкесы: Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1974. 344с.

53. Калмыков И. Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1988. 232 с.

54. Калоев Б.А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). Изд. 2. М.: Наука, 1971. 320 с.

55. Капаев С.И. Ногайский дом. Повесть, статья. Черкесск: Карачаево-Черкесское респ. кн. изд-во, 1995. 216с.

56. Капельгородский Ф.О. Аш хаду. Краснодар, 1984.

57. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Отв. ред. Л.И. Лавров. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1978. 337 с.

58. Карганов Н.А. О горских словесных судах на Северном Кавказе. Пг., 1914. 39 с.
59. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа / Отв. ред. Н.М. Гиренко. СПб.: Наука, 1996. 311 с.
60. Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. 176 с.
61. Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь: Сервисшкола, 2009. 464 с.
62. Кидирниязов Д.С. Ногайцы XV – XVIII вв. Махачкала, 2000. 404 с.
63. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII в. Махачкала, 2000. 257 с.
64. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. Махачкала, 2003. 218 с.
65. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX–нач. XX в. (Исследование экономического развития и социально-политического устройства). Махачкала, 2005. 218 с.
66. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 240с.
67. Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. М., 1905. Вып. 1. 316 с.
68. Кочекаев Б.-А.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма-Ата: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1973. 185с.
69. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV – XVIII вв. Алма-Ата, 1988. 180 с.
70. Курбанов М.-З. Ю. Сюргинцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006. 186 с.
71. Липец Р.С. Образ Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263с.
72. Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX века). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 304 с.
73. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы). Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: Изд. ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 206 с.
74. Магомедсалихов Х.Г. Традиционные формы разрешения конфликтов у аварцев в XIX – нач. XX в. Махачкала, 2003. 190 с.

75. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 255 с.
76. Мамхегова Р.А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1993. 142 с.
77. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. 215 с.
78. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. 274 с.
79. Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. 251 с.
80. Мухаммад Садык-и Кашакари. Адаб-уль-Сали-хан / Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1895. 202 с.
81. Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. 192 с.
82. Народы Кавказа / Под общей ред. чл.-корр. АН СССР С.П. Толстова / Под ред. М.О. Косвена, Л.И. Лаврова, Г.А. Некрасова, Х.О. Хашаева. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т.1. 576 с.
83. Народы России: Ногайцы. Характер и народный быт. Оттиск «Природа и люди». 1879. 268 с.
84. Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России (XIX – начало XX вв.) / Под ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый сад, 1999. 142 с.
85. Новосельский А.Н. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948. 450 с.
86. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1906. 582 с.
87. Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX вв.: (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала: ДНЦ РАН, 2007. 180 с.
88. Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842.
89. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877. 47 с.
90. Плано Карпини. История монгалов. Гильом Рубрук. Путешествия в восточные страны. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957. 270 с.
91. Ризаханова М.Ш. Гунзибцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001. 189 с.
92. Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2005. 313 с.
93. Ризаханова М.Ш. Гинухцы. XIX – начало XX века. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006. 210 с.
94. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. IV. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М.: Наука, 1991. 168 с.

95. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Ногайцы. СПб., 1895. 380 с.

96. Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. 328 с.

97. Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984. 232 с.

98. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX в.). М.: Наука, 1983. 264 с.

99. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 335 с.

100. Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. 190 с.

101. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

102. Унежев К.Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 512 с.

103. Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). М., 1979. Вып. 2. 548 с.

104. Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1956. 265 с.

105. Шамова В.А. «Кубахруми» – праздник первой борозды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 15 с.

106. Шихалиев Д.-М. М. Рассказ кумыка о кумыках. Приложение. Народные юридические обычаи у кочевых мусульман Ставропольской губернии. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. (Перепеч.: Кавказ, 1848. №№ 33-34). 27 с.

107. Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. В 4-х тт. Ставрополь, 1910. Т.1. 483 с.

108. Эльмурзаева А.Д. Обычай взаимопомощи у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. Махачкала, 2008. 126 с.

109. Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901. 168 с.

IV. Статьи и тезисы

1. Абельдяев Н.М. Заметки о домашнем быте дагестанских горцев / К. Тифлис, 1857. № 50-51.

2. Агларов М.А. Поселения и жилища андийской группы народов в XIX – нач. XX в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 16. С. 367-390.

3. Агларов М.А. О происхождении календарного праздника «выход плуга» // Материалы сессии, посвященной итогам экспедицион-

ных исследований в Дагестане в 1978-1979гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 27-28

4. Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни. История покровителя Вселенной / Пер. В.В. Трепавлова // Родина. 1997. № 3-4. С. 109-112.

5. Алимова Б.М. Некоторые представления табасаранцев о народном календаре // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 17-27.

6. Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни // СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып. 20. С. 36-63.

7. Арсланов Л.Ш. К вопросу о карагашском языке // СТ. 1977. № 4. С. 73-81.

8. Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии: Сб. статей. М., 1988. С. 30-37.

9. Байрамукова А.Т. Намыс, адет, адеб // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002-2003гг.: Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 66-67.

10. Батукаев М. Этика и этикет народов Кавказа: Чеченский адат // Современный Кавказ. Пятигорск, 2006. С. 134-137.

11. Бгажноков Б.Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгейских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 179-202.

12. Бгажноков Б.Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // СЭ. 1987. № 2. С.89-100.

13. Вайнштейн С.И. К истории ранних форм семейно-брачных отношений (ойтулааш у тувинцев) // СЭ. 1964. № 2. 68-84.

14. Викторин В.М. Обычно-правовая этническая и исламская (шариатная) традиции в общественном устройстве астраханских ногайцев XVIII – нач. XX вв. // Традиционная этническая культура и народные знания. Материалы международной конференции. М., 1994. С. 24-25.

15. Гамзатова А.Ш. Куначество в системе общественного быта народов Дагестана (XIX – начало XX века) // Вестник ДНЦ. 2006. № 24. С. 80-84.

16. Гарданов В.К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов // СЭ. 1964. № 1. С. 34-59.

17. Гимбатова М.Б. Из истории обычного права ногайцев (XVII – начало XIX в.) // Вестник ДНЦ. 2001. № 10. С.110-114.

18. Гимбатова М.Б. Семейная трапеза ногайцев как наглядная модель этикетного поведения (XIX – начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. ОН. 2008. № 5. С. 49-52.

19. Гимбатова М.Б. Влияние ислама на этикет ногайцев (XIX – начало XX в.) // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 3. Махачкала, 2008. С. 73-79.

20. Гимбатова М.Б. Формы приветствия и прощания в общественной жизни ногайцев (XIX – начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. ОН. 2009. № 1. С. 50-53.

21. Гимбатова М.Б. Морально-этические нормы ногайцев в общедагестанской системе нравственных ценностей // Материалы научно-практической конференции «Единство народов Дагестана – основа политической стабильности, социально-экономического и культурного развития республики». Махачкала, 2009. С. 168-174.

22. Гимбатова М.Б. Кровная месть в системе общественной жизни ногайцев (XIX – начало XX века) // Дагестанский этнографический сборник, посвященный памяти М.-З. О. Османова. Вып. 4. Махачкала, 2009. С. 57-64.

23. Гимбатова М.Б. Роль адатов в общественной жизни ногайцев (XVIII – начало XIX вв.) // Материалы Всероссийской научной конференции «Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности». (9-10 июня 2009 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2009. С. 108-111.

24. Гимбатова М.Б. Обычай взаимопомощи в общественной жизни ногайцев (XIX – начало XX века) // Актуальные проблемы истории Кавказа. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. Р.М. Магомедова. (Махачкала, 14-15 апреля 2010 г). Махачкала, 2010. С. 260-262.

25. Гимбатова М.Б. Институт кровной мести у ногайцев как явление общественной жизни // Наука и образование в Чеченской республике: состояние и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию со дня основания КНИИ РАН. 7 апреля 2011г., г. Грозный. С. 565-569.

26. Гимбатова М.Б. «Навруз-байрам» у степных ногайцев в прошлом и настоящем // Материалы Научно-практической конференции «Традиционная народная культура и современность: проблемы сохранения и возвращения в жизнь». Краснодар, 29-30 ноября 2011г., г. Краснодар, 2011. С. 227-234.

27. Гимбатова М.Б. Традиции гостеприимства и куначества у тюркоязычных народов Дагестана (XIX – нач. XX в.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. № 1(29). С. 146-159.

28. Гимбатова М.Б. Тюркоязычные народы Дагестана: территория расселения // Этнокультурное пространство юга России (XVIII –

XXI вв.) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ноябрь – декабрь 2013 г., г. Краснодар. Краснодар: Традиция, 2013. С. 239-246.

29. Грюнберг А.Л., Рахимов Р.Р. Этикет у народов Афганистана // Этикет у народов Передней Азии. М.: Наука, 1988. С. 189-220.

30. Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмилио Дортелли Д'Асколи, префектом Кафы, Татарии и пр., в 1634 г. // ЗИООИД. Одесса, 1902. Т. 14. С. 89-180.

31. Дибиров М.А. Дагестанские народные игры как историко-этнографический источник для изучения традиционного календаря (о возникновении аварского названия среда чугадул къо «день рыбы») // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Сб. ст. Махачкала, 1987. С. 45- 63.

32. Егорова В.П. О состоянии кровомщения в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. // ВИЭД. 1976. Вып. 7. С. 99-118.

33. Захаров А. Домашний и социальный быт женщин у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 91-157.

34. Золотарев А.М. Общественные отношения дородовой коммуны. // Первобытное общество. Сборник статей под ред. Н.М. Маторина. М.: журнально-газетное объединение «Интернациональная типография», 1932. С. 77-104.

35. Калмыков И.Х. Традиционные виды игр у ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии, 1980. С. 148-152.

36. Калмыков И.Х. Самобытные физические упражнения и игры у тюркских народов // Половецкая луна. 1994. № 1/8. С. 129-134.

37. Калоев Б.А. Поселения и жилища агулов // КСИЭ. М., 1955. Вып. 23. С. 39-40.

38. Калоев Б.А. Осетино-вайнахские этнокультурные связи // КЭС. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М.: Наука, 1989. Вып. IX. С.137-158.

39. Керейтов Р.Х. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // СЭ. 1980. №2. С. 117-127.

40. Керейтов Р.Х. Весенний праздник «Сабантой» у ногайцев // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982-1983 гг. Черновцы, 1984. С. 160-161.

41. Керейтов Р.Х. Два сюжета из мусульманского месяца «Ораза» у ногайцев // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1988. С. 38.

42. Керейтов Р.Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 91-142.

43. Кидирниязов Д.С. Западные ногайцы // Половецкая луна. 1993. №№ 3-7. С. 33-35.

44. Кужелева Л.Н. Ногайцы (из истории ногайцев XVIII – нач. XX в.) // УЗ. ИИЯЛ им. Г. Цадасы. Т. 13., сер. истор. Махачкала, 1964. С. 194-229.

45. Лавров Л.И. Из поездки в Балкарию // СЭ. № 11. Л., 1939. С. 175-181.

46. Лавров Л.И. Абазины (Историко-этнографический очерк) // КЭС. Труды Института этнографии. Нов. сер. XXVI. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 5-47.

47. Лавров Л.И. Рутульцы // Народы Дагестана. М., 1955. С. 192-203.

48. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии. Нов. сер. Т. LI. М., 1959. С. 193-236.

49. Лавров Л.И. Историко-этнографические мелочи // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 264-272.

50. Лугуев С.А. Гостеприимство и куначество у лакцев (вторая половина XIX – нач. XX в.) // Семейный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1980. С. 67-74.

51. Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX – нач. XX в. // Семейный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1980. С. 75-88.

52. Лугуев С.А. Изменения в традиционной культуре общения народов Дагестана после присоединения к России // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала: Изд. Даг. ФАН СССР, 1990. С. 168-172.

53. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 2000. 206 с.

54. Любимова Г.Н., Хан-Магомедов С.О. Табасаранская архитектура // Народная архитектура Южного Дагестана. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1956. 104 с.

55. Малявкин Г. Караногайцы // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 г. /Под ред. Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С.133-173.

56. Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском. ун-те. Т. 12. Вып. 1-2. Казань, 1894. С. 1-67.

57. Мусаева М.К. Взаимопомощь и ее формы у хваршин // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1987. С. 126-131.

58. Мусаева М.К. Дети и подростки народов равнинного и Южного Дагестана в традиционной календарной обрядности // Дагестанский этнографический сборник, посвященный памяти А.Г. Булатовой. Махачкала, 2008. С. 112-122.

59. Мусаева М.К. Традиционные детские игрушки народов южного Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 20. С. 83-89.

60. Никольская З.А. Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в. // Краткие сообщения института этнографии. Вып. 7. М., 1949. С. 75-77.

61. Османов М.О. Сельскохозяйственный календарь и аграрные культы // Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 54-64.

62. Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ, 1867. № 12.

63. Поноженко Е.А. Маслагатный суд и судебный процесс у ногайцев в XVIII – XIX вв. // Вестник МГУ. 1976. № 3. Сер. XII. Право. С. 70-77.

64. Поноженко Е.А. Общественный строй ногайцев в XV – середине XVII в. // Вестник МГУ. 1977. № 4. Сер. XI. Право. С. 92-96.

65. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1858. 292 с.

66. Резван Е.А. Этнические представления в Коране // Этикет у народов Передней Азии. М.: Наука, 1988. С. 38-59.

67. Рудановский А. О Караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. 1863. № 51.

68. Сафаргалиев М.Г. Ногайская орда во 2-й половине XVI в. // Сб. научных работ. Саранск, 1949.

69. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. (1852) // КС. Тифлис, Т. 21. Тифлис, 1900. Отд. II. С. 76-80.

70. Тамбиева Ф.А. Коммуникативные этикетные стереотипы (на материале французского, русского и карачаевского языков) // Лавров-

ские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002-2003гг.: Тезисы докладов. СПб., 2003. С. 55-56.

71. Фарфоровский С.В. Народное образование среди ногайцев Северного Кавказа в связи с современным их бытом // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1909. № 2 Ч. 24. С. 179-212.

72. Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк // ЗКОИРГО. Тифлис, 1909. Кн. XXVI. Вып.7. 34с.

73. Хасбулатова З.И. Вайнахский этикет. Традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX – начале XX века // Культура Чечни: История и современные проблемы / [Отв. ред. Х.В. Туркаев]. М.: Наука, 2006. С. 202-218.

74. Хиясова С.Г. Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения. Сборник научных статей. Махачкала, 2006. С. 278 -290.

75. Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни и менталитет чеченцев //ЭО. 1994. № 5. С. 33-44.

76. Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // Известия Кавказского историко-археологического института. Тифлис, 1927. Т. 5. С. 43-60.

77. Шаханова Н.Ж. Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С.176-188.

78. Ярлыкапов А. Ногайцы // Живописная Россия. 2007. № 3. С. 4-7.

instituteofhistory.ru

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

1. Абдулжалилова Бекхан, 1927г.р., с. Каясула Нефтекумского района Ставропольского края.
2. Абдулхаликова Еминат, 1939г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан (далее РД).
3. Абдурахманова Асрет, 1945г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
4. Агаспаров Акманбет, 1952г.р., с. Сары-Су Шелковского района Чеченской республики (далее ЧР).
5. Агаспаров Йолманбет, 1929г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
6. Агаспаров Шарапдин, 1935г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
7. Агаспарова Майминат, 1938г.р., г. Махачкала РД.
8. Агаспарова Менлихан, 1944г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
9. Аджигельдиева Акманет, 1925г.р., с. Кумли Ногайского района РД.
10. Аджимурзаев Али, 1929г.р., пос. Мирный Шелковского района ЧР.
11. Аджиниязов Адиль-мурза, 1932г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
12. Адиева Атав, 1928г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
13. Аккишиев Темирхан, 1936г.р., с. Ленин-аул Ногайского района РД.
14. Акманбетов Тахир, 1949г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
15. Акманбетова Аминат, 1918г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
16. Алпысова Лайлихан, 1924г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
17. Алпысова Сапу, 1949г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
18. Арсланова Тайрат, 1924г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
19. Баисов Шокай, 1933г.р., с. Икон-Халк Ногайского района Карачаево - Черкесской Республики (далее КЧР).
20. Баисова Минат, 1915г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
21. Байрамбаева Майрат, 1935г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.

22. Байманбетов Нурали, 1950г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
23. Байманбетов Нурадил, 1955г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
24. Байманбетов Расул, 1962г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
25. Байманбетова Боранбике, 1934г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
26. Байманбетова Залина, 1965г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
27. Байманбетова Ханибек, 1954г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
28. Байманбетова Ханитат, 1924г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
29. Байманбетова Юмазиет, 1933г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
30. Байрашев Ахмат, 1929г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
31. Байрашева Казинет, 1929г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
32. Балжанова Кизларбике, 1927г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
33. Батыров Нукай, 1912г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
34. Бекбулатов Сейпу, 1932г.р., с. Ленин-аул Ногайского района РД.
35. Бекбулатова Екев, 1936г.р., с. Ленин-аул Ногайского района РД.
36. Бекмурзаев Муса, 1928г.р., с. Эдиге Ногайского района РД.
37. Биймурзаева Юмазиет, 1923г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
38. Бурамбаев Ажмурза, 1927г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
39. Бурамбаева Шайдат, 1928г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
40. Джамалов Алимпаша, 1927г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
41. Джамалова Айшат, 1929г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
42. Дуйсембиева Алуват, 1925г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
43. Елманбетов Аинди, 1947г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.

44. Ербекова Байрамхан, 1929г.р., с. Адиль-Халк Ногайского района КЧР.
45. Кадирбердиева Мария, 1936г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
46. Кадирниязова Айшат, 1922г.р., с. Воскресеновское Шелковского района ЧР.
47. Казаков Валерий, 1948г.р., с. Адиль-Халк Ногайского района КЧР.
48. Камбарова Аминат, 1934г.р., с. Эркин-Халк Ногайского района КЧР.
49. Капланов Алибек, 1950г.р., с. Эдиге Ногайского района РД.
50. Каратаева Тойбике, 1928г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
51. Картакаев Ибрагим, 1930г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
52. Кельдасов Бальбек, 1932г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
53. Керейтова Рабият, 1925г.р., с. Адиль-Халк Ногайского района КЧР.
54. Керейтова Тайват, 1931г.р., с. Эркин-Юрт Ногайского района КЧР.
55. Керейтова Татлыхан, 1933г.р., с. Эркин-Халк Ногайского района КЧР.
56. Кожаяева Аминат, 1931г.р., с. Червлёные Буруны Ногайского района РД.
57. Кокошева Зейнаб, 1932г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
58. Куванаев Мурат, 1933г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
59. Куванаев Султан, 1930г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
60. Куванаева Райлет, 1949г.р., с. Огузер Кизлярского района РД.
61. Куванаева Райме, 1931г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
62. Кулушева Абидат, 1925г.р., с. Каясула Нефтекумского района Ставропольского края.
63. Кульниязов Ахмат, 1949г.р., с. Ленин-аул Ногайского района РД.
64. Кызболганова Анипет, 1934г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
65. Магомедзиева Айсе, 1942г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
66. Магомедова Аминат, 1930г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
67. Магомедьяева Балсекер, 1939г.р., с. Каясула Нефтекумского района Ставропольского края.

68. Мамуров Шора, 1949г.р., с. Кумли Ногайского района РД.
69. Мамурова Тансык, 1950г.р., с. Кумли Ногайского района РД.
70. Мансуров Курган, 1925г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
71. Межитов Асан, 1922г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
72. Муллаева Айшат, 1922г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
73. Найманова Айсе, 1940г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
74. Нукбулганова Зарган, 1927г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
75. Нургишиев Абдусамед, 1905г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
76. Нурмамбетов Абдулла, 1925г.р., ст. Старогладовка Шелковского района ЧР.
77. Оразова Увылкан, 1922г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
78. Отепов Залимхан, 1944г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
79. Романова Зейнаб, 1930г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
80. Савкатова Аруьбийке, 1933г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
81. Садыкова Кульсим, 1942г.р., с. Червленые Буруны Ногайского района РД.
82. Саламатов Алимурза, 1923г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
83. Салиев Ажмуса, 1936г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
84. Салиев Пита, 1945г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
85. Салимгереев Битув, 1927г.р. с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
86. Салимгереева Сайбат, 1930г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
87. Саликова Кумис, 1932г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
88. Сейбаталова Арувзат, 1925г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
89. Сикалиева Нина, 1957г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
90. Суондуков Абдулла, 1924г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.

91. Тулиниязова Зару, 1927г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
92. Туркменов Магомед, 1932г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
93. Туркменова Венера, 1971г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
94. Туркменова Кулизар, 1932г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
95. Узаиров Сарси, 1906г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
96. Узаирова Маляйт, 1922г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
97. Унаджева Шайдат 1940г.р., с. Икон-Халк Ногайского района КЧР.
98. Ханмурзаев Кошали, 1924г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
99. Чатырбаева Аксекер, 1932г.р., с. Огузер Кизлярского района РД.
100. Шамавова Кулият, 1934г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
101. Шаманова Мадав, 1934г.р., с. Сары-Су Шелковского района ЧР.
102. Шекеров Язимбет, 1922г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
103. Шекерова Мукминат, 1930г.р., с. Кунбатар Ногайского района РД.
104. Эсенгельдиева Явгерет, 1936г.р., с. Нариман Ногайского района РД.
105. Эспергенова Патимат, 1918г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
106. Юзманбетова Юмаш, 1930г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.
107. Юсупова Галина, 1944г.р., с. Канглы Минераловодского района Ставропольского края.
108. Якубова Патимат, 1924г.р., с. Терекли-Мектеб Ногайского района РД.
109. Якубова Фатима, 1927г.р., с. Ново-Дмитриевка Тарумовского района РД.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.

АЭС – Археолого-этнографический сборник. Нальчик.

БСЭ – Большая Советская энциклопедия. Москва.

Вестник ДНЦ – Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала.

Вестник ИИАЭ – Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала.

ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр Российской Академии наук. Махачкала.

ГАРД – Государственный архив Республики Дагестан. Махачкала.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края. Ставрополь.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.

ЗИООИД – Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса.

ЗКОРИГО – Записки Кавказского отделения Русского императорского географического общества. Тифлис.

ЗРАНОИФ – Записки Российской Академии наук по отделению исторических наук и филологии. Петроград.

КС – Кавказский сборник. Тифлис.

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва.

КЧНИИ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск.

КЭС – Кавказский этнографический сборник. Москва.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

ПИИЭ – Полевые исследования Института этнографии АН СССР. Москва.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

СССК – Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь.

СТ – Советская тюркология. Баку.

СЭ – Советская этнография. Москва.

ТС – Терский сборник. Владикавказ.

ТС – Тюркологический сборник. Москва–Ленинград.

ЭО – Этнографическое обозрение. Москва.

РФ ИЯЛИ ДНЦ РАН – Рукописный фонд Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра Российской Академии наук. Махачкала.

РФ ИИАЭ ДНЦ РАН – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук. Махачкала.

УЗ АНИИ – Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп.

ЮО НИИ – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт. Цхинвали.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Гимбатова Мадина Багавутдиновна

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ НОГАЙЦЕВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Научное издание

Подготовка оригинал-макета *Керимова Н.А.*
Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*
Корректор *Бородина И.С.*

Подписано в печать 22.10.2018 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 10. Уч.- изд. л. 8,2. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru